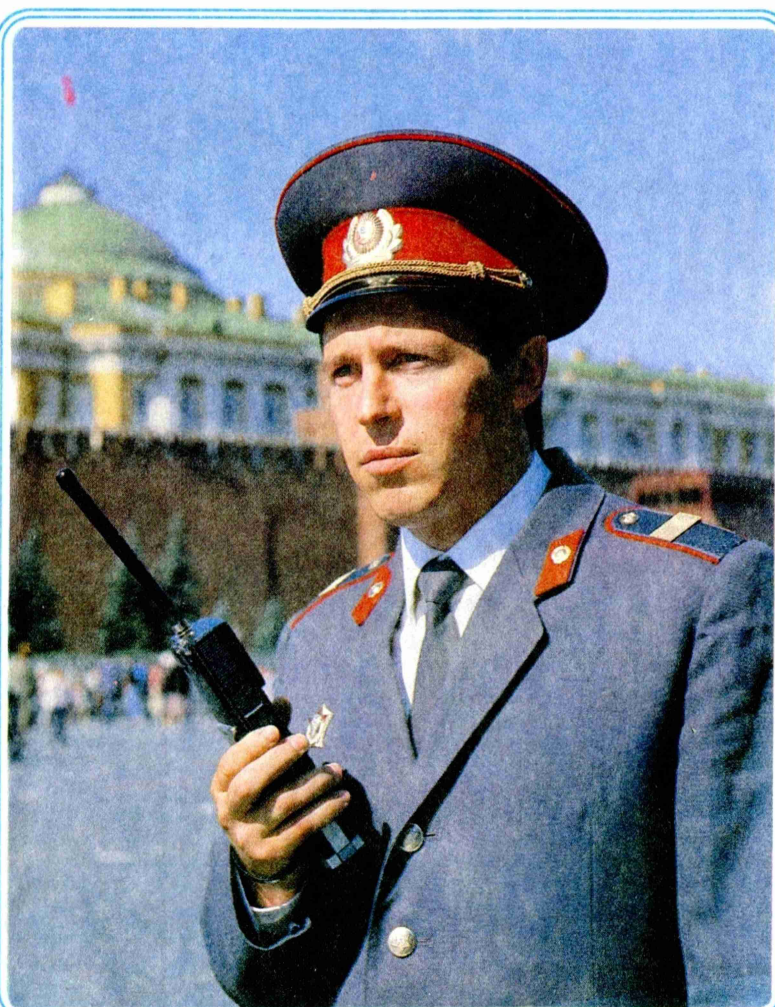

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

11

1988

Шесть лет работает народным судьей Курчатовского городского народного суда Курской области М. А. Назарова. Помимо основных обязанностей, Мария Афанасьевна много времени уделяет правовой пропаганде среди молодежи, выступает с лекциями в школах, ПТУ, в трудовых коллективах.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

№ 11 (215) НОЯБРЬ 1988

ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР

Издательство
«Правда»
Москва

Главный редактор

В. М. Сиренко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. И. Бабошко,

Г. К. Большакова (заместитель
главного редактора),

В. А. Журавлев

(ответственный секретарь),

Б. В. Заботин, И. Н. Кузнецов,
В. Д. Поволяев, И. С. Самощенко,

П. И. Седугин, Ю. С. Семенов,

Е. В. Смирнова,

А. Я. Сухарев, А. А. Требков,

А. М. Филатов.

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА
Оформление В. А. БУРКИНА

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12

В номере

■ ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

- В. БУЛДАШОВ. На пути к полновластию. Об опыте местных Советов, развитии демократических начал, повышении роли депутатов 4
- А. ПАНКОВ. Хозяева. Что дает арендный подряд рабочим и предприятию? 15

■ ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Презумпции невинности — быть! Беседа с заместителем прокурора РСФСР А. БУТУРЛИНЫМ 23
- М. АЛБОГАЧИЕВ. По живому... сквозь Кавказ 31
- М. МИРОНОВ. Кто конкретно виноват! 32
- Адвокат: что он может! Что он должен! «Круглый стол» журнала 34

■ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- Л. БОРОДИН. С соблюдением установленного порядка... 45
- Н. ВАРЛАМОВА. В проигрыше... игроки 48

РУКОВОДИТЕЛЮ О ЗАКОНЕ

- В. КОПЫЛЕВ. Приказ по личному составу 49
- Юрист консультирует директора 52

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

- В. ИСАКОВ. Военская служба 54

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

- Л. АЛЕКСАНДРОВА. Мама на работе 56

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 59

- ИГРОТЕКА «Ч и З» 59

ОТ А ДО Я

- Потерпевший 60

- Появление на работе в состоянии опьянения 61

- СУДЕБНАЯ ХРОНИКА 63

■ СОБЕСЕДНИК

- Пустите горожанина в село. На вопросы читателей отвечает
Главный государственный инспектор Госагропрома СССР
Е. И. ГАЙДАМАКО 67
- Н. ЛОПАТЕНКО. Стоит стена в Бережанах. Обзор писем 73

-
- Остановиться над пропастью. Беседа с кинорежиссером
Б. ТОКАРЕВЫМ 86

■ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- А. ЛАРИН. О «судебных убийствах» 89

-
- книжная полка 100

-
- С. ВЫСОЦКИЙ. Пунктирная линия. Повесть. Продолжение 101

■ ФЕЛЬЕТОН

- С. КРЕДОВ. «Золотые» наперстки 125

■ КРОССВОРД

- Знаете ли вы право! 127

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Бдительно несет службу по охране общественного порядка на Красной площади старший сержант милиции Анатолий Вышегородцев. За добросовестное выполнение служебных обязанностей он награжден знаком «Отличник милиции», медалью «За безупречную службу по охране общественного порядка».

Четвертая страница

Фото В. Зимина

В номере

НА ПУТИ К ПОЛНОВЛАСТИЮ

«Добиваться, чтобы уже сейчас в деятельности Советов на всех уровнях было больше демократизма, возростала роль депутатов, постоянных комиссий и депутатских групп, чтобы в полной мере осуществлялись установки XIX партийной конференции об усилении контроля за работой органов управления, о борьбе с бюрократизмом, развитии гласности».

Из постановления июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС «О практической работе по реализации решений XIX Всесоюзной конференции КПСС»

КАК ФОРМИРОВАЛИ «ПРАВИТЕЛЬСТВО» ГОРОДА

Начало, как подмечено, половина дела. С чего начать? Этот вопрос встал и перед депутатами нынешнего состава Моссовета.

Первая сессия была проведена необычно: на ней не предлагалось обсудить очередной доклад по той или иной проблеме, она была только организационной. Причем исполком, включая председателя и его заместителей, выбирали тайным голосованием.

Нарушение «традиций»? Да, если под ними понимать прежние, далекие от демократизма методы работы. Хотя были и противники такого новшества. Главный их аргумент: а как же с преемственностью в работе Совета? Но в том-то и дело, что для депутатов-новичков обсуждение вопроса, подготовленного другими, превратилось бы в дежурное мероприятие. Допустить это — значит с первой сессии прививать формализм и заорганизованность. Тем более что почти семьдесят процентов депутатов избраны в городской Совет впервые. Нет в его нынешнем составе многих первых секретарей райкомов партии столицы и председателей райисполкомов, других руководителей. Общее число депутатов с 1000 сокращено до 800.

Да и если отойти от стереотипов мышления: разве может быть на первой сессии более важный вопрос, чем формирование руководящих органов Советской власти? К тому же в Москве, где жителей больше, чем во многих союзных республиках, и где исполком по сути что малый Совет Министров, а руководители управлений по масшта-

бам работы могут быть приравнены к рангу республиканского министра. Избрать, утвердить в должностях на сессии предстояло около 200 человек. Прежде этот организационно-политический вопрос сводился к чисто техническому. Исполком, его аппарат подбирали кандидатуры, о которых депутаты узнавали перед тем, как поднять за них руку. Практически аппарат самовоспроизводил себя.

Чтобы с самой первой сессии депутаты почувствовали свои возможности и глубже поняли свою ответственность за формирование «правительства» города, его работу в дальнейшем, в Моссовете пошли по иному пути. Сотрудники аппарата подготовили предложения по составу постоянных комиссий. Но на сей раз предварительно были приглашены депутаты поочередно от каждого района. Если кто-то считал, что может принести больше пользы в другой комиссии, его желанию не перечили. Таким образом заранее закладывался потенциал работоспособности постоянных комиссий.

За пять дней до сессии в исполкоме провели совещание, на которое каждый район делегировал депутатов — одного от десяти. На нем обсудили кандидатуры председателей постоянных комиссий, по одним быстро приходили к согласию, по другим делали выбор. Решено было образовать новую комиссию — по вопросам перестройки управления экономикой города. Обсудили и предстоящий состав исполкома. К работе двух прежних заместителей председателя здесь были высказаны настолько серьезные претензии, что депутаты отказались рекомендовать их на новый срок. Замену в пожарном порядке подыскивать не стали. Так на первой сессии и остались вакантными две руководящие должности в исполкоме.

На руках у ее участников были списки с фамилиями кандидатур, на которых остановило выбор совещание их представителей. Каждый депутат получил их за три дня до сессии и мог не только познакомиться с прилагавшимся кратким послужным списком кандидата на должность, но и составить о нем свое мнение. Это придало решению организационных вопросов деловитость и конкретность.

Редко по какой кандидатуре из числа выдвинутых в исполком не находилось желающих высказаться. Причем не только похвально. Поддерживая, например, кандидатуру председателя исполкома для внесения в список для тайного голосования, депутаты отметили, что ему следует больше уделять внимания выполнению наказов избирателей, депутатских запросов. Замечание по кандидатуре секретаря: работа по искоренению бюрократизма в аппарате Моссовета хотя и начата, продвигается слишком медленно. Острой критике подверглись службы исполкома за то, что ими игнорировалась примерно половина рекомендаций постоянных комиссий.

Один за другим подходили депутаты к установленным в зале микрофонам, чтобы сказать свое слово о деловых и моральных качествах людей, рекомендуемых на руководящие должности. Особенно активны были работавшие в прошлом союзе, но не оставшие пассивными и новички. Чаше других звучали замечания в адрес рекомендуемых в члены исполкома начальника Московской железной дороги И. Паристого и начальника Главмосстроя П. Сурова. На некоторые из вопросов, обращенных к ним, ответы сразу дать они не смогли. И, пожалуй, неудивительно, что по результатам тайного голосования, провести которое было поручено мандатной комиссии, именно они получили наибольшее число голосов «против». Одиннадцать членов исполкома, в том числе председатель В. Сайкин, избраны единогласно.

В ходе сессии был устроен перерыв, во время которого состоялись заседания постоянных комиссий. На них депутаты предварительно обсудили кандидатуры руководителей главных управлений и отделов горисполкома. Спрос, пожалуй, был повзыскательнее, чем могла бы предъявить любая аттестационная комиссия. Не просто отмечали упущения, недостатки в работе той или иной сферы жизни города, но и требовали от каждого руководителя конкретной программы дальнейшей его деятельности. Не стали, как бывало прежде, рекомендовать руководителя заочно. Так, заведующий юридическим отделом исполкома, находившийся в то время на санаторном лечении, на сессии не утверждался. Вопрос отложили до следующей.

При таком подходе к выборам руководителей главков и других служб исполкома должна значительно возрасти и, как показала проверка временем, возросла их ответственность перед постоянными комиссиями. На сессии было единогласно решено: впредь при решении кадровых вопросов они предварительно рассматриваются постоянными комиссиями. И это условие неукоснительно соблюдается.

Словом, первая сессия Моссовета стала своеобразным камертоном, по которому сверялась работа последующих. По-новому взглянули на ней депутаты и на формы своего участия в подготовке и проведении депутатских собраний.

ДЕПУТАТСКИЕ СРЕДЫ

Сессии Моссовета проходят в субботу. А накануне их, в среду, исполком теперь работает по необычному распорядку: все руководители с 10 до 20 часов принимают депутатов. Официально «депутатская среда» называется так: единый день индивидуальных встреч с депутатами. Предложение о нем было высказано на первой сессии, и уже перед следующей такой день был назначен.

Зачем он понадобился и что дает? Нужен он для лучшей подготовки сессии. У депутатов, когда получают проекты основных документов и другие материалы, нередко возникают вопросы, замечания, предложения. Раньше кто-то оставлял их до сессии и порой отвлекал внимание по незначительному поводу, а кто-то, наоборот, посчитав вопрос частным, не выносил его на общее обсуждение. Казалось бы, чего проще: еще до сессии разрешить свои сомнения. Но удавалось это не каждому. Да, и в статье 105 Конституции СССР, и в Законе «О статусе народных депутатов в СССР» записано, что по вопросам депутатской деятельности депутат пользуется правом безотлагательного приема должностными лицами. Однако здесь играл свою роль фактор времени. Депутат мог не застать на месте того или иного из руководителей исполкома, или те были заняты с другими людьми. Сложно в эти дни и созвониться, чтобы условиться о встрече в удобный час. А в «депутатскую среду» право безотлагательного приема гарантировано. Это способствует и повышению авторитета народных избранников, и укреплению связи: депутаты — исполком. Кроме того, есть у этого дня и еще одна функция, не обозначенная прямо в его официальном названии, но вытекающая из его сути, — это день ответов «правительства» города на вопросы депутатов, о настоятельной необходимости чего говорилось на XIX Всесоюзной партийной конференции.

Первая такая «среда» была накануне сессии, рассмотревшей указы избирателей. В исполком тогда обратились 43 депутата. И не только по отдельным конкретным наказам. С. Горячев, например,

пришел вроде бы по частному вопросу — о выделении нежилых помещений в Ленинском районе. Не конторам — для кооперативов. Но за этим вставала проблема: почему чуть ли не каждый шаг райисполкомы вынуждены согласовывать в аппарате Моссовета? Тут же соответствующим службам было дано указание в пятидневный срок подготовить предложения о том, как устранить бюрократические рогаки при выделении нежилых помещений. Иногда в беседах мнения не совпадали. Некоторые депутаты отстаивали свое, как говорится, до последнего — на сессии. И, взвесив все «за» и «против», Совет в нескольких случаях поддержал их, а не должностных лиц, показав на деле, что хозяин в городе — Совет народных депутатов, а исполком — подотчетный ему исполнительный орган.

На второй «среде» перед обсуждением плана на 1988 год было более пятидесяти депутатов. Среди поднятых ими вопросов — острые, общественно значимые. Так, узнав об отказе Минэнерго СССР выполнять работы на канале имени Москвы, Л. Быков настоял на том, чтобы Совет употребил свое влияние для защиты интересов города. О. Янцева при встрече с начальником Главного управления социального обеспечения С. Ивченковым прежде всего попросила проинформировать, как выполняется решение исполкома по улучшению обслуживания престарелых и инвалидов, и, услышав лишь бодрые заверения, что все идет успешно, предъявила депутатский счет, отметив, в частности, недостатки в строительстве дома-интерната для персональных пенсионеров в Теплом Стане.

На очередной «среде», в апреле этого года, особенно много депутатов пришло к двум заместителям председателя горисполкома — Е. Быстрову, возглавляющему плановую комиссию, и А. Костенко, курирующему такой сложный участок, как жилье. И это вполне объяснимо: на сессии городского Совета обсуждалась комплексная программа по обеспечению к 2000 году каждой московской семьи отдельной квартирой.

— «Среды» — хорошее дело, — говорит депутат А. Ильина. — Они настраивают на комплексный подход к проблеме, что чувствуется по работе сессий. А чтобы повысить кпд встреч в исполкоме, депутатам нужен юридический всеобуч.

— Добавить бы еще «депутатскую субботу» в промежутке между сессиями. Вопросы решались бы еще активнее, — считает депутат А. Семенова.

Сомнений в ощутимой пользе такой формы подготовки к сессиям не высказал ни один из депутатов Моссовета, с которыми мне довелось беседовать.

А недавно опыт получил дальнейшее развитие. В августе, на очередной сессии, может быть, впервые руководители горисполкома и его аппарата почувствовали себя на «вторых ролях»: ее полностью подготовили и провели сами депутаты. Точнее, постоянные комиссии Моссовета. Аппарату же исполкома оставались лишь вспомогательные функции. Так был сделан еще один шаг на пути к полновластию Совета.

СТЕНД У ПОДЪЕЗДА

Новая роль Советов, конечно, немыслима, если не освободить их от «экономических костылей» — что ни говори, а материально-финансовая база органов власти довольно слабая. Надежда — на грядущие перемены. В практической работе по реализации решений XIX

партийной конференции предусмотрено: в целях повышения роли Советов, кардинального укрепления их правовой и материально-финансовой базы осуществить подготовку в 1989 году проекта Закона о местном самоуправлении и местном хозяйстве, положив в его основу принципы самоуправления, самофинансирования, самообеспечения, взаимоувязки региональных интересов с общегосударственными, усиления связей местных Советов с предприятиями и колхозами, советами трудовых коллективов и общественными организациями. Проект этого закона будет представлен для широкого обсуждения общественности.

Все это впереди. Так что же — остается ждать? Нет и еще раз нет. И сегодня перед Советами столь много задач, для решения которых нет никаких особых помех. И первая из них — больше демократии. Чтобы на деле каждый наш соотечественник видел, что Советы — власть, открытая для всех, работающая на виду у людей. Способствовать этому может любой депутат. Для начала, возможно, так, как В. Корчагин — 36-летний инженер, коммунист, депутат Петушинского городского Совета Владимирской области.

Когда летом прошлого года его избрали депутатом, он сразу же стал прикидывать, как бы покрепче установить связь с избирателями. И придумал... стенд у подъезда. Поместил на нем информацию о себе: фамилия, имя и отчество, адрес, рабочий и домашний телефоны. (Звонков из простого любопытства было немного, все остальные — по делу.) Рядом вывесил список членов домового комитета, их обязанности, кто из какой квартиры. Здесь же — телефоны должностных лиц исполкома. Назвал, кроме того, телефоны владимирских железнодорожных организаций — не без тайного умысла: они ответственны за то, что дом, где живут избиратели, 26 лет ни разу не ремонтировался.

Есть на стенде, который депутат сделал своими руками, и регулярно обновляемая, текущая информация — о планах городского Совета, предстоящих сессиях, заседаниях исполкома, их повестке дня. И обязательно приписка, чтобы избиратели подавали вопросы и предложения как лично ему, так и непосредственно в исполком. Отведено также местечко для объявлений, например, о дне и часе отчета депутата, для вырезок из периодической печати, касающихся советской работы.

Мелочь? Как посмотреть. По мнению В. Корчагина, такие «уголки депутата» нужны в каждом избирательном округе. Вроде своеобразной визитной карточки, чтобы не был депутат для людей незнакомцем, как, увы, еще случается — и нередко.

— Стенд служит не только для информирования, — поясняет В. Корчагин. — Я этим сам себя на контроль «снизу» поставил и замечу, что расслабиться — а всякое бывает — при таком контроле очень трудно.

При встречах с избирателями он непременно напоминает, чтобы не замыкались на нуждах своего дома и двора, вникали в работу Совета, знали заботы города и района, участвовали в управлении, в том числе через открытые сессии. Об этом, пожалуй, стоит сказать особо.

Предложение сделать сессии городского Совета открытыми для всех Корчагин внес еще в первые дни депутатской деятельности. Горисполком на это ни «да» ни «нет», а вот в районном Совете, где, видимо, быстрее почувствовали вкус к новому, взялись и осуществили.

В. Корчагин участвовал в работе первой такой сессии, где шел большой, заинтересованный и откровенный разговор о дальнейшей судьбе левитановских мест в районе, позаботился о том, чтобы было представлено слово представителям неформальных объединений.

Именно как факт перестройки восприняли в районе проведение открытых сессий. Если разобраться — что скрывать депутатам, работающим по доверенности народа, своих избирателей? А для жителей появилась дополнительная возможность посмотреть на своего депутата в деле, еще одна форма участия в руководстве районом.

Размышлял В. Корчагин и о том, как обеспечить главенство Совета, которое исподволь прибрал к своим рукам аппарат. Пришел к выводу, что ежегодный отчет исполнительного комитета скорее дань требованиям закона, чем действенное средство контроля. Только в период между сессиями исполком от лица власти принимает по 20—30 решений. А решение решению рознь. Одно дело, скажем, когда исполком снизил брачный возраст для жениха или невесты, и совсем другое, когда отвел земельный участок под новое строительство. Поэтому предложил решения исполкома, затрагивающие интересы всех жителей Петушков или больших групп населения, утверждать на сессиях, вместо отчета исполкома раз в год — информация о работе на каждой сессии. Тогда, считает депутат, и будет возможен подлинный контроль, настоящая, а не на бумаге, подотчетность исполкома Совету. Это предложение не реализовано, но верится, что придет и его черед.

КОМАНДИРОВКА В БАРЕНЦЕВО МОРЕ

Приходят перемены и в содержание работы исполкомов, вызванные осознанием того, что решения и инструкции сами по себе не «закрывают проблему», что нужна забота не о людях вообще, а о каждом конкретном человеке. Трудная это наука — уметь поставить себя на место другого. И скверно, конечно, когда не владеют ею водитель автобуса или продавец, но нет большей беды, чем может принести не усвоивший ее руководитель, который неминуемо — рано или поздно — превратится в бюрократа. И тогда его внимание и расспросы — показательные, за ними — неразумение, холодок равнодушия, а обещания помочь как легко даются, так легко и забываются. Для искреннего соучастия, наверное, надо хоть раз испытать самому нечто подобное тому, что привело к тебе другого.

Нельзя сказать, что председатель Мурманского горисполкома В. Горячкин лишь понаслышке знал о нуждах и заботах рыбаков, но десять дней, проведенные с ними на промысле в Баренцевом море, дали ему больше, чем сотня рассказов. Следом за ним недельные командировки на разные траулеры были выписаны секретарю горисполкома Е. Климентюку, заместителю председателя Октябрьского райисполкома С. Агапиту.

И если раньше Горячкин, строитель по профессии, скорее всего только скользнул бы глазами по стихам боцмана О. Бородина, напечатанным в еженедельнике «Рыбный Мурман», то теперь он доподлинно знает, что все так и есть: «Ох, и хлопотное дело нынче в море уходить, у старпома плешь вспотела, капитану — впору выть. Там — диспетчер, здесь — инспектор, плюс врачаха, портнадзор...» Когда траулер «Калачинск» вышел в море через четыре часа, рыбаки едва

не пустились вприсядку — обычно ждут таможенников по 4—5 часов, иногда сутки теряют на досмотрах. Перестраховываются и диспетчерские службы флотов, и таможня — досмотру подвергаются все рыбацкие суда, выходящие даже в восточные районы Баренцева моря и ни в какой контакт с иностранными судами не вступающие. Та же процедура при возвращении в порт. Теряются сотни тысяч часов дорогого промыслового времени, по самым скромным подсчетам, упущенная выгода составляет около пяти миллионов рублей.

«Считаю, что досмотр судов, выходящих в Баренцево море, необходимо отменить, тем более что суда парохозяйства, идущие на восток, этой процедуры не проходят», — написал В. Горячкин в отчете о командировке, который отправил в три адреса — обком и горком КПСС, Всесоюзное рыбпромышленное объединение «Севрыба». Поделится своими впечатлениями и в интервью газете.

Погода во время рейса была штормовой, и он, сугубо сухопутный человек, очень плохо переносил ее, собирал волю в кулак, когда шел беседовать с экипажем, выступал на совете капитанов. А рыбаки не прекращали работу и в шторм. По 12—14 часов в сутки, на зыбкой палубе, продуваемые ледяными ветрами, оторванные по полгода от семей, лишённые большинства привычных нам удобств и радостей.

— Мы же часто платим им за это невниманием и равнодушием, — эта оценка председателя горисполкома — не покаянный жест, она прошла через ум и сердце. — Капитану Алексею Гавриловичу Шраму, ветерану труда, за 28 лет работы в Мурманском тралфлоте ни разу не посчастливилось побывать с семьей в пансионате «Рыбак Заполярья». Человека, более половины своей жизни отдавшего морю, родной профсоюз не смог хотя бы раз удостоить путевки! С промыслового судна можно связаться с домом практически из любого района Мирового океана. С удивлением я обнаружил, что многие капитаны, не говоря уже о других моряках, не пользуются этим — нет квартирных телефонов. Из управлений флотов, когда капитаны дома, за ними прибегают посыльные. Тут и наш просчет, горисполкома. В рейс некоторые моряки берут с собой много лекарств, скрывая от медиков свои болячки: попросту, мол, заикнись, мгновенно вылетитшь с судна. Отказываются и от санаториев, чтобы не вызвать подозрения врачей, которые, по их мнению, не лечат, а списывают на берег. Упрек медицинской службе «Севрыбы» серьезный. Но, пожалуй, более неуважительного отношения к рыбакам, чем со стороны облыболов-потребсоюза, и быть не может. Вот перечень промышленных товаров в судовой лавочке «Калачинска»: сорочки, полотенца, носки, зубная паста да 15 флаконов одеколona. Продовольственные: из 52 видов, поименованных для продажи, были сигареты и печенье. И все! Затрагивали рыбаки при встречах и давние, но не решаемые флотами, «Севрыбой», Минрыбхозом проблемы. Во-первых, судоремонт. С судоверфи буквально «выпихивают» траулеры, неготовые к работе в море. По-прежнему рыбаки не получили убедительных ответов на то, почему у плавсостава один выходной в неделю, даже тогда, когда судно находится в порту, а у управленцев — два, почему не оплачиваются отдельно ночные смены? Почему детям моряков нельзя попать на судно, стоящее в порту? Встречают траулер с оркестром, жены, матери, сестры пришли на причал с цветами, а дети лютуют слезы за проходной — чего и кого мы боимся, не пуская их в порт с родителями? Не потому ли так мало мурманских мальчишек поступает в мореходные училища?

В море и на берегу, в непосредственном общении с рыбаками, полнее и предметнее узнали советские руководители города их запросы и пожелания. К решению проблем был подключен широкий круг людей. Правда, если судить по ответам торгующих организаций, их взаимоотношения с рыбаками вряд ли скоро изменятся к лучшему. Не спешили рыцари прилавка признавать свои упущения. Городской комитет народного контроля проверил работу рыбокооп тралового флота, и только перечень нарушений и недостатков занял несколько страниц печатного текста. Руководитель рыбокооп И. Самойленко был освобожден комитетом от занимаемой должности. А горисполком предложил объединению «Севрыба» рассмотреть вопрос о строительстве в 1989 году нового магазина, реконструкции имеющегося.

Командировка в Баренцево море помогла сдвинуть с места многие вопросы. К примеру, объединение «Севрыба» и обком профсоюза работников рыбного хозяйства приняли решение установить служебные телефоны в квартирах капитанов, сняли запрет на вход в порт детей и подростков при встрече судов, предоставили судовладельцам право разрешить капитанам выход в море, по их усмотрению, без проверки портовой комиссией. Минрыбхоз СССР и ЦК отраслевого профсоюза сообщили, что решено провести экспериментальные рейсы с установлением членам экипажа пятидневной рабочей недели, что Минздрав издал приказ о мерах по совершенствованию медицинской помощи работникам флота рыбной промышленности.

И горисполком, со своей стороны, тоже позаботился об улучшении культурно-бытового обслуживания рыбаков и моряков. Трудно с местами в Доме междурейсового отдыха — город идет навстречу: решено по заявкам руководителей флотов или радиограммам с моря предоставлять до 30 процентов мест в гостиницах города членам экипажей рыбопромысловых судов и их семей. Рыбаки переводятся на выплату зарплаты через отделения Сбербанка. Экипажи подолгу находятся на пространстве, ограниченном палубой, им необходимо движение, поэтому намечены меры, чтобы в этом году обеспечить суда велосипедами-тренажерами, беговыми дорожками, шведскими стенками... Городской телефонной сети разрешено, если есть для этого техническая возможность, вне очереди устанавливать служебные домашние телефоны капитанам рыбопромысловых и торговых судов. Единственное условие — ходатайства флотов, согласованные с советами трудовых коллективов.

Перечислять все, что наметил и что делает исполком, пожалуй, излишне. И хотя некоторые проблемы пока неподъемны, рыбаки уже ощутили уважение к себе, их нелегкому труду, выраженное не красным словом, а вниманием и заботой.

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНТРОЛЕР

У нее необычное, звучное имя — АСКИД. В исполкоме Дмитровского городского Совета Московской области работает с сентября 1982 года. Отзываются здесь о новой «сотруднице» весьма похвально. Отмечают внимательность, завидную работоспособность, исключительную память.

В официальных бумагах ее называют по «имени-отчеству» — автоматизированная система контроля исполнения документов. В обиходе чаще звучит уменьшительное имя, которое, кстати, кажется, предпочитает и она сама. «Здравствуйте! АСКИД приветствует вас и же-

дает вам приятных сообщений» — эти слова светятся на экране, когда «приглашаешь» ЭВМ к разговору. Машина ждет вопроса о том, что интересует «собеседника», мгновенно расшифровывает сигнал, поданный нажатием рычажка.

Спросим, к примеру, какие письма находятся на контроле у первого заместителя председателя горисполкома? Сначала АСКИД напоминает о письмах, срок ответов на которые истекает на следующий день. Лаконично, в десяти строках, приводятся основные сведения: порядковый номер, дата регистрации, контрольный срок исполнения, личное или переслано вышестоящей организацией, депутатом Верховного Совета СССР (при этом указываются исходящие данные), кто автор, его адрес, краткое содержание письма и исполнитель — отдел или управление исполкома.

Познакомив с одним документом, ЭВМ ждет указания: представить сведения о нем в письменном виде или же переходить к следующему. Звонок оператору — и примерно через минуту нужные сведения будут машиной отпечатаны.

Затем АСКИД представляет письма, ответы на которые должны быть даны через пять дней. Так заложено программой. Напоминания общий отдел исполкома рассылает руководителям тех отделов, учреждений или предприятий, в какие направлено для рассмотрения, принятия мер то или иное письмо. Чтобы не было отговорок: забыли, мол, закрутились.

Но вот тон «беседы» человека и машины меняется. Вместо тактичного «напоминает» появляется официальное «сообщает» — «АСКИД сообщает, что не исполнен следующий документ...» Бывает, значит, и такое. Система действует четко. Все без исключения письма, даже справочного характера, поставлены на контроль. Ни одно из них не будет снято с него без визы куратора.

ЭВМ помогает в исполкоме контролировать прохождение писем, отвечают же на них люди. Система, как зеркало, отражает стиль работы исполнителей, их аккуратность или нерасторопность. С поправкой на последнюю и устанавливают здесь контрольные сроки исполнения документов. Они довольно жесткие, но реальные, вполне достаточные для того, чтобы решить вопрос. Если это не сделано, то остается еще некоторый запас времени для ответа заявителю в сроки, определенные законодательством. Своего рода шлагбаум бюрократизму.

— В первую и третью пятницу месяца, — рассказывает заведующая общим отделом М. Чижова, — председатель исполкома проводит «час контроля». Вызываются на него все, кто нарушил исполнительскую дисциплину. Провинившийся в этом руководитель, независимо от ранга, положения и расстояния, будь добр прибыть к 17 часам в исполком. Причем лично. Разговор идет нелицеприятный. Жестко? Возможно. Но неуважение к человеку, написавшему письмо, бюрократизм одними увещеваниями не истребишь. Если сначала на «часе контроля» бывало человек по двадцать, то сейчас — пять — семь, бывает, и отменяем его — некого заслушивать.

Такой порядок остается здесь незыблемым. Запоздал с ответом на письмо — от приглашения на беседу не спасет и ответ, посланный с нарочным. А как быть, если обстоятельства складываются так, что в контрольный срок при всем желании не уложиться? Не ждать, пока АСКИД отметит нарушение. Выходить на связь с тем из заместителей председателя исполкома, который курирует вопросы, поднимае-

мые в письме, и просить об изменении назначенного им контрольного срока.

Что это дало? На все письма ответы заявителям направляются вовремя. Крайне редкой стала запоздалая реакция на письма граждан, обратившихся непосредственно в горсовет. АСКИД дисциплинирует. Письма не залеживаются на столах у руководителей исполкома. Ответы-отписки не засчитываются. Обращается внимание и на стилистику, культуру ответа. Об этом идет речь на занятиях в школе советского актива.

В горисполкоме справедливо считают, что хороший контроль начинается с хорошей организации делопроизводства. Несколько лет назад отменили пухлые «гроссбухи» во всех Советах района, письма регистрируются на контрольных карточках. Это намного удобнее. Два раза в год проводятся семинары с секретарями исполкомов сельских и поселковых Советов. Причем не в районном центре, а на местах. И там, где делопроизводство поставлено образцово, и там, где оно пока «прихрамывает». Идет деловой анализ практики, обмен опытом. Активно помогает в этом и действующий на общественных началах отдел по контролю за рассмотрением писем и заявлений трудящихся.

Неспокойно теперь «обещалкиным». Ответы, в которых есть слово «будет», обещания, данные руководителями во время личного приема граждан, ставятся на дополнительный контроль. АСКИД не преминет напомнить тем, кто об этом забыл. Вопросы стали оперативнее решаться на месте, и жители района реже обращаются, минуя исполком, сразу в вышестоящие организации, в редакции газет. На треть сократилось число повторных писем.

С помощью АСКИД можно в любое время быстро проанализировать и характер почты, обращений жителей района. Если раньше, к примеру, каждое второе письмо было связано с вопросами жилья, то сейчас их стало меньше, но зато возросло число писем по отводу земельных участков, по садам-огородам — если в прошлом году за семь месяцев их было 49, то в этом — 109. Намного больше стало обращений, просьб и по индивидуальному строительству. Анализ помогает вовремя направить усилия на решение возникающих проблем, новых запросов людей.

В основном те же принципы, что и при работе с письмами, положены в основу работы с обращениями граждан, побывавших на приеме по личным вопросам, со служебными документами. Выполнение решений областного и городского Советов — под наблюдением АСКИД. Причем не только решений в целом, но и отдельных их пунктов. Это обязывает к конкретности, ведь расплывчатые формулировки, по существу, не поддаются контролю.

Люди обращаются в исполком не только по своим личным делам. Многие поднимают общественно значимые вопросы. Предложения, высказанные на днях открытого письма, сельских сходах, побудили по-иному взглянуть на «глубинку» — отдаленные и малонаселенные пункты района. Если раньше развивались в основном центральные усадьбы хозяйств, то теперь вниманием окружены и малые деревни.

По проекту, утвержденному в конце шестидесятых годов, в совхозе «Рассвет» предусматривалось развивать лишь четыре населенных пункта из 31. Остальных ожидало постепенное угасание. Кто-то из жителей переехал в крупные села, кто-то подался в город. Но многие все же не торопились расстаться с отчими домами. Да и время пока-

зало, что нельзя списывать малые фермы, вклад которых в экономику совхоза достаточно весом.

Горком партии и горисполком поддержали предложение жителей малых деревень пересмотреть прежнее решение. В разработке новой схемы внутрихозяйственной планировки активно участвовали депутаты Кульпинского сельского Совета, архитекторы, специалисты сельского хозяйства. Учли мнение жителей, перспективы развития совхоза. Решено было сохранить и благоустроить почти все малые деревни.

Первым преобразилось Большое Телешово, которое оставалось большим только в названии. Построены новые дома, органично вписавшиеся в облик деревни, складывавшийся веками. Новый подход проявлен и к устройству системы обслуживания. На первых этажах домов усадебного типа разместились детский сад, медпункт, магазин и чайная, а на вторых — квартиры обслуживающего персонала. К деревне проложен асфальт. И стали возвращаться сюда те, кто в свое время покинул ее.

А сколько сил приложили руководители района, когда создавали в Новых Подосинках первый в районе сельский жилищно-строительный кооператив! Много забот и хлопот испытали, пока не преобразилась деревенька Раменье. Причастна к работе, которая ведется здесь по выполнению намеченной программы социального переустройства села, и АСКИД. Она держит эту программу на контроле. Былая осторожность, с которой приняли в исполкоме новую «сотрудницу», давно исчезла.

Внедрением в исполкоме автоматизированной системы контроля исполнения документов занимались сотрудники Московского физико-технического института.

— Мы сразу ухватились за эту идею, — рассказывал мне один из энтузиастов ее внедрения, В. Шигаев, до недавних пор работавший секретарем горисполкома. — И все же прежде всего надо было выяснить — по силам ли нам ее реализация. У нас трудно с помещениями — можем выделить для установки оборудования лишь одну комнату. Подходит? Хорошо. Во сколько обойдется система? Тридцать тысяч рублей? Согласны. И еще вопрос — обслуживание. В исполкоме, как известно, нет специалистов-электронщиков, но техника несложная в обращении, со всем справляется оператор.

Опыт рождается каждодневно, множатся его адреса. И чем больше местных Советов применит его, сообразуясь со своими условиями, тем быстрее пойдет перестройка.

Владимир БУЛДАШОВ

ХОЗЯЕВА

ТАКОВЫМИ СТАЛИ РАБОЧИЕ, ВЗЯВШИЕ ЗАВОД НА АРЕНДНЫЙ ПОДРЯД

Еще в прошлом году Бутовский комбинат строительных материалов не мог свести концы с концами, и ему, как и в предыдущие годы, потребовалась дотация. Нынче комбинат от дотации отказался. Более того, собирается по итогам года выплатить государству 35 тысяч рублей. За первое полугодие по сравнению с соответствующим периодом прошлого года объем производства и производительность труда увеличились на 35,2 процента, средняя зарплата на 32,3 процента, прибыль более чем в 2 раза. План трех лет пятилетки комбинат (целиком предприятие, а не бригада или отдельные рабочие) выполнил на семь месяцев раньше.

Наученные горьким опытом прошлого, когда многие рекорды и рывки оказывались не чем иным, как мыльными пузырями из мутного раствора приписок и рапортомании, мы теперь с большой остороженностью воспринимаем столь поразительные цифры роста. Но никакой «липы», никаких натяжек тут нет. Это еще совсем недавно весьма слабое предприятие добилось впечатляющих результатов благодаря переходу на арендный подряд...

Два года назад в Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР позвонил директор «какого-то» комбината стройматериалов и попросил помочь коллективу перейти на арендный подряд, подготовить документы, необходимые для обоснования перед высокими инстанциями да и для практической работы тоже. В этом институте группа ученых во главе с доктором экономических наук В. Рутгайзером (недавно он стал заместителем директора Центра по изучению общественного мнения при Госкомтруде СССР и ВЦСПС) действительно занималась арендным подрядом в бытовом обслуживании, общественном питании, в сельском хозяйстве. Тут же особая сфера, и В. Рутгайзер отказался, не задумываясь: не наш, мол, профиль. Но настырность, неординарность суждений директора «смягчили» ученого.

Так директор Бутовского комбината строительных материалов М. Бочаров завоевал первых сторонников своей идеи. Впрочем, это были хоть и влиятельные сторонники, но не «директивные». Пришлось еще приложить немало сил, чтобы в арендный подряд, в Бочарова поверили те, от кого зависело сказать «да», чтобы получить поддержку в Московском областном управлении Жилсоцбанка СССР. Очень весомой была помощь со стороны обкома партии. Это и предопределило отношение к новшеству со стороны остальных причастных к делу организаций. Да и общая атмосфера в стране сейчас позволяет быть более смелым, чем несколько лет назад.

Бочаров ничего не изобрел. Его заслуга в том, что из огромного потока экономической и хозяйственной информации он выбирает именно те новые веяния, которые в большей степени отвечают конкретным условиям комбината, его ускоренному развитию. Без чего,

собственно говоря, невозможны ни самофинансирование, ни самокупаемость.

Полтора года понадобилось Бочарову, чтобы добиться заключения договора на аренду предприятия. В декабре прошлого года обсудили договор на общем собрании. К тому времени директор «сагитировал» не только своих ближайших помощников, но и весь коллектив. Конечно, определенная неуверенность у многих есть. В разговорах со мной о возможных результатах иные высказывались осторожно: посмотрим. Но все же вера в успех сильнее. Уж очень привлекает возможность быть самим распорядителями своего производства.

В феврале 1988 года Главное управление промышленности строительных материалов при Мособлисполкоме и Бутовский комбинат заключили договор. Коллектив взял комбинат в аренду на восемь лет. То есть восемь лет он будет сам содержать свои основные фонды, на собственные деньги закупать оборудование, инструмент, ремонтировать и строить новые здания, заключать договоры с научными и конструкторскими организациями. Учитывается, что предприятие пока низкорентабельное и надо дать ему возможность покрепче встать на ноги. Поэтому на содержание детских учреждений коллективу еще выделили средства на этот год и освободили до конца 1990 года от платы за производственные фонды и трудовые ресурсы (так было и во все прежние годы).

Как и любое другое предприятие, комбинат обязан выполнить госзаказ: все заключенные договоры по поставкам кирпича и пенопластовых изделий. На третий вид продукции — жидкое стекло — госзаказа нет, им комбинат распоряжается по своему усмотрению (это составляет примерно четверть общего объема производства). Сам коллектив определяет и объем оказания бытовых услуг, и какое количество работников, и какие службы иметь, какой избрать режим работы, какую вести реконструкцию.

Но еще есть одна «обязаловка»: комбинат должен каждый год отчислять главку арендную плату в виде фиксированных сумм. Суммы эти заранее определены на все восемь лет вперед. Они растут ежегодно от 35 тысяч рублей за нынешний год до 130 тысяч — в 1995-м. Таким образом, комбинат ответствен перед главком прежде всего по двум показателям: госзаказу и плате за аренду.

Есть, правда, в договоре пункт о том, чтобы соотношение между ростом заработной платы и ростом производительности труда составляло 0,85.

— Это анахронизм, дань прошлому, когда все пытались зарегулировать, — прокомментировал этот пункт В. Рутгайзер. — Сама система хозяйствования, сами устремления коллектива к высокоэффективному конечному результату должны предопределять это соотношение.

С мнением ученого нельзя не согласиться. Уж так глубоко въелся командно-административный стиль, что и, переходя на новые рельсы хозяйствования, все же пытаются хоть в чем-то кого-то ограничить. Разве эти 0,85 определяют эффективность? Или все же не верят в то, что коллектив сумеет правильно распорядиться заработанными деньгами?..

После полного расчета с главком (банком) по всем указанным в договоре статьям оставшийся хозрасчетный доход распределяет коллектив. Сами здесь решают, сколько выделить в фонд развития, а сколько оставить в единый фонд оплаты труда. Сами! А не по

нормативам, спущенным «сверху», как это делается при двух других ныне практикующихся моделях полного хозрасчета. Вот это и придает уверенность коллективу, каждому работнику, что они хозяева на деле, а не декларативно. К тому же такое распределение ведется и в цехах — ведь они все на полном хозрасчете. Но это еще пока пугает некоторых руководителей.

Мне довелось быть свидетелем жаркого спора между Бочаровым и одним высокопоставленным управленцем.

— И все-таки я не понимаю, Михаил Александрович,— воскликнул гость после затяжных дебатов,— как это цех сам будет распределять свой хозрасчетный доход? Не понимаю... Ну неужели рабочий не захочет еще одну полсотню положить себе в карман? Зачем ему думать о развитии производства, о научно-техническом прогрессе, если, может быть, завтра его и на комбинате-то не будет? А раз так — то ни о какой перспективе развития и говорить нечего... Игра в демократию, и все!..

Вот в чем собака зарыта: управленец навсегда присвоил себе и только себе монополию на заботу о развитии производства. Рабочие, мол, об этом думать не будут, им лишь бы хапнуть побольше.

— Если так и произойдет,— ответил Бочаров,— значит, мы как руководители ни черта не стоим: ни я как директор, ни партком, ни профком, ни совет трудового коллектива, ни экономисты... Но я все-таки верю в разум рабочих, в то, что они поймут: их дальнейший заработок зависит от развития производства. Я уж не говорю о соцкультбыте — это-то всех волнует...

Поскольку я только что побывал в цехах комбината и был полон впечатлений от встреч, ввязался в спор, рассказал о разговоре с рабочими цеха пенопласта. На мой вопрос, куда прежде всего надо вложить первые заработанные при новой системе хозяйствования деньги, резчик А. Пузиновский ответил четко: на реконструкцию цеха.

— А не лучше ли разделить деньги между всеми — будет приличная прибавка к зарплате?

— Так крыша-то протекает. А вдруг вообще рухнет? Кому тогда понадобится прибавка? — усмехнулся он. — Да и хочется, чтобы цех прилично выглядел, чтобы вентиляция работала. Надо и соцкультбыт развивать. Вам разве не рассказали, что на комбинате затеяли с сауной, спортзалом, теннисным кортом?..

Да, мне рассказали, но было интересно услышать об этом от рабочего, который не занимается никакими общественными постов, не сидит традиционно в президиумах. Значит, «пропаганда» Бочарова глубоко проникла в недра коллектива, поверили в арендный подряд, хотя плоды его ко времени этого разговора вкушать еще не успели.

— Вот видите! — радостно воскликнул Бочаров. — Он говорит: сначала крышу надо сделать! А мы ему эту крышу обещали сделать еще много лет назад, да так и не получилось. А теперь он сам решает, что надо делать. И заметьте: мы ни у кого ни рубля не просим, отказались от всяких лимитов. Каждый на комбинате знает: на это надо самим заработать, потому учатся считать копейку.

Бочаров привел много фактов, когда люди стали проявлять инициативу и рачительность.

— Приходит ко мне формовщик Юрий Морозов и говорит: мы можем без мастера обойтись — в бригаде есть ребята с высшим и среднетехническим образованием, в случае чего разберутся. Да и

вместо тринадцати человек достаточно десяти — справимся. Я считаю предложение правильным. На совете трудового коллектива этот вопрос решим. А вот смотрите...— Директор протянул мне аккуратно исписанные листочки. Контролер ОТК Л. Буйская внесла четыре очень дельных предложения по удешевлению технологических процессов. Когда прежде работники ОТК проявляли такую заинтересованность? А теперь иное, видно, что дает раскрепощенная инициатива. Кто бы поверил еще несколько месяцев назад в серьезность намерений предприятия за три года пятилетки повысить производительность труда на 80 процентов, а зарплату — на 60—65 процентов и увеличить объем производства в два раза? Но ведь итоги первого полугодия убеждают, что намеченное не только осуществимо, но и, вполне возможно, будет превышено.

В последнее мое посещение Бутовского комбината я был поражен обилием гостей. Откуда только не приехали: из Минска и Фрунзе, Черкасс и Хабаровска... Узнав из прессы о достижениях бутовцев, многие коллективы захотели перейти на арендный подряд и послали нарочных для изучения опыта на месте.

Чтобы до минимума сократить потери времени на досужие разговоры, на комбинате подготовили довольно объемистую папку документов об арендном подряде и дают каждому желающему. Но не слишком ли много расходов несет комбинат, ведь сейчас у него каждая копейка на учете?

— А мы пользуемся своим правом оказывать любые услуги и продавать любую продукцию, мы за каждую папку берем по 50 рублей,— Бочаров хитро улыбается. А у меня шевельнулось какое-то хорошее чувство, ведь мы привыкли, что в нашем социалистическом государстве один завод к другому запросто обращается за чертежами, изучает его передовой опыт, новшества, использует их у себя, и все это за так, за «спасибо». Да почему ценная идея, уникальная мысль, воплощенная в чертежи, ничего не стоит? Если комбинат заплатил ученым за разработку документации, если свои специалисты приложили немало сил и знаний, то почему же потребитель не должен за эту документацию платить? К тому же, заплатив, они относятся к ней будут по-другому. Хозрасчет и тут по-новому заставляет строить взаимоотношения, учит предприимчивости.

Бочаров этому научился и научил коллектив заранее. Ведь Бутовский комбинат за полтора года до аренды перешел на коллективный подряд. Согласитесь, что и эта, более простая форма хозрасчета тоже воспитывает рачительный подход.

Хочу особо подчеркнуть, что впечатляющий и пока еще непривычный для нас бурный рост экономических показателей комбинатом достигнут несмотря на убыточность кирпичного цеха.

Почти все кирпичные заводы в стране убыточны. Цены на их продукцию невысокие. А само производство, как правило, захудалое, труд там тяжелый, многосменный и малоквалифицированный (а значит, и малооплачиваемый). Рабочих там всегда не хватает. Не избежал такой же участи и кирпичный цех Бутовского комбината. Как же быть? Покрывать убытки одного цеха доходами другого? Но это же пресловутая уравниловка.

— Избавиться от убытков в этом году — нереально, но значительно снизить можно и нужно,— сказал мне начальник кирпичного цеха Д. Девятков.— Вот постоянно держу перед собой плановую калькуляцию, думаем, советуемся, за счет чего сэкономить...

Здесь контингент рабочих совершенно иной, чем в цехе пенопласта. Но и тут люди начали проявлять инициативу, заработал противозатратный механизм.

Шофер А. Апаткин предложил: давайте откажемся от привлеченного транспорта, мы организуем бригаду и своими силами справимся с перевозкой глины. И только на этом кирпичное производство сэкономит в год 40 тысяч рублей.

Решили перейти в этом цехе на работу в три звена. Тогда можно будет от одной привлеченной со стороны смены отказаться. Впервые за всю историю комбината истратили газа меньше лимита. И в этом заслуга прежде всего кирпичного цеха. Коллектив серьезно намерен в первом квартале будущего года выйти «по нулям», а в конце того же года даже получить прибыль.

— Я категорически против повышения цен на кирпич, как и на другую промышленную продукцию,— заявил Бочаров.— Это самый легкий путь. Нынешняя ситуация заставляет нас всю «крутиться-вертеться», изыскивать резервы. А повысят цены — убыточные предприятия успокоятся: можно по-прежнему жить спокойно. Иждивенчество — вот что мы получим от повышения цен в промышленности, а не ускорение в экономике.

А вот мнение на этот счет доктора экономических наук В. Рутгайзера:

— Нельзя не согласиться с Бочаровым, что повышение цен ослабляет волю коллективов. Да и опыт применения арендного подряда (так же как и семейного) в сельском хозяйстве и теперь вот в промышленности показывает, что есть реальные возможности и при нынешних ценах сделать убыточное производство прибыльным.

К этому можно добавить, что стоило, например, в Свердловской области кирпичный завод передать кооперативу, как сразу же при тех же государственных ценах производство стало давать прибыль.

И все-таки кирпичному цеху на Бутовском комбинате собираются сильно помогать. Это надо всем, даже их соседям — соперникам по социалистическому соревнованию из пенопластового производства. Если цех убыточен, то из какого же хозрасчетного дохода можно поощрять людей? Ясно, что не из чего. Но «кирпичники» и так получают в среднем на 60—80 рублей меньше, чем в цехе пенопласта, так как же можно сюда привлечь хорошие, постоянные кадры?.. Да, кирпич убыточен, но он дефицит. На него можно что хочешь обменять: металл, станок. Дай колхозу кирпич — он тебя картошкой завалит. И в цехе пенопласта рассуждают так:

— Мы можем намного перевыполнять свой план только благодаря сверхплановому кирпичу: комбинат обменивает его на дополнительное сырье для нас.

Кроме того, всем ясно, что, не выполни план по поставкам кирпича, придется платить немалые штрафы. Из общего кармана. Вот из всех этих рассуждений и родилось решение совета трудового коллектива, когда по итогам очередного месяца из хозрасчетного дохода дали премию и кирпичному цеху. Более того, чтобы закрепить и привлечь новых рабочих, приняли ряд дополнительных стимулирующих решений. Тех пенсионеров, которые работают в кирпичном производстве (а также участников войны всего предприятия), освободили от подоходного налога и квартирной платы: расходы взял на себя комбинат. Там же улучшили ночное питание за счет прибыли. Это же производство, а также транспортно-сырьевой цех и жилищно-коммунальное хозяйство перевели на укороченную

рабочую неделю. Кстати, это намечают сделать для всего комбината. Такие вот социальные завоевания уже в первые месяцы работы по-новому.

Из первых своих хозрасчетных доходов коллектив выделил определенные суммы на повышение зарплаты, на дополнительное стимулирование. Ну, а как же с ремонтом зданий, с реконструкцией. Согласились рабочие — члены совета трудового коллектива — выложить из собственного кармана рубли — тысячи рублей! — на развитие производства? Выделили. Но возможности все же ограничены. На все про все в этом году надо бы иметь тысяч 800. Коллектив может выделить лишь половину: надо и дать заработать побольше, а то люди не поверят в арендный подряд, ведь живуч еще определенный скепсис к долгосрочным обещаниям, которые чаще всего не выполнялись. Вот эта прибавка и является наглядной агитацией за работу по-новому. Но и развиваться надо, без этого не будет хорошей перспективы. Так где же взять недостающее?

Часть строительных работ на комбинате выполняют собственными силами. Договорились, какое подразделение сколько отработает на реконструкции. Но это все-таки мелочи. Думали: не взять ли деньги в банке — да проценты придется платить, боязно. Главный путь, пришли к выводу, — вклад личных сбережений комбинатовских работников. Замахивались на акции, но пока не подготовились к этому. Хотя от этой идеи не отказались. А пока решили вот что.

Совместно с Московским областным управлением Жилсоцбанка СССР на комбинате создали филиал, обслуживают его совместно работники предприятия и банка. Этот филиал и позволяет по-новому решать многие финансовые вопросы. Начали с того, что каждый добровольно просит начислять зарплату на его личный счет в этом филиале. Конечно, какую-то часть будет по мере надобности забирать на семейные нужды. Чтобы люди вкладывали сюда, а не в сберкассу, установили более высокий процент годовой прибавки — не три, а пять. Таким образом, деньги накапливаются в распоряжении комбината, и их можно пустить на реконструкцию, техническое перевооружение.

Как отнеслись к этому работники комбината? Ведь одно дело вообще проголосовать за это, а другое — вложить свои деньги в нечто необычное для социалистического предприятия. В первую же неделю десятки заявлений легли на стол бухгалтера.

А еще Бочаров задумал перейти на пятидневную оплату труда. То есть расчет вести по итогам каждой недели. Смысл? Прежде всего — ускорятся оборот денег и они подольше лежат на счету комбината, а значит, и суммы побольше можно пустить на общие нужды. Да и ритмичности это способствует.

Чтобы еще сильнее объединить средства и промышленность, на комбинате пошли и на такой необычный шаг: избрали в состав совета трудового коллектива управляющую Ульяновским отделением Жилсоцбанка. Дело в том, что это отделение стало равноправным партнером предприятия. Создана совместная финансово-экономическая служба, и работники банка имеют прямую материальную заинтересованность в результатах деятельности комбината. И нельзя не согласиться с начальником областного управления Жилсоцбанка И. Антоновым, который сказал мне, что возникают принципиально новые взаимоотношения между финансистами и производственниками.

Самые сметливые и дотошные гости Бутовского комбината обя-

зательно просят показать документы, на основании которых разрешена деятельность на арендном подряде. В упоминавшейся папке среди множества бумаг есть и договор, и постановление Мособлисполкома... Из них следует, что на арендный подряд комбинат перешел в порядке эксперимента. То есть фактически без существующих законов, инструкций. И в связи с этим возникает немало сложностей.

Начнем хотя бы с того, что в Законе о государственном предприятии (объединении) даже не упомянут такой подряд, нет самого слова «аренда». К государственному предприятию такая форма хозяйствования как будто бы и не имеет отношения. Вот в кооперации — пожалуйста. Но форма-то показала себя с самой лучшей стороны.

При арендном подряде совершенно по-иному будут складываться взаимоотношения предприятия и его ведомства. По сути, главк комбинату не нужен, а если и нужен, то для других целей. Выполнение госзаказа и договорных поставок? Так это могут и финансовые органы контролировать. Выделение новой техники? Это можно делать и по прямым договорам.

Какая-то координирующая организация, конечно же, нужна — чтобы решать общие для данной отрасли проблемы, объединять усилия, обмениваться опытом и научно-технической информацией. Однако предприятия сами должны определять, какой именно координирующий орган им нужен, с какими функциями и полномочиями. Нечто вроде консорциума.

Совсем иначе выглядит и понятие о собственности. Те основные фонды, которые коллектив берет в аренду, остаются собственностью государства. Но ведь уже в ближайшие годы Бутовский комбинат собирается построить разных зданий — производственных и культурно-бытовых — на миллионы рублей. Так что же, в случае прекращения через восемь лет договора об аренде деньги пропадут? А ведь рабочие и инженеры выложили их, по сути, из собственного кармана, отрезали от дополнительного поощрения. Возникает понятие о коллективной собственности на государственном предприятии. Это требует и теоретического осмысления и практического закрепления в соответствующих правовых документах.

В общем, арендный подряд несет немало дополнительной заботы не только руководителям комбината, банка, главка, но и многим директивным и юридическим организациям... Но решать эти вопросы надо безотлагательно. Этого требует сама жизнь.

Анатолий ПАНКОВ

Московская область

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Презумпция невиновности. Этот основополагающий принцип уголовного права не раз попирался.

О том, что нужно сделать, чтобы никогда не было возврата к беззаконию, как перестроить работу прокурорских работников в соответствии с новыми требованиями, беседуют писатель Владимир Соколов с заместителем прокурора РСФСР Алексеем Владимировичем Бутурлиным.

Эффективна ли административная ответственность за причиненный природе вред, почему бездействуют некоторые нормы административных кодексов союзных республик, каковы пути их совершенствования — об этом делаются своими мыслями читатели М.Албогачиев и М. Миронов.

Большой вклад в обеспечение конституционных прав граждан и организаций, в укрепление социалистической законности вносит советская адвокатура. О новых задачах, выдвинутых перед ней временем, о проблемах адвокатуры идет речь в беседе за «круглым столом».

ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ— БЫТЬ!

Писатель Владимир СОКОЛОВ встретился с заместителем прокурора РСФСР Алексеем Владимировичем БУТУРЛИНЫМ и попросил его ответить на несколько вопросов, ставших в последнее время предметом довольно острых дискуссий в печати.

В. С. Нет нужды напоминать читателю, что презумпция невиновности — это юридический принцип, согласно которому не может считаться преступником человек, чья вина не установлена судом. Жизнь, увы, дает нам достаточно примеров, и не только из прошлого, когда признавались преступниками и отбывали наказание ни в чем не повинные люди. К сожалению, это одна из постоянных тем журнала.

А. Б. Так складывалась наша история, что долгое время юристы, практики и ученые подвергали сомнению само право на существование этого принципа, а в известный период он вообще утратил свое значение. Многое пришлось выправлять, чтобы презумпция невиновности (хотя в законе и нет такого термина) как принцип оказалась закреплена в Конституции СССР: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом» (статья 160).

В. С. Тем более важно разобраться. Уж если даже закреплённость презумпции в высшем законе страны не мешает многочисленным ее нарушениям, то вопрос, конечно, не терминологический.

А. Б. Дело, разумеется, не просто в том, чтобы именовать установленное законом положение «презумпцией невиновности». Мало ли существует прекрасных законов и требований об их соблюдении? Крайне важно понять, почему так многочисленна еще почта и редакций, и прокуратур о фактах необоснованных арестов, неправосудных приговоров. Действительно ли неопровержимы доказательства, достаточны ли они? Это в каждом отдельном случае и необходимо исследовать. Мне не приходилось встречаться с законченным уголовным делом, по которому бы не было абсолютно никаких доказательств вины обвиняемого. Зато сплошь и рядом приходится разбираться, не являются ли избобличающие показания наговором, не собраны ли в деле лишь уличающие доказательства и не проигнорированы ли оправдывающие?

По закону только достаточность доказательств является основанием для привлечения человека к суду в качестве обвиняемого. Но как раз эта достаточность и оказывается часто камнем преткно-

вения. И здесь очень важны квалификация, опыт, отсутствие предвзятости со стороны следственных работников, прокуроров, судей, которые занимаются этим делом.

В. С. Предвзятость — зло, тут и спорить не о чем. Но ведь следователь, как правило, никогда прежде не видел своего подследственного, откуда вдруг у него предвзятость?

А. Б. Тут целый комплекс причин. Одна из самых главных связана с местничеством. На состоянии законности в Узбекистане, например, сказался установившийся в годы «шарафшидовщины» авторитарно-бюрократический характер взаимоотношений, густо замешанный на местничестве. На все звенья правоохранительного аппарата оказывалось давление, людей приучили принимать решения по подсказке из партийного комитета, причем издержки этого явления бытуют и сейчас. Команды на привлечение к уголовной ответственности, надо сказать, давались редко. Гораздо шире были распространены запреты на привлечение к ответственности лиц, причинивших крупный ущерб государству.

В. С. Вот где, должно быть, поминали все презумпцию невиновности...

А. Б. Да нет, обе стороны: и отдающая команду, и выполняющая,— хорошо понимали, что нарушают закон. Объясняли чаще так называемой «целесообразностью» — интересами района, области, даже республики. Причем, подчеркиваю, речь не о случаях, когда в интересах дела нарушаются какие-то инструкции, когда люди идут на производственный риск, чтобы предотвратить большие потери и так далее. Нет. От уголовной ответственности ограждались должностные лица, руководители, совершавшие серьезные преступления, крупные хищения. Часть работников прокуратуры не удержалась на принципиальных позициях законности, шла на поводу местных влияний и узковедомственных интересов. Усиленно насаждалось мнение, что на местах виднее, как соблюдать тот или иной закон,— так объяснялась, например, в Узбекистане «необходимость» приписок и очковтирательства с хлопком. Считалось, что это временная неизбежность, когда-нибудь потом приписанное перекроется, зато сейчас республика получит дотации, а это скажется на улучшении благосостояния, укрепит производственную базу... Как видим, произошло обратное, налицо отступление по многим показателям. Нарушая закон, невозможно поднять экономику.

К сожалению, многолетняя практика местничества создала в правоохранительных органах прослойку «карманных прокуроров», принимающих те решения, которые устраивали «хозяина» города, района. При этом игнорировалось ленинское требование установить подчинение местной прокурорской власти только центру. Конституционный порядок назначения районных и городских прокуроров прокурором республики зачастую лишь декретировался, поскольку на практике кандидатуры устанавливал секретарь соответствующего райкома или горкома, причем устанавливал по принципу: устраивает меня такой-то или нет. Неспроста тогда в прокуратуре рассуждали так: если снимет меня вышестоящий прокурор, партийный комитет мне работу подыщет, не бросит. А если освободят по требованию горкома, обкома, куда меня направит прокурор? И действительно, освобожденные Прокуратурой Союза за нарушение законности ответственные работники, слепо выполнявшие волю бывшего руководства, незамедлительно назначались на не менее ответствен-

ные посты. Так что на местах, вопреки известному выражению, платил один, а музыку заказывал другой.

В. С. Почему же так долго, десятилетиями, центральный аппарат мирился с существованием «карманных прокуроров»?

А. Б. Центральный аппарат не мирился с их существованием и, сколько мог, противостоял этому явлению. Но не забудем, из каких верхов исходило давление, «отжимавшее» от конституционного положения. Выполнение требования ЦК КПСС пресекать любые попытки давления на прокуроров при принятии решений, относящихся к их компетенции, запрещение вмешиваться в расследование уголовных дел, безусловно, положительно отразится на состоянии законности.

В. С. Но вернемся к причинам предвзятости...

А. Б. Да. Еще одна самостоятельная, на мой взгляд, причина — погоня за количественными показателями. Довольно долго существовало своеобразное «соревнование» с органами внутренних дел — кто больше расследует, например, уголовных дел по хищениям в крупных и особо крупных размерах. Требования об улучшении раскрываемости преступлений все росли, а необходимость строжайшего соблюдения законности как-то сама собой отодвигалась на второй план. При таком отношении иные следственные работники начинали верить, будто цель оправдывает любые их действия. Оценка результатов работы по количеству законченных дел, наложенная на рост преступности в некоторых районах страны, на особый размах хищений и взяточничества, — все это привело к разрастанию следственного аппарата. Число же работников, обязанных осуществлять надзор за следствием, осталось практически прежним. Надо ли говорить, как увеличилась их нагрузка, как возросла вероятность ошибки.

В. С. Но не одни лишь ошибки надзора приводят к нарушениям презумпции невиновности. Само двуединство служб следствия и надзора зачастую становится источником произвола.

А. Б. Да, к сожалению. Сосредоточение в прокуратуре функций надзора за законностью и руководства следствием позволяет недобросовестным работникам маскировать свои ошибки. Мы можем уже сегодня, даже оставив надзор и руководство следствием прокуратуре, исправить застарелые ошибки организационного плана. Например, обвинительное заключение по делу, законченному следствием, должен, думается, утверждать другой прокурор, а не тот, который им руководил и осуществлял надзор. И этот же «другой» прокурор, не зависимый от руководителей следственного подразделения, должен поддерживать государственное обвинение в суде.

В. С. А когда, по-вашему, следует допускать адвоката?

А. Б. После предъявления обвинения и по всем делам.

В. С. А почему не сразу после задержания?

А. Б. Адвокат — защитник, защита же бессмысленна без обвинения. От чего защищать? Следствие еще не подготовило свои аргументы...

В. С. Но ведь и в этот отрезок времени права задержанного могут ущемляться, да еще как! Изолятор временного содержания во многих случаях используется как орудие получения показаний, нужных следователю.

А. Б. Задержание граждан без оснований, четко регламентированных законом, только с целью добиться «нужных» показаний, — это преступление. Но более раннее, чем сейчас, подключение адво-

ката к делу, на мой взгляд, способствовало бы укреплению законности. Адвокат сможет уже в ходе следствия возбудить ходатайства, требовать дополнительных доказательств и следить за тем, чтобы из поля зрения следствия не выпали обстоятельства оправдательного характера.

В. С. Давайте, Алексей Владимирович, вернемся к совершенствованию самого расследования. Дискуссий на эту тему предостаточно, все знают, что пора что-то менять, но что?

А. Б. Бесспорно тут одно — прокурор, давший санкцию на арест, далеко не всегда пойдет с легким сердцем на признание своей ошибки. Это промах в его работе, который влечет определенные последствия. Да и следователь, находящийся под его надзором, будет всячески стремиться «оправдать» санкцию на арест. Тут, как правило, и начинается поиск дополнительных эпизодов, часто не связанных с первоначальным обвинением. Довольно много сказано уже в печати о фактах прямой фальсификации обвинения, о преступлении против правосудия, но я бы хотел остановиться здесь на не столь, может быть, броских, но гораздо более массовых примерах, когда на помощь оказавшимся в неприятном положении работникам правоохранительных органов приходит... сам закон.

Многие годы в некоторых уголовных кодексах существовала своего рода «страховочная» статья — ответственность за хранение холодного оружия. Редко у кого дома в хозяйстве либо в качестве сувенира не окажется нож, который экспертом может быть отнесен к разряду холодного оружия. И вот у лица, подозреваемого в хищении, взяточничестве и т. д., при обыске изымается это «холодное оружие». Теперь, даже если не найдет подтверждения обвинение в основном преступлении, санкция на арест оправдана. Эта статья спасла от ответственности за необоснованный арест не одного следователя и прокурора, позволила осудить не одного кому-то неугодного человека. Мы посчитали, что с подобным беззаконием нужно кончать.

Сейчас уголовными кодексами союзных республик предусмотрена ответственность за незаконное ношение, изготовление или сбыт холодного оружия — это нужная норма.

Представьте себе другую ситуацию. Приближается к концу двухмесячный срок предварительного заключения, вина обвиняемого так и не доказана, дело в суд направлять нельзя, а освободить — рука не поднимается. Но можно продлить содержание обвиняемого под стражей, надо только получить разрешение вышестоящего прокурора. И это, оказывается, довольно просто, ведь вышестоящий тоже отвечает за состояние следствия в подчиненных органах, к тому же часто он уже связан отрицательным ответом на жалобу обвиняемого.

В. С. Как бороться? Запретить продление?

А. Б. Невозможно. Многие дела о наиболее опасных преступлениях требуют сложных экспертиз и просто не могут быть окончены в два месяца. Но мне представляется, что серьезной гарантией от ошибок при аресте стало бы рассмотрение вопроса о продлении срока не вышестоящим прокурором, а судом, по уровню не ниже областного. Это предусмотрено, кстати, законодательством некоторых социалистических стран.

В. С. А как в этом случае с тайной следствия? И не свяжет ли себя суд, продливший срок содержания обвиняемого под стражей, «обязательством» превратить его в осужденного?

А. Б. Думаю, такие опасения напрасны. Вопрос о продлении срока может рассматриваться коллегией из трех судей в закрытом заседании, законченное же дело должно передаваться другому составу суда. Для большей гарантии суд может давать лишь право на продление срока, которое будет санкционироваться прокурором.

Хочу сказать еще об одной возможности «узаконенных» нарушений презумпции невиновности. Ведь после поступления дела в суд срок содержания подсудимого под стражей вообще никак не ограничен. Дело не рассматривается по каким-то причинам, передается из одного суда в другой, отводится состав суда или кто-то болеет, а арестованный все сидит. Ничего, утешают его, этот срок тебе все равно засчитают при отбытии наказания.

В. С. А если он не виноват? Не помешают ли «намотанный» срок, да еще необходимость возмещать ущерб оправданию невиновного?

А. Б. Мешают, и не так уж редко. Видимо, пора предусмотреть в законе необходимость через 2—3 месяца «холостого» нахождения дела в суде специально решать вопрос о дальнейшем содержании подсудимого под стражей.

Незавидное положение и у тех, чье дело неоднократно возвращается на дополнительное расследование. Тут тоже общий срок содержания под стражей не высчитывается никем, кроме обвиняемого. В этом случае процедура продления еще проще. Прокурор, получивший дело на доследование, продлевает срок содержания на месяц, даже не извещая об этом вышестоящие органы.

В. С. Но ведь так можно продержать человека сколько угодно!

А. Б. Ну, не сколько угодно, но сколько раз вернут из суда дело, столько «лишних» месяцев и набегит. Думаю, это несовершенство нам тоже надо устранить.

Можно назвать и другие нормы законодательства, которые позволяют, по сути дела, игнорировать презумпцию невиновности. Например, «нецелесообразность» привлечения лица к уголовной ответственности. В законе говорится, что может быть освобождено от уголовной ответственности лицо, совершившее деяние с признаками преступления, если ко времени расследования или рассмотрения дела в суде оно перестало быть общественно опасным.

На первый взгляд гуманная, на практике эта норма слишком часто служит прикрытием ошибки следственных органов. Необоснованно привлеченный к ответственности человек настаивает, чтобы суд разобрался и вынес оправдательный приговор, а следователь утверждает — нет, ты совершил хищение, но поскольку после возбуждения уголовного дела освобожден от своей прежней должности, скажем, директора совхоза, то утратил общественную опасность и признавать тебя преступником нецелесообразно. Получается, что человек формально признан виновным, а доказать свою невиновность в суде не имеет права.

В. С. И закон соблюден, и презумпция нарушена.

А. Б. Нарушать презумпцию здесь позволяет существование несовершенства этой нормы. Дело в том, что в отличие от случаев прекращения уголовного дела по амнистии или по истечении срока давности здесь не требуется согласие обвиняемого. В Узбекистане, например, следователь вправе был по этим основаниям принять решение самостоятельно, даже без согласия прокурора.

Не так уж безобидно в отношении гражданских прав и прекращение дела за недоказанностью. В этих случаях зачастую создается иллюзия, что меры принуждения в отношении задержанного при-

менялись правильно, и только чего-то чуть-чуть не хватило, чтобы его осудить. Хотя, по логике, если вина не доказана, она отсутствует. Но если дело прекращать за отсутствием состава преступления, это должно повлечь определенные выводы в отношении тех, кто его возбудил, а вот если за недоказанностью, тут вся тяжесть последствий ложится на «освобожденного». Формально он, конечно, реабилитирован, но снова занять свое место в жизни ему очень трудно. Восстановиться в партии такой человек, как правило, не может, в глазах общественности он тоже остается ловкачом, преступление наверняка совершившим, но сумевшим как-то выкрутиться. Его положение хорошо передается формулой, бытовавшей в законах Российской империи: «Оправдать, но оставить под подозрением». Думается, пора отказаться от пресловутой «недоказанности» и во всех подобных случаях прекращать дела за отсутствием состава преступления.

В. С. Но вы же знаете, Алексей Владимирович, что такое для суда вынести оправдательный приговор. По всем обстоятельствам процесса он как будто неизбежен, а все-таки дело отправляют на дополнительное расследование.

А. Б. Да, и более того скажу — частенько это происходит по незаконным требованиям и просьбам работников прокуратуры, старающихся замаскировать таким образом «провал» обвинения. Выявляя проверками такие факты, мы принимаем к провинившимся надлежащие меры. Но причина, как правило, оказывается не только в прокуроре — судье так тоже проще. Если он вернул дело на следствие, а вышестоящая инстанция отменила его решение, то упрекнуть судью тут сложно. Усомнился — его право. А ведь необоснованное возвращение дел на следствие лишь разводит волокиту, порой мешает привлечь к ответственности настоящих преступников.

Другое отношение к судье, когда он выносит оправдательный приговор. Здесь претензии к нему бывают куда более основательными, да еще злые языки начинают болтать, что судью «заинтересовали».

Корни такого отношения к оправдательным приговорам — в многолетней практике оценки работы прокуратуры и судов по количественным показателям. Отмена приговора, а тем более оправдание воспринимается не как торжество справедливости, а как брак, черный шар в твою корзину. Понятно, когда таких шаров накопится определенное количество, по ним будут судить о компетентности. Что же, не обращать внимания на отмены приговоров? Разумеется, не обращать внимания нельзя. Но так же разумеется, что стоит зажечь красный свет перед отменой неправосудного решения, перед оправданием, перед обоснованным возвращением дела на следствие, как нарушения закона резко возрастут. Остается одно — перестать всех стричь под одну гребенку и в каждом случае выяснять конкретную причину сбоя. А уж по ней делать выводы.

В. С. Недозволенные методы следствия неотделимы, как правило, от нарушений презумпции невиновности. Что вы думаете о них?

А. Б. О физическом насилии говорить не буду, здесь позиция закона категорична — если оно выявляется, следователь сам подвергается уголовному наказанию. Сложнее с другими методами, например, когда следователь вступает с подследственным в своеобразный сговор. При этом часто, к сожалению, протипуруется существующее в законе справедливое положение, по которому пре-

дусмотрено снисхождение лицу, раскаявшемуся в своем преступлении и способствующему в полном его раскрытии. Недобросовестные следователи эту норму подают как свою способность повлиять на решение суда, взамен же требуют нужных им показаний — так возникают на практике самооговоры и оговоры других людей.

Особенно часто мы сталкиваемся с подобным психологическим давлением в делах о взяточничестве. Согласно закону, лицо, добровольно заявившее о даче взятки, освобождается от уголовной (подчеркиваю — только от уголовной) ответственности за это преступление. Но ведь с каждым таким заявлением надо разбираться — не попытка ли это ошельмовать человека, свести с ним личные счеты? А нам приходится еще выяснять, не уговорились ли следователь с взятодателем «сделать» нужное свидетельство против обвиняемого в получении взятки? На эти подозрения наводит то, что слишком уж часто «изобличитель» оказывается освобожден не только от уголовной ответственности; о нем, если он коммунист, не сообщается в партийные органы, да и на посту он порой остается. При этом как бы забывается, что при подаче добровольного заявления взятодатель все равно остается лицом, совершившим преступление. Полагаю, что в ходе правовой реформы многое изменится в лучшую сторону.

В. С. Последний вопрос — помогает ли пресса или только осложняет вашу жизнь? И еще — что вы скажете о праве журналиста на самостоятельное расследование?

А. Б. Нисколько не заигрывая с прессой, скажу — безусловно помогает. Критические материалы на правовые темы, как бы ни неприятно их было читать конкретным судьям, прокурорам, адвокатам, следователям, придают общественной значимость любому факту необоснованного ареста, вынесения неправосудного приговора, они побуждают нас к поиску новых гарантий соблюдения законности. Но и вы, журналисты, должны быть самокритичны. Некоторые публикации явно грешат все той же предвзятостью — это факт.

Конфликтный стык в отношениях с прессой — публикация мнения по уголовному делу до завершения работы суда. Причем, по моим наблюдениям, одни и те же упреки достаются и публицистам, и работникам правоохранительных органов, смотря кто выступил на страницах печати по данному делу. Видимо, нам всем следует перечитать статью УПК, говорящую о том, что данные расследования могут предаваться гласности лишь с разрешения следователя или прокурора и только в том объеме, в каком они сочтут возможным. Что же касается сообщений об аресте, о привлечении к уголовной ответственности того или иного лица, то мне они представляются допустимыми при условии, что они не утверждают установления вины арестованного. Ведь все равно эти факты становятся известны, но без информации обрастают порой такими домыслами, что просто необходимо бывает правильно ориентировать общественность. Другое дело, что в этих сообщениях нужна большая взвешенность, а ее-то в публикациях, порой и в наших, прокурорских, не хватает.

Кстати, коли наша беседа посвящена в основном презумпции невиновности, мне бы хотелось подчеркнуть: то, что в некоторых публикациях подается как нарушение этого принципа, на деле таковым не является.

Арест по обвинению в преступлении, утверждение прокурором обвинительного заключения, его речь в суде, да, наконец, и само провозглашение судом первой инстанции приговора — все еще не-

обходимые действия специально уполномоченных на то государственных органов, хотя при желании произвести эффект эти действия тоже могут быть квалифицированы как нарушение презумпции невиновности — ведь приговор еще не вступил в законную силу!

Вот с журналистскими расследованиями я вас, наверное, разочарую. Не вижу в них смысла. Если журналисту становятся известны какие-то факты по делу, он обязан поставить о них в известность следственные органы. Если органы не принимают эти факты во внимание, он может обратиться выше. Но проводить параллельное следствие, соревноваться со специально созданным для этой цели аппаратом — зачем? Не лучше ли те же усилия направить на совершенствование работы аппарата, коль уж видится в этом необходимость? Не говорю уж об абсурдной ситуации, когда за следствие взялась бы не только печать, но и советские, и партийные органы, куда ведь тоже наряду с газетами выступают сигналы и просьбы о помощи. По-моему, расследованием преступлений должен заниматься тот, на кого эта обязанность возложена законом.

Как известно, печать — оружие исключительно острое и пользоваться им следует осмотрительно. Кое-где не изжиты случаи, когда страницы газет используются для протаскивания субъективных, тенденциозных выводов некоторых недостаточного компетентных журналистов. Иногда они скатываются на позиции ходатаев по уголовным делам, появляются статьи в интересах скомпрометировавших себя лиц. Если же говорить о направлении, в каком должно развиваться наше взаимодействие, то напомним, что ЦК КПСС совершенно справедливо потребовал повысить уровень освещения средствами массовой информации проблем укрепления правопорядка, содействовать правильному формированию общественного мнения, строго соблюдать достоверность публикаций.

Лучше не скажешь.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В номере 10 за 1988 год опубликовано интервью нашего корреспондента с заместителем начальника управления по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы, Главного (объединенного) управления по исправительным делам МВД СССР Л. Фроловым «И строгость, и гуманность». В этом материале не нашло должного освещения важное обстоятельство. Поэтому последний абзац на странице 29 следует читать в таком варианте: «Представляется целесообразным на условно освобожденных, работающих на стройках народного хозяйства, распространить порядок снятия судимости, аналогичный тому, который установлен для лиц, осужденных условно с обязательным привлечением к труду. Последние не считаются судимыми непосредственно после отбытия наказания. Это немаловажное последствие, связанное с правовым статусом гражданина».

ПО ЖИВОМУ... СКВОЗЬ КАВКАЗ

Проект сооружения кавказской перевальной железной дороги возник еще в прошлом столетии, но вот сегодня вокруг него кипят страсти. Доводы тех, кто «за», широко известны: спрямление пути между центром и Кавказом, прогресс, оживление экономических связей. Ну а что противопоставляют те, кто «против»? Они утверждают, что КПЖД экономически невыгодна: низкая скорость движения поездов, громадные расходы на пробивку толщи кавказских хребтов и т. д. А главное — дорога самым отрицательным образом скажется на окружающей среде, так как прокладывать ее придется «по живому» — в уникальной местности и с исторической, и с этнографической, и с культурной точек зрения. Благодаря политике гласности доводы противников проекта стали известны общественности. Сейчас работы по сооружению КПЖД приостановлены. Но кардинального решения проблемы нет. Многочисленным противникам проекта сооружения КПЖД оказалось не под силу тягаться с таким могущественным ведомством, как Минтрансстрой.

— Нашему голосу — ноль внимания, — говорит председатель Гостроя Чечено-Ингушской автономной республики Тамерлан Дидигов. — Уж в какие только двери мы не стучались. Требовали исполнения законов. А у строителей свои законы. План есть — выполняй.

Забил в колокола и Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК РСФСР). В специальном письме он напомнил Минтрансстрою СССР, что дорога должна пройти по Асиновскому ущелью, являющемуся историческим центром расселения ингушского народа и насыщенному уникальными археологическими, историческими и архитектурными памятниками XIII—XVIII веков, представляющими исключительную ценность. Строительство и эксплуатация железной дороги самым пагубным образом скажутся на существовании природного и историко-культурного заповедника.

По меньшей мере странным кажется ответ на это письмо заместителя министра Минтрансстроя СССР А. Н. Макарова, в котором он недоумевает: «Какие меры по сохранению памятников, находящихся вблизи трассы проектируемой железной дороги, должны быть учтены в разрабатываемом проекте?»

В ответ Центральный совет направил в адрес министерства письмо с разъяснением Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

— Нынешнее законодательство абсолютно не действует, — говорит первый заместитель Центрального совета ВООПИК В. Петербуржцев. — Его санкции смехотворны. Ведомства вообще его игнорируют и не считаются с ним. Нужно, видимо, пересмотреть неко-

торые его положения, чтобы они стали действенной преградой на пути тех, кто посягает на историю Родины.

Действительно, строители приостановили работы, но уже успели освоить миллионов 50 с гаком. Уже разрушили большое количество памятников археологии, архитектуры, уничтожены роща реликтовой красной сосны, пойменный лес. Река Асса, в верховьях которой нерестится форель, переведена в искусственное русло, по охранным зонам средневековых комплексов пролегла ЛЭП.

Кстати о ЛЭП. В мае комиссия из автономной республики была приглашена дирекцией КПЖД для согласования проекта по ее прокладке. Но оказалось, что согласовывать поздно. Линия была уже проложена. И притом не так, как, исходя из интересов охраны заповедников, требовало Министерство культуры ЧИ АССР.

— Наш глас — глас вопиющего в пустыне, — с горечью заключает В. Петербуржцев. — Не имея права решающего голоса, на что можно рассчитывать? Столько лет мы бьемся, чтобы спасти заповедные места, но должных результатов нет.

Особо нужно сказать о позиции правоохранительных органов автономной республики. Несмотря на факты грубого нарушения строителями природоохранного законодательства, юристы до сих пор власть не употребили.

М. АЛБОГАЧИЕВ

Чечено-Ингушская АССР

КТО КОНКРЕТНО ВИНОВАТ?

Если судить о нашей решительности защитить родную природу по количеству принятых законов, постановлений и других нормативных актов, то тут мы «впереди планеты всей». Но вот беда: плохо они срабатывают. А в ряде случаев и вовсе не действуют. Почему?

Тут причин, на мой взгляд, много. В числе основных я бы назвал следующую. Беда в том, что мы проявляем нерешительность, когда надо привлечь к судебной ответственности конкретного виновника загрязнения и гибели окружающей среды. Спросите любого судью: часто ли перед его светлые очи встает руководитель повинный в гибели природы, много ли приходится суду рассматривать дел, связанных с охраной окружающей среды, и вы получите тот же ответ.

А штрафы? Это же и смех, и горе. Например, за загрязнение лесов бытовыми отходами предусмотрено наложение штрафа на граждан в размере... десяти рублей, а на должностных лиц — до пя-

тидесяти рублей. Убоится ли кто таких штрафов? Да нет, конечно! Сплошь и рядом должностные лица сознательно идут на риск пятидесятирублевого штрафа, вышвыривая в близлежащий лесок отходы и отбросы. И для гражданина десяточка не бог весть какая сумма. Так что не работают эти штрафы.

Но одним увеличением размера штрафа тоже многого не добьешься. За вред, нанесенный природе, арбитражи порой взыскивают миллионные суммы, но эти деньги практически перекачиваются из одного государственного кармана в другой. Все штрафы идут в госбюджет, и в этом-то вся суть. А по уму надо бы делать иначе.

Все без исключения штрафы — и те, что взыскиваются в административном порядке с отдельных граждан, и те, что взимаются госарбитражами с предприятий, должны идти по прямому назначению: на восстановление ущерба, причиненного окружающей среде. Кроме того, правильно было бы предусмотреть в кодексах об административных правонарушениях союзных республик обязанность виновного не только деньгами, но и личным трудовым вкладом по возможности возместить вред, нанесенный природе. Намусорил — убери определенный участок в лесу, срубил дерево — посади пять или десять деревьев, нарушил среду обитания одних животных, и если им помочь уже нельзя, помоги другим — прими участие в заготовке кормов для подкормки их в период бескормицы или выполни другую работу по указанию органов, охраняющих животный мир.

На принципе возмещения ущерба можно было бы пересмотреть некоторые статьи седьмой главы административного кодекса. И тогда, уверен, положение с охраной природы резко изменилось бы в лучшую сторону.

М. МИРОНОВ,
член Союза журналистов СССР

г. МОСКВА

АДВОКАТ: ЧТО ОН МОЖЕТ? ЧТО ОН ДОЛЖЕН!

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Основной задачей советской адвокатуры является разносторонняя юридическая помощь гражданам и организациям (призванные на помощь — так переводится на русский язык слово «адвокаты»). Адвокатура — это важный элемент советской правовой системы, необходимое звено социального механизма защиты прав человека. Коллегии адвокатов призваны содействовать соблюдению и укреплению социалистической законности, осуществлению правосудия.

Что сделать, чтобы поднять роль и престиж адвокатуры в формирующемся социалистическом правовом государстве? Об этом шел разговор за «круглым столом» редакции журнала «Человек и закон», где присутствовали заместитель директора Московского научно-исследовательского общественного института судебной защиты кандидат юридических наук Петр Давидович Баренбойм, заместитель председателя президиума Московской областной коллегии адвокатов, заслуженный юрист РСФСР Михаил Александрович Гофштейн, ведущий научный сотрудник Института государства и права АН СССР доктор юридических наук Александр Михайлович Ларин, директор Ташкентского общественного научно-исследовательского института судебной защиты доктор юридических наук, заслуженный юрист Узбекской ССР Израиль Аронович Либус, старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР кандидат юридических наук Эльза Мирановна Мурадян, член Московской городской коллегии адвокатов, доктор юридических наук профессор Юрий Исаакович Стецовский. Ведущим «круглого стола» был главный редактор журнала «Человек и закон» Владимир Михайлович Сиренко.

Публикуем материалы этой встречи.

В. Сиренко. Надо признаться, наш журнал не очень много пишет об адвокатах. Но это не значит, что мы не относимся с большим уважением к их деятельности, к той важной роли, которую они играют в нашем обществе. Поэтому мы попросили вас собраться здесь, чтобы обсудить те насущные проблемы укрепления прав человека, соблюдения социалистической законности, которые волнуют наших читателей.

В сердцевине правовой реформы, которую предстоит провести в стране,— защита личности и прав советских граждан. Вот почему в Резолюциях XIX Всесоюзной конференции КПСС записано, что важное значение придается повышению роли адвокатуры как самоуправляющейся ассоциации по оказанию юридической помощи гражданам, государственным предприятиям и кооперативам. Знаменательно, что здесь на первом месте — граждане. Важное значение придается представительству их интересов в суде, других государственных органах и в общественных организациях. Должно быть расширено участие защитников в предварительном следствии и в судах.

Как мы видим, здесь довольно широкий спектр приложения сил адвокатов. Поэтому предлагаю сосредоточить наше внимание на защите прав и свобод личности советских граждан и роли в этом адвокатов.

Может быть, нам прежде всего повести речь о том, как мы понимаем повышение роли адвокатуры. Тем более что сейчас готовятся законодательные акты, которые будут вынесены на обсуждение. Публикация материалов «круглого стола» поможет, думается, привлечь к проектам законов общественное мнение, с одной стороны, с другой же стороны, поможет законодателю учесть мнение и ведущих адвокатов, и ученых, занимающихся этими проблемами.

М. Гофштейн. Мне кажется, что вопрос о повышении авторитета адвоката должен стоять на первом месте. Я вижу здесь три проблемы. Первая связана с совершенствованием законодательства, которое регламентирует процессуальную деятельность адвоката. Если законодательство не расширит рамок, не увеличит поле деятельности адвоката, то окажутся совершенно беспредметными все разговоры о том, что адвокатура выполняет важную роль.

Решение второй немаловажной проблемы зависит от самих адвокатов. Потому что даже те процессуальные нормы, которые сегодня определяют их возможности, не реализуются в полной мере самими адвокатами.

Третья проблема — отношение к адвокату. Дело в том, что его авторитет, престиж во многом зависят от стереотипа, который создается в сознании людей. Если в художественной литературе, в периодической печати, в кино и по телевидению адвокат постоянно преподносится как личность отрицательная, то о нем хорошо думать не будут. Я имею в виду не только средства массовой информации. И на служебных совещаниях наших коллег — судебных работников, работников прокуратуры, органов внутренних дел — руководство порой, мягко говоря, пренебрежительно высказывается о деятельности адвокатов.

Пока что, говоря прямо, адвокатура — это падчерица юстиции. Адвоката, участвующего в процессе, стремятся по возможности держать в узде, чтобы, чего доброго, дров не наломал. Не потому ли у нас появилось поколение адвокатов, которые привыкли плыть по течению. Почему? Да потому, что они видят бесполезность своих усилий: все, что они делают, не принимается судом. Отклоняются важные ходатайства. Во всяком случае, так было до недавнего времени. Сейчас уже началась перестройка. И ее характерная примета: в Московской области в прошлом году было 90 оправдательных приговоров. Из них в силе остались примерно 80. Такого наши суды не видели десятки лет.

А. Ларин. А какая это часть к общему числу приговоров? Получаются десятые доли процента. Достижение... Хм-м. Впрочем, несколько лет назад этот показатель выражался сотыми долями процента. Хочу дополнить, а может быть, и проиллюстрировать то, что сказал Михаил Александрович.

Прежде всего вопрос об авторитете адвоката, о его месте в общественном сознании. Корень вопроса — в правовой культуре общества. А правовая культура или правовое бескультурье находят массу проявлений. И за конкретными примерами ходить далеко не надо.

Как, скажем, освободить от должности неугодного председателя коллегии адвокатов или его заместителя? Делается это очень просто. Прокурор составляет справку. В ней указывает страшное, кошмарное, омерзительное преступление, за которое виновные понесли заслуженное наказание. Подбирает еще несколько подобных дел. И эти данные он сопоставляет с позицией адвоката. Оказывается, во всех приведенных случаях адвокаты просили оправдать подсудимых. В дальнейшем же суд признал их виновными, кассационная инстанция оставила приговоры в силе, приговоры обращены к исполнению. Вот с такой справкой прокурор идет в областной комитет партии — и там все удивляются и возмущаются: «Как же так, такие гнусные преступники, а адвокаты просят оправдать! Да нет, это просто система! Куда смотрит руководство! Оно им, видимо, потакает!». Вызывают председателя коллегии адвокатов. Он им пытается объяснить, что, собственно, в этом и призвание адвоката. Возражает. Но это уже совершенно не находит понимания... Таков уровень тех, кто искренне считает, что осуществляют руководство адвокатурой. Иначе говоря, непонимание задач адвокатуры обнаруживается на очень высоком и властном уровне.

В совершенно убогом положении находится адвокат. Ведь вы возьмите, скажем, другие страны, например, Англию. Там, чтобы занять пост судьи, необходим значительный стаж работы в адвокатуре. Вот каков там престиж адвокатов. Им доверяют высшие судебные должности. Более того, за рубежом очень много адвокатов избирается в представительные органы: в парламент, в муниципалитеты... А сколько у нас адвокатов, скажем, в Верховном Совете Союза ССР?

Реплики: Ни одного! Да что там. В сельсоветах — и то не много сыщется.

В. Сиренко. А сколько вы знаете случаев, когда на должность судьи были избраны бывшие адвокаты? Прямо из адвокатов?

А. Ларин. Это редко, но бывает. Но надо иметь в виду, что и должность судьи у нас непрестижна. Гораздо больше можно найти примеров, когда из судей уходят в адвокаты.

Проблема авторитета имеет и такую сторону: адвокат должен добиваться его сам. Если люди видят, как он преуспевает в своей профессии, это повышает авторитет адвоката.

Нужны комплексные меры, чтобы расширилась сфера действия адвокатов. Чтобы они участвовали не только в судебных делах. Ведь сколько крови портит советским гражданам хамство в ателье и магазинах, сколько надругательств над их правами происходит в многочисленных конторах, начиная с паспортного стола в домоуправлении, милиции.

Привлечение же для оказания юридической помощи человека, который умеет, как Ленин говорил, воевать за права,— это очень активная форма борьбы с бюрократизмом.

М. Гофштейн. Чтобы адвокат работал с административными органами, надо, чтобы там знали, кто такой адвокат и какими он обладает полномочиями.

А. Ларин. Я думаю, что активный адвокат научит кое-чему бюрократа, если приложит к этому усилия. Например, вытащит его в суд по жалобе на незаконные действия. Конечно, с этим связан целый ряд проблем. В частности, и вопрос оплаты. Потому что, если, например, цена какого-то вида помощи полтинник, а затратить на нее надо целый день, то здесь, естественно, особой активности от адвоката ждать нельзя.

Вот, мне кажется, таковы важнейшие направления. Не только закон, но прежде всего повышение правовой культуры призвано решить эту задачу. А это, как я понимаю, важное направление и вашего журнала. Но повышение правовой культуры требует не только одного просветительства. Надо вытаскивать на общее позорище случаи пренебрежительного отношения к адвокатам, любые попытки ограничить их деятельность. Активность должна быть разносторонней и исходить как от самих адвокатов, так и от средств массовой информации, и от всех тех, кто искренне желает, чтобы адвокатура заняла достойное место в нашем правосудии.

И. Либус. К сожалению, сам закон не во всем построен таким образом, чтобы поддерживать и укрепить авторитет адвоката. Что надо сделать, чтобы исправить положение?

Прежде всего необходимо уравнивать права адвоката и прокурора. Пора кончать с самообманом, будто прокурор в уголовном процессе занимается наблюдением за законностью. Прокурор — это обвинитель. Это надо признать. Ведь что же у нас получается на практике, например, в народном суде. Адвокат заявляет ходатайство, а прокурор дает заключение. О какой состязательности в процессе может идти речь, если прокурор дает заключение по поводу обоснованности ходатайства защиты?

Аналогичное положение и на предварительном следствии. Адвокат заявляет ходатайство, а разрешает его... следователь. Именно следователь, который только вчера предъявил обвинение и уже готовит обвинительное заключение, и думает-то он только о том, каким образом обеспечить по делу обвинительный приговор.

Далее. В процессе есть целый ряд ответственных ситуаций, когда защитник не имеет права обжаловать важнейшие процессуальные документы, например, определение о доследовании. Тем более что это определение часто направлено, будем прямо говорить, на ухудшение положения обвиняемого, подсудимого, подзащитного. Вместо оправдательного приговора суд выносит определение о доследовании, явно ухудшающее положение подзащитного, а защитник лишен возможности его обжаловать!

Следующее положение, которое не способствует авторитету адвокатуры,— подбор адвокатских кадров. Часто он ведется вопреки мнению руководства президиума коллегии адвокатов. Буквально вынуждены принимать тех, кого на пушечный выстрел нельзя допустить к защите прав человека. Вот пример. Заведующий административным отделом ЦК Компартии Узбекистана заставил Ташкент-

скую городскую коллегия адвокатов принять в адвокаты скомпрометировавшего себя следователя, изгнанного с работы чуть ли не за покушение на изнасилование, разврат и прочее. К счастью, его приняли с испытательным сроком, в течение которого был снят с работы его покровитель. И бывший следователь сам подал заявление об уходе.

Совсем недавно первый заместитель министра внутренних дел республики вошел с представлением к министру юстиции республики в отношении «неправильных действий адвоката». Выразились они в том, что адвокат задавал вопросы свидетелю — оперативному работнику МВД, на незаконные действия которого жаловался подсудимый. К счастью, председательствующий по делу оказался на уровне. Но министр юстиции написал резолюцию: товарищу такому-то, начальнику отдела: организовать комиссию и наказать адвоката по всей строгости закона. Наказать адвоката по всей строгости закона! И комиссия, конечно, пыталась выполнить этот... «социальный заказ» министра. Тут, правда, президиум адвокатов не допустил нарушений законности.

В. Сиренко. Это когда было?

И. Либус. Месяц тому назад!..

Дальше. Хочу сказать о юридической культуре и о стиле мышления руководящих кадров коллегий адвокатов. Как в нашей республике, так, видимо, и по всей стране председатели президиумов коллегий адвокатов обычно приходят со стороны. Это люди, ни одного дня не работавшие в адвокатуре, даже не прошедшие адвокатской стажировки. Пусть у нас мало адвокатов в стране — ну 25 тысяч. Так неужели среди них мы не можем найти 160 достойных и опытных людей на должности председателей 160 коллегий страны?

М. Гофштейн. А каков, простите, уровень правосознания адвокатов, которые, имея возможность воспрепятствовать путем тайного голосования избранию такого человека в президиум, все-таки голосуют за него?

И. Либус. Михаил Александрович, во-первых, необходимо ввести порядок, согласно которому председателем президиума коллегии адвокатов может быть действующий адвокат, имеющий стаж практической адвокатской деятельности не менее пятнадцати лет...

Ю. Стецовский. Вы все ждете: вот приедет барин, он нас и рассудит... Но мы же сами хозяева и вправе разработать и принять на общем собрании регламент коллегии и положение об отчетах и выборах или один документ — регламент коллегии. Нужно определяться самим, не ждать, чтобы это сделал кто-то.

И. Либус. Юрий Исаакович, вашими устами да мед пить. А вы забываете, что на местах сегодня пока что руководят председателями президиума партийный комитет да исполком.

Ю. Стецовский. Создайте заслон. Покажите им: вот наши правила об отчетах и выборах. Здесь записано: чтобы стать председателем коллегии адвокатов, нужны 15 лет работы в нашей организации. Разве нам не надо максимально использовать решения XIX партконференции о взаимоотношениях партийных и государственных органов с общественными организациями?

И. Либус. Мы говорим об одних и тех же вещах, но на разных языках. Желательно все же внести соответствующие изменения в Положение об адвокатуре.

Ю. Стецовский. Перефразируя Гегеля, по-видимому, можно

сказать: каждая коллегия имеет тот президиум, того председателя, которого она заслужила.

Я думаю, что здесь сказывается, во-первых, конечно, застарелый страх перед начальством, а во-вторых, общественное равнодушие. Равнодушие к судьбе коллегии. Оно, кстати говоря, присуще многим адвокатам, которые рассуждают так: пускай там президиум занимается нашими делами, а мне лишь бы только были дела, которые можно вести в суде.

И. Либус. Следующая проблема, которая, на мой взгляд, должна быть сегодня отмечена, заключается в том, что наше законодательство построено таким образом, что адвоката, защитника нет в стадии предания суду.

Ю. Стецовский. Многое, о чем говорили наши товарищи, верно. Важно, чтобы журнал «Человек и закон» и другие средства массовой информации писали, говорили, показывали: а кто он такой, этот человек, именуемый адвокатом?

Нашему обществу нужна сильная адвокатура. Но появится она лишь тогда, когда будет осуществлена реформа советской политической системы, будет существенно расширена судебная юрисдикция, создана система «сдержек и противовесов». Хорошо, когда дело поручено добросовестному следователю, но нужно и страшущее звено — защитник. Хорошо, если председательствует в судебном заседании опытный судья, но этого мало. В ряде случаев необходим более надежный механизм — нужны заседатели, свободные от «телефонного права», которых нельзя вызвать «на ковер».

Реформируя политическую систему, «крайне важно восстановить ленинское видение роли суда в системе нашей демократии, строго следовать принципу независимости судей, подчинения их только закону» («Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС», М., 1988, с. 62).

В предверии судебной реформы хочу подчеркнуть необходимость покончить с недооценкой Конституции. Она должна стать действительно Основным Законом, имеющим высшую юридическую силу. А что происходит сейчас?

В статье 158 Конституции СССР предельно ясно сформулирован важнейший принцип: «Обвиняемому обеспечивается право на защиту». В действительности же путем введения различных ограничительных условий конституционное право на защиту обеспечено далеко не каждому обвиняемому. Право на защиту безусловно включает в себя и возможность получения юридической помощи защитника. Однако в дознание защитник не допущен.

Допускается ли он на предварительное следствие? Да, но в большинстве случаев лишь при его окончании, а раньше — с согласия прокурора. Но разве это вытекает из Конституции СССР? Да ничего подобного: как только в деле появляется обвиняемый, по Конституции он сразу же получает право иметь защитника.

Участие защитника в стадии предания суду также зависит не от желания обвиняемого, а от усмотрения судей, которые обычно этого не хотят.

Возьмем судьбы людей, отбывающих наказание. Ведь далеко не каждый из них виновен. А если виновен, то так ли, как записано в приговоре? Каждый из этих людей имеет право на юридическую помощь защитника. Однако участие защитника в заседании суда, пересматривающего дело в порядке надзора, опять-таки зависит от

суда. Все эти и другие ограничения права на защиту согласовать с Конституцией СССР невозможно.

В. Сиренко. Уж коль мы этого вопроса коснулись, то, на ваш взгляд, чтобы не было судебных ошибок, на какой более ранней стадии процесса участие адвоката может от этого гарантировать?

Ю. Стецовский. Я полагаю, на предварительном расследовании. Но, подчеркиваю, я говорю об участии. То есть об активном защитнике, а не статисте. Давайте разберемся в словах. Ведь сейчас при обсуждении предстоящей судебной реформы в общем-то никто не рискует сказать, что не надо допускать защитника с момента предъявления обвинения. Да, говорят, по всем делам надо. Но при этом... не защищать, не оказывать юридической помощи! Что, так вот прямо и заявляют? Ничего подобного! А говорится так: «Допустим с момента предъявления обвинения, но уголовное дело адвокат возьмет в руки, когда расследование будет закончено». Говорят: «Если ты хочешь общаться с подзащитным — лучше с ним не говори, не надо. Ну уж если такой настырный, то разговаривай в присутствии следователя». То есть предлагается шаг назад по сравнению с ныне действующим законодательством. Ведь согласно статье 51 УПК РСФСР те немногочисленные защитники, что допущены с момента предъявления обвинения, с этого же момента получают право иметь свидания наедине с подзащитным без ограничения числа свиданий и их продолжительности, право знакомиться с материалами дела, заявлять отводы, приносить жалобы на действия следователя, прокурора и суда, присутствовать при предъявлении обвинения и допросах обвиняемого и так далее.

Так вот. Прежде всего давайте добиваться безусловного соблюдения Основного Закона. Защитник должен быть допущен при расследовании, которое проводится в любой форме, в том числе при дознании. Нужно, чтобы защитник был допущен с момента предъявления обвинения по всем без исключения уголовным делам. При этом не должны быть урезаны права защитника, который сегодня допущен с момента предъявления обвинения. Не надо превращать участие защитников в фикцию. Необходимо допустить защитника и в стадию предания суду, и в стадию надзорного производства, и в стадию исполнения приговора. И подозреваемый, то бишь человек, которого задержали или к которому применили меру пресечения до предъявления обвинения (о нем сказано в статьях 52, 90 и 122 УПК РСФСР), должен иметь возможность получить юридическую помощь от защитника.

Когда речь идет об участии защитника, имеется в виду состязательность. Состязательные начала необходимо развивать не только в судебных стадиях уголовного процесса, но и в ходе предварительного расследования. И это не только более раннее вступление защитника в процесс, но и его широкие права и их гарантии.

В. Сиренко. Юрий Исаакович, мне очень симпатична ваша позиция. Но одно дело превозгласить эти возможности, другое — реально их обеспечить. В связи с этим у меня такой вопрос. Вы употребили слово «настырный» адвокат. А что под этим понимается? Не произойдет ли так, что в народе понятие «настырность» свяжут напрямую с заинтересованностью, которая бывает двойкой: либо очень незаурядное дело, которое может составить имя адвокату, либо это прямая материальная заинтересованность.

Ю. Стецовский. Одно из смысловых значений слова «настырный» — это смелый. Вот я и имел в виду смелого, настойчивого и

высококвалифицированного адвоката. Того, кто использует все указанные в законе средства и способы защиты доверителя. Если он материально заинтересован в своей работе, то это хорошо. Ничего плохого не вижу и в том, что порученное дело не заурядное.

В. Сиренко. Но все-таки такую активность, как вы сказали «настырность», люди связывают с весьма небольшим перечнем дел и с весьма небольшим кругом лиц, которым эта реальная, действительная помощь будет оказана. В противном случае получится, как говорил совершенно правильно Александр Михайлович, что за «полтинник» к паспортисту адвокат с клиентом не пойдет. Я этот вопрос почему ставлю? Потому что мы никак не можем игнорировать существующее общественное мнение. Но тем не менее общественное мнение говорит, что возможное расширение участия адвокатов коснется, еще раз повторю, определенного перечня дел, определенного круга подзащитных.

Ю. Стецовский. В связи с «полтинником» хотелось бы отметить, что необоснованно заниженные ставки оплаты юридической помощи не содействуют, а препятствуют ее оказанию. Важно и то, что не только гражданин несет ответственность перед государством, но и государство несет ответственность перед гражданами. Именно оно является главным гарантом правовой защиты граждан. Отсюда право малообеспеченного гражданина на юридическую помощь, оплаченную государством. Это положение отражено в статье 11 Закона об адвокатуре в СССР, и необходимо, чтобы оно было детализировано в законодательстве.

А. Ларин. Не надо, я думаю, в данном случае оперировать данными об общественном мнении в постановке такого вопроса. Не надо еще и распространенные предрассудки смешивать с общественным мнением. Дело в том, что проблема оплаты труда адвокатов действительно своеобразна. Никто другой из участников процесса не получает плату в зависимости от количества и качества работы. В суде, в прокуратуре принцип такой: солдат спит, а служба идет. Для судей и прокуроров существуют другие виды социального стимулирования и, лучше сказать, должны существовать, так как, по-моему, они недостаточны. Но адвокат не может быть на окладе. Он сам и его клиент должны знать, что качество его работы зависит от «настырности», то есть настойчивости, принципиальности.

М. Гофштейн. Знаете, что значит общественное мнение для адвоката? Люди идут к тому, кто по любому делу показывает себя как защитник, кто не пройдет мимо нарушения закона.

В. Сиренко. Я в общем согласен с тем, что вы говорите. В особенности с тем, что Юрий Исаакович поставил зависимость авторитета адвокатуры от уровня развития демократизма нашего общества, от уровня политической, правовой культуры. Это, безусловно, взаимосвязанные явления. Но адвокатуре нельзя выжидать, когда наступят идеальные условия. И в целом весь адвокатский корпус должен идти вперед, в правозащитной — неплохое слово — деятельности, в правозаступной деятельности. И тут я хотел бы провести такую параллель. Как отмечалось на XIX партконференции, по уровню реального состояния демократизма наша печать, средства массовой информации ушли вперед от того фактического состояния демократизма, в котором пребывает общество. И вот по аналогии, думается, адвокатам нужно выходить вперед. Тем более что благодаря благородной правозаступной деятельности они найдут широчайшую поддержку общественного мнения.

Э. Мурадян. Проблемы и перспективы развития адвокатуры можно понять только в контексте идеи Советского социалистического правового государства. Работа по его формированию, как известно, уже началась. Такое государство должно обладать контрольной властью достаточно мощной, чтобы решительно противостоять проявлениям беззакония. Развитая система контроля за законностью — аксиома социалистического правового государства. Центром советской правовой системы является суд, и определяющее значение в проверке законности актов административного органа имеет судебный контроль.

Существуют и другие виды правового контроля. Среди них — контроль, осуществляемый адвокатурой, или адвокатский контроль. Надо сказать, такая постановка вопроса непривычна, и неизбежны возражения. В самом деле, у адвоката нет права предписывать, запрещать, принуждать, давать указания. Ничего подобного адвокат не может и не должен. Его функции иные. Своеобразие адвокатского контроля — в отсутствии у субъекта властных полномочий, но адвокат влияет на тех, кто обладает властью, причастен к принятию решений.

Теперь о самостоятельности адвоката. Самостоятельность — предпосылка контрольной деятельности. Как субъект контроля адвокат независим и подчиняется только закону. Теоретически это так, но его процессуальное положение остается неравным сравнительно с положением судьи или прокурора, участвующего в деле. При выполнении профессиональных обязанностей адвокат должен иметь такие же гарантии независимости, как судья и прокурор. Действующий закон признает свидетельский иммунитет адвоката.

Было бы полезно записать в Конституции, а затем в законодательстве правило: адвокат пользуется иммунитетом, его нельзя привлечь к уголовной или административной ответственности, взять под стражу или задержать без согласия коллегии адвокатов, в которой он состоит. Интересы законности требуют этого. У адвоката должны быть такие же гарантии независимости, как у прокурора или судьи.

Наиболее зримо потенциал адвокатского контроля раскрывается в условиях судебного процесса. Сила адвокатского контроля не в противопоставлении судебному контролю (как некий контрконтроль). Главным образом он должен проявляться через творческое взаимодействие, синхронизацию усилий в интересах законности и защиты прав тех, кому они принадлежат. Чтобы этого достичь, нужно преодолеть сложившиеся отношения судей к адвокатам, которые складываются по принципу ограниченного доверия. Здесь много причин, среди которых и уровень профессиональной честности и компетентности. Казалось бы, ясней ясного: отношения адвоката с судом должны строиться на взаимном доверии и уважении. Обнаружив в ходе производства по делу собственное упущение, адвокат обязан незамедлительно проинформировать об этом суд и внести поправки и исправления во избежание волокиты и процессуальных осложнений. В ответ на самокритичность и добросовестность адвокат не должен встречать санкций со стороны суда. Должен действовать запрет исков, обвинений, частных определений в адрес адвоката по поводу его высказываний и поведения в судебном процессе.

У нас явно недооценивается опыт работы адвоката. При подборе кандидатов в судьи следовало бы считаться с опытом защищать лю-

дей, отстаивать их интересы. Адвокат подвижнического типа, по моему убеждению, должен иметь приоритет при выдвижении кандидатов на должность судьи.

Почему бы адвокатов на пенсии нам не избирать частично занятыми судьями или народными заседателями? Есть немало адвокатов в отставке, которые с большой пользой для дела могли бы включиться в такую работу.

Вернемся теперь к вопросу независимости адвокатов.

Адвокат обязан согласовывать позицию с доверителем, и это не колеблет принципа адвокатской независимости. Ни доверитель, и никто иной не вправе диктовать адвокату образ действий, связывать его своими суждениями и оценками (вопреки иному взгляду, суть которого выражается бытовизмом — «нанять адвоката»). Все же было бы весьма желательно усовершенствовать систему взаимоотношений адвокат — клиент и вывести адвоката из-под некоей финансовой зависимости от поручителя. Это проблема особая, разрешение ее потребует большего времени. Но нельзя уклоняться от изучения финансовых аспектов судебной защиты. Обвинение у нас бесплатное: все расходы по нему несет государство...

А защита что же — дело того, кому она нужна? Разве защита гражданина только его личное дело?

Правовое социалистическое государство противоположно государству полицейского типа. Правозащита гражданина в правовом государстве должна быть поставлена в наиболее благоприятные условия, исключающие на будущее факты произвола, беззакония. И хотя у нас существует право на бесплатную юридическую помощь, немало случаев, когда гражданин отказывается от помощи адвоката, в сущности, по соображениям оплаты. Особенно, когда дело большое, долгое. Внести плату для его семьи — задача сложная. Было бы желательно перегруппировать ресурсы, сделать упор не на возмещении потерь реабилитированным, а на предупреждении самого факта незаконного осуждения. Общество должно создавать специальные фонды для оплаты труда адвоката, когда это не под силу гражданину, нуждающемуся в юридической помощи. Фонд юридической помощи позволил бы оплачивать труд адвоката так, чтобы это соответствовало сложности, квалификации, стимулировало и отражало заинтересованность общества. Наряду с этим можно было бы ввести институт страхования судебной помощи с привлечением для этой цели средств предприятий и организаций. Конечно, это вопросы, требующие обсуждения и изучения специалистами, общественностью, но существует потребность в том, чтобы юридическая помощь была лучше обеспечена, чтобы адвокатура получала реальную поддержку от общества. От этого будет зависеть в конечном счете благо самих граждан, защищенность их законных интересов.

Было бы своевременным признать обязательность участия адвоката при рассмотрении любого юридического дела о конституционном праве гражданина (разумеется, за исключением случая, когда сам гражданин отказывается от помощи адвоката). Помощь в защите конституционных прав на труд, на охрану здоровья, чести и достоинства и некоторых других должна быть для гражданина бесплатной, но для адвоката это его основное профессиональное занятие, работа, которая должна оплачиваться.

Кстати, следовало бы отказаться от существующей процедуры проверки законности увольнения. Она не эффективна. Нужна более

(Продолжение см. стр. 76).

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

Как провести митинг, собрание? Порядок их организации и проведения регламентирует Указ Президиума Верховного Совета СССР.

За азартные игры — отвечать по всей строгости.

Гибкий режим рабочего времени. Он очень удобен. Но не пострадает ли производство? Об этом руководителей консультирует юрист.

Рабочий появился на работе в нетрезвом виде. Это влечет за собой последствия. Каковы они, вам разъясняет юрист А. Маркин.

С СОБЛЮДЕНИЕМ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА...

Статья 50 Конституции СССР провозглашает, что в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей и т. д.

С ростом общественной активности трудящихся они все чаще стали собираться на митинги, проводить демонстрации и другие массовые мероприятия в защиту мира, окружающей среды и другие. Однако отсутствие четкой правовой регламентации проведения митингов, уличных шествий, демонстраций и других массовых мероприятий было одной из причин того, что при пресечении противоправных действий экстремистски настроенных элементов в 1986—1988 годах погибли 6 и получили ранения более тысячи сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих.

28 июля 1988 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР.

Для того чтобы провести массовое мероприятие, необходимо сделать заявление в исполнительный комитет соответствующего местного Совета народных депутатов. Обратиться туда с этим заявлением может любой гражданин, достигший восемнадцатилетнего возраста, уполномоченный трудового коллектива предприятия, учреждения, организации либо органов кооперативных и иных общественных организаций, органов общественной самодеятельности или даже отдельных групп граждан. Причем важно отметить, что заявление подается не позднее чем за десять дней до той даты, на которую намечено это мероприятие.

Указ устанавливает форму, по которой должно быть составлено заявление. В начале указывается цель проведения мероприятия. Это может быть, например, обсуждение итогов сессий городского Совета народных депутатов, или выступление в защиту памятников старины, или митинг против ядерной войны и т. д. Затем должна быть указана форма проведения: собрание, митинг или уличное шествие и т. п.

Далее указывается предполагаемое место проведения митинга или собрания. Например, жители Гагаринского района Москвы, решив провести митинг по защите окружающей среды, просят исполком своего районного Совета предоставить им площадку напротив гостиницы «Комета». А в случае если намечается уличное шествие или

демонстрация, надо указать маршруты движения по определенным улицам, переулкам, площадям.

Помимо всего этого, обязательно следует указать время начала и окончания мероприятия и предполагаемое число его участников.

Во избежание стихийности подобного мероприятия и безответственности его участников при их проведении необходимо назначать тех, кто отвечает за порядок. Понятно, что назначают те, кто решил провести митинг или демонстрацию,— трудовые коллективы, органы общественной самодеятельности, отдельные группы граждан. Вот почему в заявлении должны быть также обозначены фамилии, имена, отчества уполномоченных (организаторов), места их жительства и работы (учебы). И, наконец, надо не забыть проставить дату подачи заявления.

Исполком Совета народных депутатов рассматривает заявление и сообщает уполномоченным (организаторам) о принятом решении не позднее чем за пять дней до времени, указанного в заявлении. Однако исполком вправе не согласиться с обратившимися к нему и предложить им другое время и место. Так, например, произошло, когда одна из групп граждан попросила исполком Дзержинского районного Совета народных депутатов Москвы разрешить провести митинг у входа на Выставку достижений народного хозяйства СССР. Исполком счел, что такое мероприятие будет серьезно мешать посетителям ВДНХ, и, в свою очередь, предложил использовать площадку возле Олимпийского спортивного комплекса. Взвесив все доводы, граждане согласились с правильным решением исполкома, митинг прошел без эксцессов.

Но может быть и так, что решение исполкома не устроит тех, кто решил собраться для обсуждения каких-то проблем или пройти с демонстрацией по улицам. В таком случае решение может быть обжаловано в вышестоящий исполнительный и распорядительный орган в порядке, установленном законодательством.

Приняв решение о разрешении массового мероприятия, исполком должен обеспечить необходимые условия для проведения собрания, митинга, уличного шествия или демонстрации. К примеру, если речь идет об уличном шествии или демонстрации, безопасность их участников должны обеспечить службы Госавтоинспекции согласно Правилам дорожного движения.

Каковы же важнейшие требования к проведению массовых мероприятий? Их немного — и в этом их демократичность. Первое заключается в том, чтобы собрания, митинги, уличные шествия и демонстрации проводились в соответствии с целями, указанными в заявлении, а также в определенные сроки и в обусловленном месте. При их проведении уполномоченные (организаторы), а также иные участники обязаны соблюдать законы, общественный порядок. Участникам запрещается иметь при себе оружие, а также специально подготовленные или приспособленные предметы, которые могут быть использованы против жизни и здоровья людей, для причинения материального ущерба государственным, общественным организациям и гражданам.

Если эти массовые мероприятия проводятся с соблюдением установленного порядка, никто не вправе им препятствовать: ни государственные и общественные организации, ни должностные лица, ни отдельные граждане.

Вместе с тем исполком Совета народных депутатов запрещает собрание, митинг, уличное шествие или демонстрацию, если цель их

проведения противоречит Конституции СССР, конституциям союзных и автономных республик либо угрожает общественному порядку и безопасности граждан.

Указ устанавливает, что массовые мероприятия, о которых мы рассказываем, должны быть прекращены по требованию представителей органов власти. Какие могут быть основания для этого? Мероприятия должны быть прекращены, если не было подано заявление, состоялось решение о запрещении, а также при нарушении порядка их проведения, регламентированного Указом, при возникновении опасности для жизни и здоровья граждан, нарушении общественного порядка. При этом лица, нарушившие установленный порядок организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, несут ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик. В установленном законом порядке подлежит возмещению материальный ущерб, причиненный во время проведения массовых мероприятий их участниками государству, кооперативным, иным общественным организациям или гражданам.

Президиумам Верховных Советов союзных и автономных республик, исполкомам краевых, областных, окружных, районных и городских Советов народных депутатов предоставлено право дополнительно регламентировать порядок проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций с учетом местных условий на основе конституций союзных и автономных республик и в соответствии с требованиями настоящего Указа.

Но у многих может возникнуть закономерный вопрос: так что же, если надо провести на заводе или в учреждении митинг или собрание, то необходимо придерживаться всех правил, о чем было рассказано выше? Нет, не надо. Указ особо предусматривает, что порядок организации и проведения собраний и митингов, им установленный, не распространяется на собрания и митинги трудовых коллективов и общественных организаций, проводимые в соответствии с законодательством, их уставами и положениями.

Л. БОРОДИН

В ПРОИГРЫШЕ... ИГРОКИ

На улицах многих городов, у рынков, вокзалов, в других оживленных местах можно увидеть бойких молодых людей, предлагающих прохожим развлечься, а заодно и испытать свое счастье. Наиболее распространенные развлечения — игра в «наперсток» или рулетку. Высокие ставки возбуждают азарт. Некоторым действительно улыбается счастье, но в основном в выигрыше остаются сами «организаторы». И немудрено, у них — «опыт».

Как относиться к подобным явлениям? До недавнего времени этот вопрос вызывал споры. Некоторые даже полагали, что деятельность «предприимчивых» молодых людей не выходит за рамки Закона об индивидуальной трудовой деятельности. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 августа 1988 года «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РСФСР» расставил все точки над «и».

Указом установлено, что участие в азартных играх (в карты, рулетку, «наперсток» и другие) на деньги, вещи и иные ценности, а равно принятие ставок частными лицами на спортивных и иных состязаниях является административным правонарушением и влечет ответственность в виде предупреждения или штрафа в размере до пятидесяти рублей с конфискацией игровых принадлежностей, а также денег, вещей и иных ценностей, являющихся ставкой в игре, или без таковой.

Совершение указанных действий лицом, которое в течение года уже подвергалось административному взысканию за одно из перечисленных правонарушений, влечет наложение штрафа в размере от пятидесяти до трехсот рублей с конфискацией игровых принадлежностей, а также денег, вещей и иных ценностей, являющихся ставкой в игре, или без таковой.

Более строгая ответственность установлена за организацию азартных игр. Она наказывается штрафом в размере от ста до пятисот рублей с конфискацией игровых принадлежностей, а также денег, вещей и иных ценностей, являющихся ставкой в игре.

Указом также установлено, что организация азартных игр лицом, к которому в течение года применялись меры административного взыскания за такое же нарушение, является уголовным преступлением и наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом до одной тысячи рублей с конфискацией имущества или без таковой.

За организацию азартных игр лицом, ранее судимым за это преступление, установлено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества.

Н. ВАРЛАМОВА

ПРИКАЗ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ

Приказ по личному составу является одним из важнейших видов организационно-распорядительной документации. Такими приказами оформляются управленческие решения по наиболее серьезным ситуациям, имеющим общий (касающийся интересов всего коллектива) или частный (касающийся отдельных членов коллектива) характер, а также в том случае, если другие формы распорядительства оказываются недейственными.

С точки зрения науки управления приказ — это правовой акт, издаваемый руководителем или органом управления, действующим на основе единоначалия в целях разрешения задач, стоящих перед данным органом.

Процедура составления и оформления приказа обычно определяется инструкциями по делопроизводству предприятия, учреждения или организации. В приказе предусматривается обязательное соблюдение ряда требований и правил, которые обеспечивают юридическую полноценность документа. Приказы по личному составу готовятся и ведутся отдельно, а также имеют собственную нумерацию.

В приказах, которые касаются нескольких лиц, разных вопросов, как правило, должна соблюдаться определенная последовательность расположения отдельных вопросов. Текст разбивается на пункты и подпункты. Если имеются приложения, то они также могут быть разбиты на пункты и подпункты. В начале излагаются назначения на должности, затем переводы и увольнения, далее направления в командировку, предоставление отпусков, поощрения и т. д.

Пункты и подпункты должны иметь порядковую нумерацию и обозначаться арабскими цифрами в порядке возрастания номеров в пределах каждого из них с точкой в конце номера, например: 2.1., 2.2., 2.3., и т. д. Абзацы внутри пунктов и подпунктов не нумеруются.

Каждый пункт, который включает распорядительные указания, должен начинаться с наименования предпринимаемого действия глаголом в неопределенной форме, например, «назначить», «перевести» и т. д. Затем называется фамилия, имя и отчество лица, на которое оно распространяется, а далее — должность и структурное подразделение. При этом в каждом пункте (подпункте) излагается только одно действие определенного характера с конкретным сроком исполнения.

Если в одном пункте (подпункте) перечисляется несколько фамилий, они следуют в алфавитном порядке. При указании срока исполнения пишется число, месяц, год.

Проект приказа готовится определенным структурным подразделением или отдельным работником по заданию руководителя. На предприятиях, где имеется юридическая служба, обязательна ее виза. Юрисконсульт при просмотре приказов имеет право вносить в них редакционные поправки и изменения. При несогласии с проектом он дает свои замечания. Также обязательны согласования с отделом кадров и со всеми заинтересованными структурными подразделениями и отдельными должностными лицами (в соответствии с их компетенцией), имеющими отношение к вопросам, содержащимся в проекте приказа. Визы необходимо проставлять с оборотной стороны первого экземпляра приказа.

Практика показывает, что описанная выше традиционная система составления приказов по личному составу имеет много недостатков. В частности, она громоздка, пытается одним приказом охватить много вопросов. Вместе с тем зачастую на предприятиях (особенно небольших) эти документы оформляются на каждом по-своему, к ним предъявляются неодинаковые требования. К тому же работники затрачивают на составление, оформление, согласование и обработку документов по кадрам значительное количество рабочего времени. Между тем с середины 70-х годов в рамках Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД) должны всюду действовать унифицированные системы документации, внедрение которых облегчает труд и дает большую экономию трудовых ресурсов и времени.

В системе, разработанной для предприятий и организаций, к таким документам относятся типовые межведомственные формы № Т-1 («Приказ (распоряжение) о приеме на работу»), № Т-5 («Приказ о переводе на другую работу»), № Т-8 («Приказ о прекращении трудового договора»), № Т-6 («Записка о предоставлении отпуска»), № Т-2 («Личная карточка») и ряд других. Перечисленные выше формы можно скопировать и использовать в работе, что значительно ее упростит и ускорит.

Оформление приема на работу. Заключенный в устной или письменной форме трудовой договор оформляется приказом (распоряжением) администрации предприятия, учреждения, организации по форме № Т-1. Этот приказ заполняется работником кадровой службы на всех принимаемых (кроме тех, которые назначаются или утверждаются вышестоящим органом). Он же служит направлением на переговоры для ознакомления на месте с условиями труда. Начальник цеха, отдела, участка, мастер дает заключение о возможности приема на работу, указывая, в качестве кого он может быть принят, по какому разряду или с каким окладом, требуется ли установление испытания и на какой срок.

После соблюдения всей этой процедуры (а в установленных случаях — после прохождения работником медицинского осмотра) приказ (распоряжение) подписывается руководителем предприятия или его заместителем, наделенным правом приема на работу.

Приказ (распоряжение) о приеме на работу должен быть издан и объявлен работнику под расписку до начала работы. Цель расписки — проверка работником правильности оформления условий заключенного трудового договора. Она свидетельствует о согласии со всеми положениями приказа.

Оформление перевода на другую работу. Перевод на другую работу оформляется приказом (распоряжением) администрации предприятия по форме № Т-5. Согласие работника на такой перевод (если без него перевод не допускается) подтверждается его подписью на

приказе. При этом администрация должна ознакомить трудящегося с новой работой, проинструктировать по технике безопасности и другим аналогичным правилам. В установленных в законодательстве случаях работник обязан пройти медицинский осмотр.

Оформление прекращения трудового договора. Независимо от основания прекращения трудового договора оформляется приказом (распоряжением) по форме № Т-8, который заполняется работником кадровой службы на всех увольняемых (за исключением тех, кто увольняется вышестоящим органом). Причина и основание увольнения должны указываться в приказе в точном соответствии с формулировками действующего законодательства со ссылкой на соответствующую статью, пункт закона. В нем также фиксируются сведения о задолженности работника по материальным ценностям.

Если увольнение произведено по инициативе администрации, то требуется записать номер и дату постановления профкома о даче согласия на такое увольнение.

При увольнении по собственному желанию работники сами пишут заявление на лицевой стороне формы. Трудовой договор прекращается в день, названный в приказе.

Оформление предоставления отпуска. Предоставление отпуска оформляется запиской по форме № Т-6. Они применяются при предоставлении не только ежегодного, но и всех иных отпусков. Записка заполняется, подписывается начальником цеха (отдела, участка, мастером) и руководителем, наделенным правом решать вопрос об уходе работника в отпуск.

На основании этой записки кадровая служба делает отметку в личной карточке работника, а бухгалтерия производит расчет заработной платы, полагающейся за отпуск.

При предоставлении отпуска без сохранения заработной платы (за свой счет) в записке отмечается «без оплаты».

Заполнение личной карточки. На работников всех категорий заполняется и ведется в одном экземпляре личная карточка по форме № Т-2. Она заполняется работником кадровой службы на основании соответствующих документов (паспорта, военного билета, диплома и др.), а также со слов трудящегося. В этой карточке должны фиксироваться все последующие изменения данных о работнике.

В. КОПЫЛЕВ,
кандидат юридических наук

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

Почти в самом конце рабочего дня позвонил мне директор:

— Вот какое дело, Степан Степанович. Женщины нашего предприятия обратились ко мне с просьбой ввести у нас на производстве гибкий режим рабочего времени. Я понимаю, что для работающих, и в особенности для женщин, такой график, конечно, очень удобен. Но меня волнует: не пострадает ли производство, если мы перейдем на подобный режим работы? Так что перед тем, как мы с профкомом соберемся по поводу этого вопроса, мне бы хотелось для себя более четко уяснить суть гибкого режима рабочего времени, на каких предприятиях разрешено вводить подобный режим, а на каких его применение не рекомендуется, как в данном случае должен осуществляться учет рабочего времени и выполнения производственного задания. Поэтому, пожалуйста, Степан Степанович, посмотрите все нормативные акты, которыми регулируются эти вопросы. И завтра утром я вас жду.

На следующий день я рассказывал Демократову:

— 30 мая 1985 года Госкомтруд СССР и ВЦСПС утвердили «Рекомендации по применению режимов гибкого рабочего времени на предприятиях, в учреждениях и организациях отраслей народного хозяйства». Рекомендации допускают введение такого режима на любом предприятии или в организации независимо от ведомственной подчиненности. Более того, его можно ввести как для всего коллектива, так и для коллективов подразделений. Гибкий режим вполне допустимо использовать и индивидуально для поощрения высококвалифицированных работников. Следовательно, гибкий график разрешено вводить повсеместно.

— Да, но ведь, однако, есть же, наверное, и такие производства и виды работ, где их применение объективно невозможно? — засомневался Василий Иванович.

— Конечно, принимая решение о гибком графике, следует исходить не только из удобства работников, но и производственной целесообразности. Режим гибкого рабочего времени (ГРВ) не рекомендуется применять, например, в непрерывных производствах, в условиях трех- и двухсменной работы при отсутствии свободных рабочих мест на стыках смен. Рискованно вводить его и там, где низок уровень организации труда, слаба дисциплина.

По индивидуальным или коллективным просьбам трудящихся режимы ГРВ могут вводиться приказом руководства. Решение принимается совместно с профсоюзным комитетом и с согласия каждого заинтересованного работника.

Поясню суть режима ГРВ. Во многом это сходно с так называемым суммированным учетом рабочего времени, то есть главное условие состоит в том, чтобы человек четко отработал месячную норму рабочего времени. Но если при суммированном учете продолжительность, а также чередование удлиненных и укороченных смен определяется распоряжениями администрации, то при ГРВ они в

большей мере зависят от желания самого работника. Основными же элементами этого режима, согласно Рекомендациям, являются «фиксированное время», то есть часть дня, когда все работники должны находиться на своих рабочих местах, и «гибкое время» в начале и в конце смены, в пределах которого каждый работник вправе начинать и заканчивать работу по своему усмотрению. Например: общая продолжительность рабочей смены — 8 часов. Время начала работы — с 8.00 до 10.00. Начало фиксированного рабочего времени — 9.00. Окончание фиксированной части — 15.00. Окончание же смены с 17.00 до 19.00. В пределах «гибкого времени» каждый работник может варьировать свой трудовой день. Он может также удлинять свою смену в пределах до 10 часов, с тем чтобы меньше работать в другие дни.

— Вот и будут рабочие таким образом зарабатывать отгулы.

— Нет, наработать отгулы они не смогут, так как их ежедневное присутствие на работе в фиксированное время обязательно. К тому же работник должен выполнять установленную норму рабочего времени в целом за учетный период. Учетный период устанавливается при введении режима ГРВ и может быть дневным, недельным, месячным и другим. Обязательным условием применения режима ГРВ является надлежащий и неукоснительно соблюдаемый табельный учет рабочего времени.

При нарушении принятого режима наряду с применением обычных дисциплинарных мер виновные могут быть немедленно переведены на обычный режим работы.

— А что же относится к таким нарушениям?

— Это прежде всего невыполнение производственных заданий и установленных норм выработки, повышенный процент брака. Нарушением принятого режима считаются опоздания на работу в пределах фиксированного времени, прогулы. За неполное использование рабочего времени, недоработку рабочих часов за учетный период без уважительных причин также могут перевести на обычный режим работы.

Вот, Василий Иванович, если кратко, то все по данному вопросу.

— Спасибо, Степан Степанович. Работников конструкторского бюро и заводоуправления мы, наверное, безболезненно сможем перевести на этот гибкий график. А вот о возможности и целесообразности перевода на этот режим других подразделений нужно будет хорошенько подумать. Поэтому эти Рекомендации вы мне пока оставьте. А вам заодно еще один вопрос. В третьем цехе один рабочий, студент-заочник, сдал всю экзаменационную сессию, не прерывая работы: сдавал экзамены в выходные дни, по вечерам после работы, а потом обратился к администрации с требованием предоставить дополнительный отпуск для сдачи экзаменов. Причем он не от кого не скрывает, что намерен использовать этот отпуск для отдыха. Помоему, начальник цеха имеет право не подписывать это заявление на дополнительный отпуск.

— Совершенно верно, такие требования не должны удовлетворяться. Все дополнительные отпуска имеют строго целевое назначение, поэтому их перенос, суммирование, использование для отдыха недопустимы. Более того, администрация должна предупредить работника о том, что если он досрочно сдаст сессию, то должен приступить к работе, иначе будет считаться нарушителем трудовой дисциплины.

ВОИНСКАЯ СЛУЖБА

Защита социалистического Отечества, мирного труда советского народа — важнейшая задача Советского государства. Обязанности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по обеспечению безопасности страны и ее обороноспособности определяются Конституцией СССР и советским законодательством.

О воинском долге, о сознательном отношении к этой важнейшей обязанности перед Родиной пойдет речь сегодня.

ВСЕОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ установлена Конституцией СССР и Законом «О всеобщей воинской обязанности». Согласно этому закону все мужчины — граждане СССР обязаны проходить действительную военную службу в рядах Вооруженных Сил СССР. Воинская служба состоит из действительной службы и службы в запасе Вооруженных Сил СССР.

Женщины в возрасте от 19 до 40 лет, имеющие медицинскую или другую специальную подготовку, могут быть взяты в мирное время на воинский учет, привлечены на учебные сборы. В добровольном порядке они могут быть приняты на действительную военную службу.

На действительную военную службу призываются юноши, которым к дню призыва исполнилось 18 лет. Те из них, кто изъявил желание учиться в военных училищах, могут быть приняты в них с 17 лет.

Отсрочка от призыва предоставляется призывной комиссией по семейным обстоятельствам, например, при наличии двух или более детей или жены-инвалида первой или второй группы, нетрудоспособных отца или матери, которых гражданин обязан содержать; для завершения среднего образования; студентам некоторых (не всех) очных учебных заведений. Студенты, отчисленные за недисциплинированность и неуспеваемость, теряют право на повторную отсрочку.

Граждане призываются на действительную военную службу до достижения ими 27-летнего возраста. После этого (в мирное время) они призыву не подлежат и зачисляются в запас.

Законом установлены следующие сроки действительной военной службы:

для солдат и сержантов Советской Армии (а также для береговых частей и авиации Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск) — 2 года; для солдат и сержантов, имеющих высшее образование, — 1 год 6 месяцев;

для матросов и старшин кораблей, судов и береговых частей боевого обеспечения Военно-Морского Флота (а также морских частей пограничных войск) — 3 года; для матросов и старшин, имеющих высшее образование, — 2 года.

Для офицерского состава закон устанавливает предельный возраст, по достижении которого граждане подлежат увольнению с действительной военной службы в запас.

ОБЯЗАННОСТИ ПРИЗЫВНИКА. Юноши, которым исполняется 17 лет, проходят медицинскую комиссию и приписываются к районным (городским) призывным участкам. Они получают приписное свидетельство и именуются призывниками.

Призыв на действительную воинскую службу производится по приказу министра обороны СССР два раза в год (как правило, в мае — июне и ноябре — декабре). Точные сроки явки на призывной участок указываются в повестках, которые призывники получают на руки.

Получив такую повестку, призывник обязан явиться точно в срок на свой призывной участок. Руководители предприятий, организаций, колхозов, учебных заведений обязаны для этого освободить призывников от работы или учебы, отозвать их из командировки.

С юношами допризывного и призывного возраста проводится начальная военная подготовка. Для этого в средних

школах, средних специальных учебных заведениях, профтехучилищах организуются занятия по начальной военной подготовке. Юноши могут приобрести военную специальность (шофера, радиста и т. п.) в организациях ДОСААФ или на специальных курсах. Обучение военной специальности может вестись и с отрывом от производства, на сборах. В этом случае за призывником сохраняется место работы, занимаемая должность и за время сборов выплачивается 50 процентов среднего заработка.

ЛЬГОТЫ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИХ СЕМЕЙ. Советское государство заботится о гражданах, призываемых на действительную военную службу. Для них и для членов их семей установлен ряд льгот. Если гражданин призван в армию из учебного заведения, за ним сохраняется право на зачисление в это учебное заведение после увольнения в запас. Жилищное законодательство сохраняет за ними жилплощадь или очередь на ее получение. Время службы в Советской Армии засчитывается в трудовой стаж. Если у военнослужащего срочной службы есть ребенок, на него выплачивается пособие. В ясли и детские сады дети военнослужащих определяются в первую очередь и независимо от ведомственной принадлежности детского учреждения.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ВОЕННООБЯЗАННЫХ. Военнослужащие и военнообязанные пользуются всей полнотой прав граждан СССР, предусмотренных нашей Конституцией. Одновременно законодательство возлагает на них обязанности и устанавливает строгую ответственность за их неисполнение.

За нарушение правил воинского учета, неявку по вызову в военкомат без уважительной причины, утрату военного билета или приписного свидетельства виновный подвергается предупреждению либо штрафу

в размере до 10 рублей, за аналогичные правонарушения, совершенные повторно в течение года, — штрафу в размере от 10 до 50 рублей.

Уклонение от очередного призыва на действительную военную службу наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет. А если эти действия связаны с причинением себе телесного повреждения или симуляцией болезни, подлогом документов или иным обманом либо совершены при других отягчающих обстоятельствах, наказание может быть от одного года до пяти лет лишения свободы (ст. 80 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Уголовная ответственность предусмотрена и за другие нарушения порядка несения воинской службы: неисполнение приказа, самовольную отлучку, дезертирство, разглашение военной тайны, Тягчайшим преступлением перед народом является измена Родине (т. е. переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж).

За нарушение воинской дисциплины и общественного порядка на военнослужащих также могут налагаться взыскания, предусмотренные Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил СССР.

Воинская служба многогранна. Это и напряженные учения, и строевая подготовка, и поллитзанятия, и обслуживание боевой техники. Успешно справиться с ней вам поможет не только крепкое здоровье, спортивная подготовка, но и знание правовых норм, определяющих права и обязанности военнослужащих. Для тех, кто хочет познакомиться с ними подробнее, рекомендуем книгу военного юриста И. Вашкевича «В переводе с юридического. Беседы о правовых основах воинской службы» (М., Воениздат, 1983).

В. ИСАКОВ,
доктор юридических наук, профессор

МАМА НА РАБОТЕ

У Виты заканчивался отпуск по уходу за дочерью. Через месяц нужно было выходить на работу. И в общем-то Вита радовалась этому, так как, честно признаться, надоело ей сидеть дома и заниматься домашними делами. Но вот как быть с Леночкой? Отдать ее в ясли или найти для нее хорошую няню? А может быть, уговорить бабушку (маму Виты), чтобы ушла на пенсию и сидела с внучкой.

На семейном совете Гражданкины решили: лучше всего отдать дочку в ясли, так как няню найти трудно, а бабушка еще не старая, энергичная женщина, увлеченная своей работой.

Проблем с устройством в ясли не было: мама Виты работает в детском саду воспитателем. В ясельную группу этого детсада и стала ходить Леночка. И вот тут-то начались проблемы. Пока Вита с дочкой сидела дома, малышка ни разу не болела. Поэтому, когда, отходяв неделю в ясли, Лена заболела ангиной, Вита очень испугалась. Она испугалась еще больше, когда участковый врач стала предлагать ей больничный лист.

— Анна Васильевна, неужели Леночка так серьезно больна?

— У нее обыкновенная ангина, болезнь в общем-то не опасная. Если серьезно отнестись к лечению, то и осложнений никаких не будет. Так что причин паниковать совсем нет.

— Тогда почему же вы продлеваете больничный, ведь неделю мы уже отболели и вроде бы должны теперь сидеть по справке?

— Милочка, вы отстали от жизни. Уже с 1 ноября 1987 года больничный листок и пособие по уходу за больным ребенком, не достигшим 14 лет, выдается на период, в течение которого ребенок нуждается в уходе, но не более чем на 14 календарных дней. Оплата первых 7 календарных дней, а одиноким матерям, вдовам (вдовцам), разведенным женщинам (мужчинам) и женам военнослужащих срочной службы — первых 10 календарных дней производится в соответствии с действующим законодательством (членам профсоюза при непрерывном стаже работы 8 и более лет — 100 процентов заработка, при стаже работы от 5 до 8 лет — 80 процентов, от 3 до 5 лет — 60 процентов и до 3 лет — 50 процентов заработка). Выплаты же этого пособия за период соответственно с 8-го по 14-й календарный день и с 11-го по 14-й производятся в размере 50 процентов заработка (независимо от непрерывного трудового стажа и членства в профсоюзе)

Так как у Виты стаж работы был небольшой, меньше трех лет, то все 14 дней по больничному листу оплачивали ей в размере 50 процентов заработка.

А сидеть дома с больной дочкой Вите приходилось довольно часто. Так как Леночка после того, как стала ходить в ясли, часто простывала. И решили Гражданкины забрать Леночку из яслей.

Однако уволиться с работы Вита не могла, во-первых, потому, что еще не прошло три года, в течение которых она как молодой специалист должна работать на предприятии, а во-вторых, нельзя было подрывать семейный бюджет. Витина мама сказала, что она сможет два дня в неделю возиться с внучкой. Семен посоветовал Вите сходить в профком.

— Ведь есть же для работающих, имеющих детей женщин какие-то льготы.

Вот что узнала Вита в профкоме.

Чтобы создать женщинам благоприятные условия для сочетания функций материнства с профессиональной деятельностью и участием в общественной жизни, трудовым законодательством предусмотрено введение для них максимально благоприятных режимов труда и отдыха.

Так, 6 июня 1984 года Госкомтруд СССР и Секретариат ВЦСПС утвердили Положение о порядке и условиях применения скользящего (гибкого) графика работы для женщин, имеющих детей*.

Подобный режим работы позволяет женщине, имеющей детей, принимать личное участие в определении сроков работы сообразно со своими повседневными социально-бытовыми и иными личными потребностями и с учетом интересов производства.

В профкоме Вите рассказали и о такой льготе.

В соответствии с Положением об условиях труда надомников (утверждено постановлением Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам и Секретариата ВЦСПС от 29 сентября 1981 года) женщинам, имеющим детей в возрасте до 15 лет, предоставлено преимущественное право на заключение трудового договора о работе на дому.

Однако скользящий график не устраивал Виту, потому что при подобном режиме необходимо быть на работе каждый день. Надомницей она тоже не могла стать, так как предприятие, на котором работали Гражданкины, не заключало подобных трудовых договоров.

А вот переход на неполную рабочую неделю Виту вполне устраивал.

В соответствии со статьей 49 КЗоТ РСФСР (подобные статьи есть в кодексах законов о труде других союзных республик) неполное рабочее время, то есть неполный рабочий день или неполная рабочая неделя, может устанавливаться по соглашению между работником и администрацией как при приеме на работу, так и впоследствии. По просьбе беременной женщины, женщины, имеющей ребенка в возрасте до восьми лет или осуществляющей уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, администрация обязана устанавливать ей неполный рабочий день или неполную рабочую неделю.

Разработано специальное Положение о порядке и условиях применения труда женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время, утвержденное постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 29 апреля 1980 года.

Труд женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время, может применяться во всех отраслях народного хозяйства. Условие о приеме на работу с неполным рабочим днем или неполной рабочей неделей должно быть указано в приказе о зачислении на работу. Однако в трудовую книжку запись о приеме на работу вносится без указания о работе на условиях неполного рабочего времени.

Неполное рабочее время может быть установлено по соглашению сторон как без ограничения срока, так и на любой удобный для ра-

* Подробно о скользящем (гибком) графике см. стр. 52, 53.

ботницы срок: на полгода, до достижения ребенком определенного возраста, на период учебного года и т. д.

Режимы труда и отдыха женщин, имеющих детей и работающих неполное рабочее время, устанавливаются администрацией по согласованию с профсоюзным комитетом и с учетом пожеланий женщин.

Уменьшение продолжительности рабочего времени может быть осуществлено разными путями. Например, можно сократить продолжительность ежедневной работы (смены) на определенное количество рабочих часов каждый день (допустим, работать 5 дней в неделю по 5 часов). Можно также сократить количество рабочих дней в неделю при сохранении нормальной продолжительности ежедневной работы (смены) (например, 3 дня в неделю по 8 часов). Либо сократить продолжительность ежедневной работы (смены) на определенное количество рабочих часов и одновременно сократить количество рабочих дней в неделю (4 дня в неделю по 5 часов).

Но нужно помнить, что продолжительность рабочего дня (смены) не должна быть менее 4 часов и рабочей недели — менее 20 часов (при пятидневке) или 24 часов (при шестидневке).

В приказе (распоряжении) о приеме женщин с неполным рабочим временем указываются срок работы, продолжительность рабочего времени и его распорядок в течение рабочего дня или недели и другие условия.

Оплата труда женщин, работающих неполное рабочее время, производится в зависимости от выработки или пропорционально отработанному времени.

Работа на условиях неполного рабочего времени не влечет за собой каких-либо ограничений продолжительности ежегодного отпуска, исчисления трудового стажа и других прав.

Вита написала заявление и стала работать три дня в неделю, причём один день из трех всего лишь 5 часов.

В заключение хотелось бы рассказать еще о льготах для женщин, имеющих детей. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и кодексы законов о труде союзных республик запрещают направлять в командировку беременных женщин (на любом месяце беременности), матерей, кормящих грудью, а также женщин, имеющих детей в возрасте до двух лет. Женщины, имеющие детей в возрасте от двух до восьми лет, не могут направляться в командировку без их согласия.

Согласно постановлению Секретариата ВЦСПС от 2 апреля 1954 года «О дежурствах на предприятиях и в учреждениях» беременные женщины, матери, кормящие грудью, и женщины, имеющие детей в возрасте до 12 лет, не могут быть назначены дежурными на предприятиях и в учреждениях после окончания рабочего дня, в ночное время, а также в выходные и праздничные дни.

Л. АЛЕКСАНДРОВА

ЗАДАЧА № 1

Решением суда от 10 июня 1987 года с Уткина были взысканы алименты в пользу Львовой на несовершеннолетнюю дочь в размере $\frac{1}{4}$ заработка, но не ниже 20 рублей в месяц. В декабре 1987 года Львова предъявила иск о взыскании с Уткина алиментов в твердой денежной сумме в связи с тем, что он уклоняется от их уплаты: часто менял место работы, а в последнее время занялся индивидуальной трудовой деятельностью и подрабатывает в нескольких местах, скрывая от нее размер получаемых доходов.

Будет ли удовлетворено требование Львовой?

ЗАДАЧА № 2

Администрация обратилась в профком завода с просьбой дать согласие на увольнение Леднева за систематическое нарушение трудовой дисциплины. В представлении администрация указала, что на протяжении года Леднев имел следующие взыскания: строгое предупреждение, лишение премии, перенос отпуска на зимнее время. Профком завода отказался дать согласие на увольнение.

Правильно ли поступил профком?

ИГРОТЕКА «Чиз»

КОНКУРС «ЛЕСТНИЦА ВОЗРАСТОВ»

Заполните пропущенные «ступени»:

? — Советское гражданство. Полная гражданская правоспособность.
6 лет — Права и обязанности школьника.

14 лет — Право на временную работу в свободное от учебы время. Уголовная ответственность за некоторые преступления.

16 лет — ?

18 лет — ?

? — Право быть избранным депутатом Верховного Совета.

? — Право быть избранным народным судьей.

(55)60 — Право на пенсию по старости.

П

ПОТЕРПЕВШИЙ

В кабинете следователя Петренко — двое: хозяин кабинета и немолодой уже, элегантно одетый мужчина. Последний очень расстроен: сегодня ночью у его автомобиля кто-то «снял» два колеса.

— Вот ознакомьтесь и подпишите,— обращается Петренко к заявителю.

— Что это?

— Это постановление о признании вас потерпевшим.

— Вы бы лучше колеса нашли. А эта бумажка, для чего она нужна? Какой от нее толк?

— Колеса мы будем искать. А для чего нужно постановление о признании потерпевшим, я сейчас объясню.

Потерпевшим признается гражданин, которому непосредственно преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. Моральный вред причиняется, например, при совершении таких преступлений, как клевета, оскорбление, то есть когда унижаются честь, достоинство гражданина, причиняются ему нравственные страдания. Физический вред может состоять в причинении телесных повреждений, физических страданий, в расстройстве здоровья. Имущественный вред заключается в лишении материальных благ, имущества. Иногда гражданину одним и тем же преступлением причиняется несколько видов вреда, например, при разбойном нападении.

Признание гражданина потерпевшим делает его участником уголовного процесса, которому законом предоставляются широкие права.

Следователь, суд могут по собственной инициативе признать данного человека потерпевшим, а уже от его воли зависит, воспользуется он предоставленными ему как потерпевшему правами или нет. О признании гражданина потерпевшим лицо, производящее дознание, следователь, судья выносят постановление, а суд — определение. Если потерпевшим является несовершеннолетний, недееспособный или ограниченно дееспособный, в деле должен участвовать его законный представитель из числа указанных в законе лиц (см. пункт 8 статьи 34 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). При этом участие в процессе законного представителя потерпевшего не исключает возможности одновременного участия в деле адвоката в качестве представителя потерпевшего.

Какие же права предоставляются потерпевшему?

Он вправе давать показания по делу на стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве; представлять доказательства; заявлять отводы; приносить жалобы на действия и решения лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда. Кроме того, потерпевший вправе обжаловать в кассационном порядке приговор суда, а при рассмотрении дела в кассационном порядке может присутствовать в судебном заседании и давать свои объяснения.

Если потерпевшему преступлением причинен материальный ущерб (имущественный вред), он может предъявить к обвиняемому или лицам, несущим за него материальную ответственность, гражданский

иск, который рассматривается совместно с уголовным делом.

По определенной категории уголовных дел, таких, как умышленные легкие телесные повреждения, побои, клевета без отягчающих признаков, оскорбление, закон предоставляет потерпевшему право самому решать, желает ли он в связи с причинением ему морального, физического или имущественного вреда прибегнуть к уголовно-правовым мерам защиты своих интересов. Поэтому такие дела (они называются делами частного обвинения) по общему правилу возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежат прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым.

По делам частного обвинения потерпевший вправе в судебном разбирательстве лично или через своего представителя поддержать обвинение, участвуя в судебных прениях.

Наряду с правами потерпевший как субъект уголовного процесса несет определенные обязанности. Он, в частности, должен являться по вызову лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда; давать правдивые показания. За отказ или уклонение от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний потерпевший, как и свидетель, может быть привлечен к уголовной ответственности (ст. ст. 181 и 182 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других союзных республик). Потерпевший не должен разглашать без разрешения следователя или прокурора данные предварительного следствия. Для него обязательны требования органов дознания, следователя, суда об освидетельствовании, предъявлении образцов почерка или иных образцов для сравнительного исследования, письменных документов и предметов, имеющих значение для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. Потерпевший обязан соблюдать порядок в судебном заседании, подчиняться распоряжениям суда и председательствующего и т. п.

В. БОЖЬЕВ,
кандидат юридических наук

ПОЯВЛЕНИЕ НА РАБОТЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Слесарь Дергачев, уволенный за появление на работе в нетрезвом виде, обратился в народный суд с иском о восстановлении на работе. В заявлении он указал, что хотя и пришел в цех «выпивши», но всю смену находился на рабочем месте, выполнил производственное задание, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, поэтому считает, что наказан слишком строго.

Основательны ли его доводы? Какая ответственность предусмотрена законодательством за появление на работе в нетрезвом состоянии?

Появление на работе в состоянии опьянения — серьезный дисциплинарный и административный проступок, выделенный в самостоятельное основание расторжения трудового договора по инициативе администрации (п. 7 ст. 17 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, п. 7 ст. 33 КЗоТ РСФСР). По этому

основанию могут быть уволены работники, находящиеся в рабочее время на рабочем месте в нетрезвом состоянии, а также в состоянии наркотического или токсического опьянения. Не имеет значения, произошло это в начале, середине или в конце рабочего дня, отстранялся или нет работник от выполнения своих трудовых обязанностей.

Факт появления на работе в нетрезвом виде должен быть подтвержден либо медицинским заключением, либо другими доказательствами (актом, составленным в день обнаружения проступка, свидетельскими показаниями и т. п.). Оценка предъявленных доказательств в случае спора дает суд.

Увольнение за появление на работе в нетрезвом виде либо состоянии наркотического или токсического опьянения допускается независимо от того, применялись ли к работнику в прошлом меры дисциплинарного или общественного взыскания.

Рабочим и служащим, уволенным по этому основанию, на новом месте работы в течение шести месяцев премии выплачиваются в половинном размере. Однако, если в первые три месяца работник будет добросовестно трудиться, администрация по согласованию с профсоюзным комитетом и с учетом мнения трудового коллектива может решить вопрос о полной выплате премии в дальнейшем (п. 6 постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 г. № 745).

Увольнение является крайней мерой взыскания. В соответствии со статьей 56 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (статья 135 КЗоТ РСФСР) за появление на работе в нетрезвом состоянии могут применяться и другие дисциплинарные взыскания, такие, как замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок. Причем лица, допустившие появление на работе в нетрезвом состоянии, состоянии наркотического или токсического опьянения, могут быть переведены на нижеоплачиваемую работу или смещены на низшую должность без учета их профессии и специальности. Скажем, токаря можно перевести на работу грузчиком, бухгалтера — нормировщиком, шофера — слесарем и т. п. Не допускается перевод на работу, которая противопоказана работнику по состоянию здоровья. В период перевода на другую работу в порядке дисциплинарного взыскания рабочий или служащий не может уволиться по собственному желанию. Время этой работы в срок предупреждения об увольнении не засчитывается.

Право выбора конкретной меры дисциплинарного взыскания принадлежит администрации. Взыскание должно быть наложено непосредственно за обнаружением проступка, но не позднее одного месяца со дня его обнаружения (не считая времени болезни работника или пребывания его в отпуске) и не позднее шести месяцев со дня его совершения. Если в качестве меры дисциплинарного взыскания применяется увольнение, оно должно быть согласовано с профсоюзным комитетом.

За один дисциплинарный проступок может быть наложено только одно дисциплинарное взыскание. Поэтому если за появление на работе в нетрезвом виде работник был, например, переведен на нижеоплачиваемую работу, то его увольнение за тот же проступок не допускается.

Кроме дисциплинарного взыскания к лицам, появившимся на работе в нетрезвом виде, состоянии наркотического или токсического

опьянения, администрацией по согласованию с профкомом могут быть применены такие меры правового воздействия, как лишение премий, вознаграждения по итогам работы за год, льготных путевок в дома отдыха и санатории, им может быть перенесена очередность на получение жилой площади.

Распитие спиртных напитков на производстве (на рабочем месте, в помещениях или на территории предприятия, учреждения, организации) или пребывание на работе в нетрезвом состоянии не только является нарушением трудовой дисциплины, но и отнесено к числу административных проступков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1985 года за это установлена административная ответственность в виде штрафа в размере от 30 до 50 рублей. Мастера, начальники участков, смен, цехов и другие руководители, участвовавшие в распитии спиртных напитков с подчиненными или не принявшие мер к отстранению от работы лиц, находящихся в нетрезвом состоянии, либо скрывшие случаи распития спиртных напитков или появления на работе в нетрезвом состоянии подчиненных им работников, подвергаются штрафу в размере от 50 до 100 рублей.

Штрафы налагаются комиссиями по борьбе с пьянством при исполкомах местных Советов народных депутатов и комиссиями по борьбе с пьянством, созданными на предприятиях, в учреждениях, организациях. Применение мер административного взыскания не освобождает виновное лицо от дисциплинарной ответственности.

Пребывание на работе в нетрезвом состоянии нередко является причиной несчастных случаев. Следует иметь в виду, что при временной нетрудоспособности от заболеваний или травм, наступивших вследствие опьянения или действий, связанных с опьянением, а также вследствие злоупотребления алкоголем, пособие по временной нетрудоспособности не выдается.

Если по вине работника, находящегося в нетрезвом виде, причинен материальный ущерб предприятию, например, поврежден станок, испорчены материалы, сырье, полуфабрикаты, он обязан возместить ущерб в полном объеме.

А. МАРКИН,
юрист

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Был обычный день. Семья В. Абдыкалыкова собралась в гости к родственникам. Выехав из Белогорья на собственном «Москвиче», Абдыкалыковы двигались в сторону г. Ермака. Навстречу им ехал на грузовой автомашине ЗИЛ-133, принадлежащей Ермаковскому лесхозу, водитель Шестаков. И никто из них не предполагал, что до роковой минуты осталось всего лишь полчаса.

На тридцать шестом километре трассы Павлодар — Белогорье Шестаков на скорости 60 км в час стал обгонять автомобиль «ГАЗ-53». Выехав на встречную полосу движения, Шестаков увидел «Мо-

сквич» Абдыкалыкова. Чтобы избежать столкновения с ЗИЛом, Абдыкалыков взял правее, прижимаясь к кювету. Однако Шестаков не свернул направо на свою полосу движения, а стал уводить машину влево, и на краю обочины в пяти метрах от кромки асфальтовой полосы подмял «Москвич» под передний бугер вместе с находившимися в нем людьми. Абдыкалыков и его жена погибли, пострадала и их внучка, находившаяся в машине.

На предварительном следствии и в ходе судебного заседания Шестаков утверждал, что в аварии и гибели людей он не виноват, что его заставили выехать в рейс на неисправной машине и что «Москвич» внезапно появился из-за стоявшего впереди «ГАЗ-53», который он уже обогнал.

Однако вина Шестакова в совершении данного преступления была убедительно доказана судом. Действительно, ЗИЛ-133 был частично переоборудован, однако это не было прямой причиной аварии. Причина в том, что в тормозной системе автомашины происходила утечка воздуха. Шестаков знал об этом, но не сообщил о неисправности механику. Выехав же в рейс, гнал машину по трассе со скоростью более 60 км в час. В нарушение правил дорожного движения, он не убедился в безопасности обгона попутной машины и в отсутствии встречного транспорта, а затем не принял мер к тому, чтобы остановить машину или увести ее на правую сторону.

Ермаковский районный народный суд приговорил Шестакова к 8 годам лишения свободы.

Казалось бы, расставлены все точки над «i». Думается, это не совсем так. Как уже говорилось, из-за нехватки запасных узлов и деталей автомобиль марки ЗИЛ-133 частично переоборудовали. Сделано это было за полтора года до происшествия. За это время разрешение ГАИ на переоборудование данного автомобиля и на его эксплуатацию получено не было. Тем не менее автомобиль эксплуатировался.

В ходе судебного разбирательства также было установлено, что систематического контроля за техническим состоянием транспортных средств в лесхозе не производилось. Дело это было пущено на самотек, возложено непосредственно на самих водителей. Таким образом, авария не была случайностью.

В адрес администрации судом вынесено частное определение. Казалось бы, правильная реакция на него — скорейшее устранение вскрытых недостатков. Однако до настоящего времени ответа на частное определение суд не получил.

В. ЕЛЮШКИН,
народный судья Ермаковского
районного народного суда

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ № 1

Требование Львовой должно быть удовлетворено, так как в тех случаях, когда родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок (доход) либо часть заработка (дохода) получает в натуре, а также в других случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку родителя невозможно или затруднительно, алименты по просьбе лица, требующего выплаты средств на содержание детей, могут быть определены в твердой денежной сумме, подлежащей выплате ежемесячно (статья 71 Кодекса о браке и семье РСФСР).

Размер этой суммы определяется исходя из предполагаемого заработка родителя применительно к порядку, изложенному в статье 68 КоБС РСФСР.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ № 2

Пункт 3 статьи 17 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде предусматривает, что уволить рабочего или служащего за систематическое неисполнение без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, можно только в том случае, если к нему ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания.

Указанные в условии задачи меры взыскания — лишение премий и перенос отпуска на зиму — являются мерами материального и морального воздействия. Взыскание «строгое предупреждение» юридической силы не имеет, так как не предусмотрено статьей 56 Основ. Эта статья называется «Взыскания за нарушения трудовой дисциплины» и устанавливает, что за нарушение трудовой дисциплины администрация предприятия, учреждения, организации применяет следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок, увольнение. Таким образом, к Ледневу ранее не применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания и нет системы нарушений трудовой дисциплины.

С учетом этого профком обоснованно отказался дать согласие на увольнение Леднева.

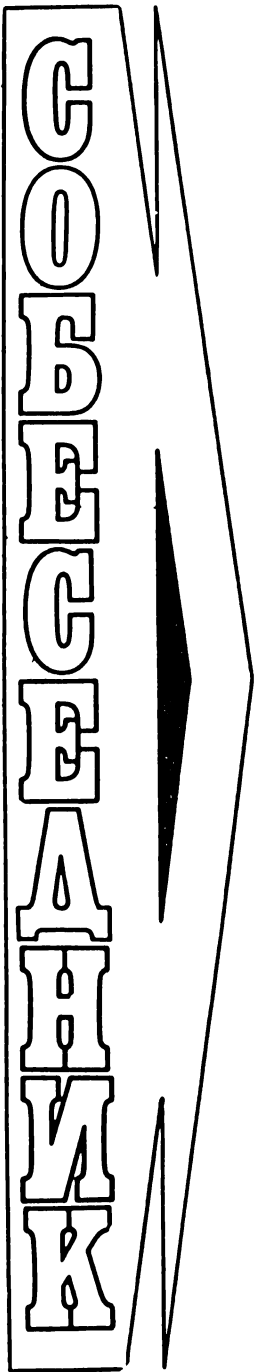
ОТВЕТ НА КОНКУРС «ЛЕСТНИЦА ВОЗРАСТОВ»

Советское гражданство и полная гражданская правоспособность возникает у человека в момент рождения.

С 16 лет наступает трудовая правоспособность. С этого же возраста человек несет уголовную ответственность за большинство преступлений.

В 18 лет появляется у гражданина избирательное право и наступает полная гражданская дееспособность.

Право быть избранным депутатом Верховного Совета возникает в 21 год. А право быть избранным народным судьей — в 25 лет.

КУПЛЮ СЕЛЬСКИЙ ДОМ С УЧАСТКОМ

Главный государственный инспектор по землеустройству и землепользованию Госагропрома СССР Е. Гайдамако комментирует предложения, замечания, размышления наших читателей относительно постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об использовании пустующих жилых домов и приусадебных участков в сельской местности»

СОЦИАЛЬНОМУ ИЖДИВЕНЧЕСТВУ

должно противопоставить созидательный труд. Таково мнение читателей, откликнувшихся на очерк «Стена», опубликованный в нашем журнале.

Читайте обзор писем Н. Лопатенко «Стоит стена в Бережанах».

В шестом номере нашего журнала за 1987 год было опубликовано шесть интервью под общим заголовком «Пришлые?..». В их основе письмо депутатов Подобасского сельского Совета народных депутатов Кемеровской области. В нем говорилось о том, что в поселке лесозаготовителей Тутуясс Кемеровской области после прекращения лесозаготовок и вынужденного выезда большинства жителей сложилась непростоя с точки зрения закона ситуация. Жители г. Новокузнецка (это в 40 км от Тутуясса) стали покупать у отъезжающих дома не для постоянного проживания, а для использования их в летнее время, «под дачи». При этом размеры приусадебных участков оказались значительно выше установленных норм, а договоры купли-продажи домов не регистрировались в сельсовете, как требуется по закону. В результате постоянные жители поселка оказались в неравном положении по сравнению с «дачниками», как они называли приезжих горожан: речь шла не только о землепользовании, о пользовании покосами, но и о вопросах социальных (магазин, единственный в поселке, фельдшерский и ветеринарный пункты, дороги, паром и т. п.).

Редакция пригласила читателей обсудить эту проблему.

Сотни писем получили мы со всех концов страны. Они свидетельствуют: эта проблема очень волнует наших читателей.

25 июля 1987 года, через месяц после выхода в свет «Пришлых», Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР принято постановление «Об использовании пустующих жилых домов и приусадебных участков, находящихся в сельской местности», которое принципиально решило вопрос о временном и сезонном землепользовании горожан в сельской местности.

Однако отклики на публикацию, письма с многочисленными вопросами по этой проблеме поступали и продолжают поступать в редакцию до сих пор. Судя по читательской почте, местные органы государственного управления и сегодня нередко препятствуют гражданам в приобретении пустующих домов в сельской местности, ставят бюрократические рогатки на пути хозяйского использования пустующих земель.

А. Игнашкин из Ленинграда пишет: «Больно смотреть на пustu-

ющие деревни, на заколоченные дома, на заросшие огороды не где-нибудь, а в самом центре России. Урон причинен не только достоянию народному, но и нравственности народной. Всякое неэкономичное хозяйствование калечит души».

Трудно не согласиться с этим. Но вот П. Киршин из Ижевска вообще не видит проблемы в этом вопросе. «Только сельсовет,— пишет он,— хозяин государственной территории со всеми ее богатствами. Его право — передать земельные участки любым лицам».

Пришли в редакцию и письма, в которых депутатская группа Подобасского сельсовета обвиняется в необъективности и чуть ли не в клевете. Например, горожане Г. Рожков и А. Дериглазов категорически оспаривают утверждение о том, что они пользуются участками сверх установленных норм, торгуют на рынке картошкой и земляникой. Что сказать по поводу таких писем? Все упомянутые в нашей публикации сведения содержатся в официальном документе, составленном органом государственного управления. И уж если наша публикация так взволновала читателей-кузнечан и горожане имеют претензии к депутатам сельсовета, то они в первую очередь должны обращаться в исполком. Только исполком может произвести в случае возникновения спора переобмер земельных участков и принять соответствующее решение. Что же касается вопроса о торговле Г. Рожковым и А. Дериглазовым картошкой и земляникой, то ничего предосудительного в этом и тем более противозаконного мы не усматриваем. Более того, обеспечение жителей города сельскохозяйственными продуктами, выращенными на приусадебных участках,— дело, безусловно, общественно полезное. Одновременно хотелось бы напомнить жителям поселка: наболевшие проблемы могут быть решены не только в исполкоме, но и на сельском сходе жителей, в компетенцию которого закон включает конкретные вопросы землепользования.

Редакция разделяет взволнованность своих читателей, их мнение о том, что упомянутое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР должно исполняться неукоснительно. Мы попросили Главного государственного инспектора по землеустройству и землепользованию Госагропрома СССР Е. И. Гайдамаку прокомментировать размышления и предложения наших читателей.

— Евгений Иванович, а не явилось ли само возникновение проблемы пустующих жилых домов и приусадебных участков в сельской местности следствием пробелов и недоработок в нашем земельном законодательстве?

— Основных причин образования пустующих жилых домов и приусадебных участков две. Первая та, что до последнего времени на социальное развитие села не обращалось должного внимания. Так, в Нечерноземной зоне РСФСР почти повсеместно отсутствовали внутрихозяйственные дороги с твердым покрытием. К отдельным населенным пунктам в весенне-осенний период вообще не было подъездов, что затрудняло не только хозяйственную деятельность, но и медицинское и бытовое обслуживание жителей, ветеринарное обслуживание хозяйств. Вторая — это ошибочное деление сельских населенных пунктов на перспективные и неперспективные. Из так называемых неперспективных населенных пунктов начали переводить в более крупные села небольшие животноводческие фермы, ремонтные мастерские, и люди потеряли постоянную работу, были вынуждены переселяться в другие места или уезжать в города, что вызвало уменьшение населения в этих поселках, деревнях, хуторах, а это, в

свою очередь, повлекло за собой ликвидацию школ, медицинских и торговых учреждений. В результате — отток сельского населения, пустующие дома, бесхозные приусадебные земли.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что в ряде районов страны в сельской местности имеется свыше 725 тысяч пустующих жилых домов, а из них в РСФСР — 490 тысяч, главным образом в Нечерноземье, а также 110 тысяч в Украинской ССР. Общая площадь невозделываемых земель при таких домах достигает 200 тысяч гектаров. Отдельные местные партийные и советские органы смирились с этим и не принимают решительных мер по использованию пустующих домов и вовлечению в оборот прилегающих к ним земельных участков.

— Расскажите, пожалуйста, о конкретных путях использования пустующих домов и приусадебных земельных участков.

— Вы, конечно же, знаете, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали ЦК компартий и Советы Министров союзных республик, крайкомы, обкомы и райкомы партии, Советы Министров автономных республик, крайисполкомы, облисполкомы и райисполкомы, руководителей хозяйств и сельские Советы народных депутатов принять меры к максимальному использованию земель при пустующих жилых домах для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. В постановлении ставится задача — снять существующие искусственные преграды и всевозможные ограничения, широко пойти на арендные формы использования свободных домов, создание садово-огородных товариществ.

Намечены и конкретные пути решения проблемы, в частности, предусмотрено, что пустующие жилые дома, находящиеся в сельской местности, в первую очередь приобретаются колхозами, совхозами, другими сельскохозяйственными предприятиями, а также организациями потребительской кооперации и сферы услуг в целях обеспечения жилой площадью колхозников, работников совхозов и других лиц, работающих на этих предприятиях и в организациях. Предусмотрено также создание приемных пунктов потребительской кооперации, бытового обслуживания, столовых, магазинов, медицинских пунктов и других объектов соцкультбыта, передача в аренду или продажа пустующих жилых домов предприятиям, учреждениям и организациям для создания подсобных сельских хозяйств с выделением им неиспользуемых или используемых с низкой эффективностью земельных участков.

— Мы уже рассказывали читателям о некоторых особенностях приобретения домов в сельской местности. Однако письма по этим вопросам продолжают поступать. Какие правовые формы использования пустующих жилых домов и земельных участков именно горожанами предусматривает постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июля 1987 года?

— Пустующие дома предоставляются по договору имущественного найма гражданам, постоянно проживающим в городах и поселках городского типа, для сезонного или временного проживания с выделением им во временное пользование земельного участка. Кроме того, разрешено продавать гражданам, постоянно проживающим в городах и поселках городского типа, пустующие жилые дома (с находящимися при них хозяйственными строениями), расположенные в сельских населенных пунктах на землях сельских Советов народных депутатов, колхозов, совхозов и других предприятий для сезонного или временного проживания при условии заключения договора с

колхозом, совхозом или другим предприятием на выращивание сельскохозяйственной продукции и продажу ее излишков с приусадебных участков или других выделяемых для этих целей земель.

Продажа таких домов для сезонного или временного проживания в Московской, Ленинградской и Киевской областях может производиться только гражданам, постоянно проживающим в Москве, Ленинграде и Киеве, а также в городах и поселках городского типа, расположенных соответственно в этих областях.

— **Что вы можете сказать о размере земельных участков, предоставляемых гражданам для сезонного или временного землепользования?**

— До 600 квадратных метров, включая площадь, занятую под строениями. Указанным постановлением признано целесообразным предоставлять в установленном порядке земельные участки для содержания строений и производства сельскохозяйственной продукции гражданам, приобретающим или арендующим пустующие дома, а также гражданам, постоянно проживающим в городах и поселках городского типа и имеющим на праве личной собственности жилые дома в сельских населенных пунктах.

Конкретные размеры земельных участков устанавливаются органами, предоставляющими их в пользование.

Если при доме имеется земельный участок большего размера, то он предоставляется собственнику или арендатору дома на основе договора с колхозом, совхозом, другим предприятием, организацией на выращивание сельскохозяйственной продукции и продажу ее излишков через эти хозяйства государству или организациям потребительской кооперации. В случае отказа от соблюдения этого условия право на приобретение или аренду дома гражданам не предоставляется.

— **Евгений Иванович, читатели интересуются чисто практическими вопросами: всем ли без исключения продаются или сдаются в аренду такие дома, предоставляются в пользование земельные участки? И еще: что нужно предпринять горожанину, чтобы приобрести пустующий дом?**

— Продажа постоянно проживающим в городах и поселках городского типа гражданам пустующих жилых домов в сельских населенных пунктах для сезонного или временного проживания должна производиться с согласия исполнительного комитета сельского Совета народных депутатов, а также правления колхоза, администрации совхоза, другого предприятия, на землях которых расположены эти дома. Их приобретение осуществляется по ходатайствам трудовых коллективов предприятий, учреждений, организаций или исполнительных комитетов городских (районных в городах) Советов народных депутатов с удовлетворением в первую очередь просьб участников Великой Отечественной войны и приравненных к ним в установленном порядке лиц, семей военнослужащих и партизан, погибших или пропавших без вести при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, ветеранов труда, многодетных семей и семей рабочих.

Покупка пустующих жилых домов в сельских населенных пунктах для сезонного и временного проживания и предоставление земельных участков не разрешаются гражданам, если они или совместно проживающие и ведущие с ними общее хозяйство члены их семей (кроме случаев, когда они намерены отделиться) имеют в пользовании приусадебные земельные участки, земельные участки, выделенные под индивидуальное жилищное строительство, имеют дачи на праве лич-

ной собственности или пользуются государственными дачами, служебными земельными наделами, а также являются членами дачно-строительного кооператива или садоводческого товарищества.

— Значит, приобретение пустующих домов допускается при определенных условиях. Ну а если эти условия игнорируются продавцом? Или же покупателем? Если налицо попытка обойти закон...

— Контроль за соблюдением установленного порядка приобретения гражданами, проживающими в городах и поселках городского типа, пустующих жилых домов в сельских населенных пунктах, а также порядка использования выделенных при этих домах земельных участков возложен на местные государственные органы, в частности на исполкомы районных и сельских Советов народных депутатов.

— Поскольку постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР принципиально решен вопрос о сезонном и временном землепользовании горожан, не считаете ли вы, Евгений Иванович, что настала пора разрешать и гражданам, выезжающим из села на другое постоянное место жительства, продавать свои дома горожанам именно на условиях сезонного или временного проживания? С соблюдением, конечно же, требований статьи 73 Земельного кодекса РСФСР и соответствующих статей земельных кодексов других союзных республик...

— Граждане, выезжающие из села на другое постоянное место жительства, могут продавать свои дома гражданам, постоянно проживающим в городах и поселках городского типа в установленном порядке, с согласия исполнительного комитета сельского Совета народных депутатов, а также правления колхоза, администрации совхоза, другого предприятия, на землях которых расположены эти дома.

— Ну а как же дома так называемых «неперспективных» сельских населенных пунктов, где нет совхозов и колхозов?

— Вы имеете в виду пустующие жилые дома в населенных пунктах, расположенных на землях государственных лесохозяйственных предприятий промышленности, транспорта, других землях. Эти дома могут продаваться в том же порядке, что и пустующие дома в населенных пунктах на землях сельскохозяйственных предприятий. Приусадебные участки должны предоставляться под контролем сельских или поселковых Советов народных депутатов. Договоры на продажу сельскохозяйственной продукции, выращенной на этих землях, необходимо заключать с организациями потребительской кооперации.

— Как вы относитесь к предложению нашего читателя В. Воздреватого из Пензы — разрешить сезонным и временным земледельцам объединяться в кооперативы по совместной обработке земли?

— Пунктом 6 указанного постановления предусмотрено, что граждане, постоянно проживающие в городах и поселках городского типа и имеющие жилые дома в сельских населенных пунктах, в целях рационального и высокоэффективного использования предоставленных им земельных участков для производства сельскохозяйственной продукции могут добровольно объединяться в кооперативы. Кооперативам могут предоставляться во временное пользование дополнительные земельные участки по договору с колхозами, совхозами и другими предприятиями.

— И продавца, и покупателя, наверное, будут интересовать вопросы определения стоимости пустующих домов...

— Есть оценочные нормы. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 2 октября 1981 года они разрабатываются органами государственного страхования для оценки строений в сельской местности на типичные для данной местности строения, исходя из их стоимости, исчисляемой по государственным розничным ценам на строительные материалы, тарифов на их перевозку и ставок заработной платы работников, занятых в строительстве.

Утверждаются эти нормы Советами Министров союзных республик или по их поручению Советами Министров автономных республик, исполкомами краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов. Стоимость домов по упомянутым нормам исчисляется с учетом износа. Конкретно стоимость указанных домов, строений определяется оценочными комиссиями в составе представителя исполкома местного Совета народных депутатов (по месту нахождения дома), продавца, покупателя (его представителя), а при необходимости — представителей других органов по усмотрению исполкома местного Совета.

— Могут ли граждане, купившие пустующие дома, строить на выделенных им участках хозяйственные постройки?

— На выделенном в соответствии с установленными нормами земельном участке собственник дома вправе возводить хозяйственные строения, в том числе гараж и баню. Порядок их возведения и размеры установлены действующим законодательством.

— Многие читатели справедливо полагают, что конфликт в Тутуяссе возник из-за недостатка земельных угодий для сенокосов и пастбищ, и вносят предложение: часть сенокосов и пастбищ в неперспективных сельских населенных пунктах передать в ведение исполкомов сельсоветов и «выборных органов населения», то есть для общего пользования на равных правах. Каково ваше мнение на этот счет?

— Колхозы, совхозы, другие сельскохозяйственные предприятия выделяют из общественных земель часть сенокосов и пастбищ для обеспечения скота, находящегося в личной собственности граждан. Изымать эти земли у сельскохозяйственных предприятий и передавать их в ведение, как пишут читатели, «выборных органов населения» нецелесообразно. Что же касается сенокосов и пастбищ, находящихся на землях государственных лесохозяйственных предприятий, то, согласно Правилам сенокосения и пастыбы скота в лесах СССР, они могут предоставляться гражданам, содержащим скот, по решениям исполкомов районных, городских Советов народных депутатов.

— Большое спасибо, Евгений Иванович, от наших читателей. И перед тем как попрощаться, мне бы хотелось зачитать выдержку из письма читателя Б. Шерстнева из Горького: «Кое-что решил и я высказать на правах старого человека, начавшего работать на земле с 9 лет, отстаивавшего нашу землю от нашествия фашистов и ставшего инвалидом 2-й группы. «Пришлые» люди — это настоящие труженики. Они работают на производстве и стремятся затратить свое свободное время на полезное дело, приучают детей к труду, прививают им высокую нравственность подлинного труженика. Да, надо разрешать честным людям покупать дома, давать землю, чтобы она не пустовала. Не надо считать горожанина чужаком на земле».

СТОИТ СТЕНА В БЕРЕЖАНАХ

Представьте, читатель, человека, местом прописки которого стала... стена. Самая обыкновенная стена от снесенного за ветхостью строения. И вот эта, скажем так, не совсем обычная бытовая подробность сразу же представляет человека в совершенно ином свете, придавая ему черты некоторого сходства с одним из популярнейших героев детской литературы,— того самого, что живет на крыше... Но Карлсон, как известно, нигде не работал, своих детей у него не было, и вообще он стал плодом пусть и блестящей, но все-таки фантазии шведской писательницы Астрид Линдгрен. А нам своего героя выдумывать не надо: он сам пришел в редакцию и поведал вышеизложенные факты своей биографии... Об этом, как и о некоторых иных обстоятельствах непростой житейской ситуации, в которой оказалась семья Василия Пришляка, было рассказано в очерке В. Виноградовой «Стена», опубликованном в пятом номере журнала за этот год.

Очерк вызвал большую читательскую почту, в которой острой критике была подвергнута позиция как руководителей города Бережаны Тернопольской области и местного завода, так и самого В. Пришляка.

Надо отдать должное нашим читателям: ни один из них не ограничился пусть горькой и справедливой, но все же простой констатацией факта. Каждый по-своему продолжил тему «Стены», предложив варианты решений наболевших проблем. Вот чаще других встречающиеся в почте: «Квартиру председателя городского Совета Ивана Владимировича Степко я бы отдала семье Пришляка,— пишет Л. Андреева из села Медвин Богуславского района Киевской области.— А председателю бы сказала: «Поживи-ка пока в своем кабинете, а когда выстроишь людям дом — там и выделим тебе квартиру».

Очень характерное пожелание, но это, согласитесь, крайность. Как другой крайностью было бы, скажем, и согласие председателя исполкома передать жилплощадь не имеющему ее Пришляку. Не в героике единичного широкого жеста решение проблемы. В конце концов, он, этот жест, тоже будет служить как бы косвенным подтверждением социальной немощи, ибо неизбежно за ним встанет вопрос: «А дальше что, как быть другим?». Перспективы решительной ломки пресловутой «стены» з том, чтобы ежечасно, ежедневно, всюду ответственные работники вникали в нужды людей, участвовали в их судьбах так, как если бы это были их, руководителей, собственные нужды и судьбы.

Авторов многих откликов на «Стену» объединяет не только живое, искреннее участие в обсуждении наболевшего «квартирного вопроса», но и еще одна черта, так сказать, стилистического свойства. Давно подмечено: любые, пусть и самые прекраснородушные, пожелания так ими и остаются, стоит их начать со слов «если бы» или еще — «вот бы...» Вспомните популярную когда-то газетную руб-

рику «Если бы я был директором...». А мечтания гоголевского Манилова? Они ведь целиком как бы сотканы из сослагательного наклонения.

Вот как, например, представляет себе решение ситуации, в которой оказался Пришляк, наш читатель из г. Запорожье: «Если бы я был руководителем в Бережанах, то обязал бы директора завода выделить материалы, а соответствующим службам Совета дал приказ их оплатить. Бери, Василь, стройся!»

И, словно предвидя возражения мэра Бережан И. Степко, недоумевающего, откуда бы взяться таким средствам, в разговор вступает В. Яковенко из поселка Теплик Винницкой области: «Вы только посмотрите, как обустроены кабинеты таких вот горе-руководителей: ковры, хрусталь, дорогая мебель... Сдать бы государству всю эту излишнюю роскошь, а вырученные деньги направить на улучшение быта людей! Был бы Степко настоящим коммунистом, наверное, так бы и поступил. Иначе совесть не позволит людям в глаза смотреть».

Вот они, издержки сослагательного наклонения: ничуть не стыдно руководству бережанского горисполкома. А чего стыдиться? Не ими такой порядок установлен, не им, стало быть, этот порядок нарушать. И так же уверенно, как он это делал в беседе с нашим корреспондентом, Степко непременно добавит: никакими, мол, материалами завод не располагает — нет у него фондов. И, кстати, не то что РСУ — плохонькой стройконторы в Бережанах днем с огнем не сыскать. Ничегошеньки здесь нет. И не было никогда.

Тут, конечно, можно и возразить: ох, лукавите, Иван Владимирович! Иначе откуда бы взяться в вашем городке ухоженным коттеджам — аккуратно по числу семей руководящих работников? Чудеса...

Но не менее удивительно и другое: на одном стекольном заводе в Бережанах трудятся полторы тысячи человек. Многие из них ждут очереди на квартиру по полтора-два десятка лет, а то и поболее. Так почему же никто из них ни разу за это время всерьез не заинтересовался, куда именно, на какие и чьи конкретно нужды уходят средства, отчисляемые ими же, рабочими, в фонд социального развития? Вопрос этот давно пора бы задать депутатам горсовета. Но молчат граждане Бережан...

Что ж, в таком случае предоставим слово читателям. Им как раз есть что сказать — и заводчанам, и конкретно Василию Пришляку.

«Сегодня широко рекламируется индивидуальное строительство. Отпускаются ссуды. Организация, в которой работаешь, оказывает помощь материалами. А как обстоит с этим дело в Бережанах?» — интересуется пенсионер Л. Максимочкин из Алма-Аты.

«Пока читала, все возмущалась, и только тогда немного успокоилась, когда наконец прочла ваше обращение к нам — с пометкой «От редакции». Неужели отца троих детей надо учить, что ничто просто так, с неба, не падает? Л. Фокина, г. Сарань».

«Прости, Василь, но мне кажется, тебе и детей столько понадобилось, чтоб квартиру в обход очереди получить. Иначе сто раз прежде бы все обдумал, быт свой устроил. А уж потом... А. Юдин, г. Вологда».

«Меня как мужчину глубоко задела «Стена», потому что в одном Пришляке словно уживаются два человека. Один — здоровый, развитый, волевой парень, которому в свое время Родина доверила охрану своих рубежей. Демобилизовавшись, он принял

правильное, я считаю, решение, не возвращаться в дом к родителям, там и без него тесно. Молодец! Не имел Василь морального права поступать иначе.

Ну, а второй Пришляк — просто размазня. Пусть и грубо сказано, но других слов и не нахожу. Вася! Да ты должен при жизни жене и детям памятник поставить. Хотя бы за то, что они в туалет на базар ходят. А ведь о тебе пишут, что ты мастер, да еще трудишься в «горячем» цехе. Удивляюсь я на тебя, как ты командуешь там людьми, заботишься о них, а о самых родных тебе людях вот уж восемь лет никак не печешься.

Золотой у тебя, Вася, человек — твоя Нина. Она любит тебя и верит, что однажды дорогой ее муж поднимется поутру, возьмет в руки лопату и выкопает в определенном месте аккуратную яму — в один кубометр. Потом выпишет на предприятии 0,5 кубометра обрезных досок и построит долгожданный туалет. Посидит Вася, подумает думку и вспомнит, глядишь, инженерную подготовку, которую в школе, конечно, не проходил, зато в армии изучал целых два года. И начнет тогда Вася строить не дом, а дворец, так как за восемь лет жизни в таких условиях можно разработать такой проект, что твой Париж!

Очнись, Василий, через пару лет твои дети по очереди на одной кровати спать будут! Не знаешь, с чего начать? Перечитай хотя бы «Робинзона Крузо»... И не обижайся: в жизни мне пришлось, поверь, хлебнуть лиха и покруче твоего. И выдюжил я потому, что считаю: мужчина всегда должен оставаться мужчиной. При любых обстоятельствах. С уважением, Янчин Александр, г. Барановичи Брестской области».

Пожалуй, с Робинзоном Крузо вышел некоторый перегиб — в самом деле, не на необитаемом же острове, и притом в XX веке живет Пришляк. Но в остальном... Каждый из авторов поступивших в редакцию писем поведал случаи из своей жизни, что, безусловно, доказывает их моральное право выступать с критикой любого проявления социального иждивенчества и утверждать, что пассивности, бездействию необходимо всегда противопоставлять созидательный труд как форму активной борьбы за справедливое решение многих из тех проблем, что испокон веку входят в круг житейского быта.

Круг бездействий Пришляка — с одной стороны, Степко — с другой — замкнулся. Удивительное сходство иждивенческих позиций дало вполне сопоставимые результаты. Да, не житейская ситуация (она-то порой бездействием и сильна), а жизненная позиция Василя Пришляка требует сейчас самого пристального к ней внимания. По той очевидной причине, что именно от его социальной активности гражданина будет теперь напрямую зависеть активность позиций руководителей на местах. Особенно выборных руководителей.

Николай ЛОПАТЕНКО

От редакции: Очерк «Стена» задел за живое многих. Люди волнуются, негодуют, предлагают, интересуются, в частности, тем, намерены ли руководители города Бережаны принять участие в обустройстве семьи Пришляка, других работников стекольного завода, какие намечают для этого меры.

Редакция ждет подробного, обстоятельного ответа на эти вопросы.

АДВОКАТ: ЧТО ОН МОЖЕТ? ЧТО ОН ДОЛЖЕН!

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

простая процедура. И не после, а до увольнения предупрежденный администрацией работник, с которым еще не расторгнут трудовой договор, должен иметь право на проверку судом законности предстоящего ему увольнения. Помощь адвоката по таким делам очень важна и должна быть обязательной, хотя навязываться вопреки желанию не может.

М. Гофштейн. Один наш адвокат добивается того, что его допускают к рассмотрению протестов в порядке надзора на Пленумах либо на заседаниях Президиума. Протестов, которые внесены по мотивам его жалоб. Я думаю, что это хорошо. Но почему он добивается? Почему в законе не записана обязанность допускать адвоката в процесс? Этот положительный опыт должен найти отражение в законе.

В. Сиренко. Поскольку разговор идет о судопроизводстве, позвольте заметить, что у нас в принципе судопроизводство для гражданина очень дешевое. Не оттого ли у нас по инициативе граждан возникает слишком много дел, что люди нередко безответственно ввязываются в процесс? Они исходят из того, что никаких существенных материальных потерь для них от этого процесса не наступит.

А. Ларин. Я возражу вам, Владимир Михайлович. Проблема не в том, что слишком много у нас сутяг, хотя они имеются. Социальную проблему представляют не сутяги, а, наоборот, нежелание, неспособность, непонимание и неиспользование возможностей судебной защиты. Вот вам пример. Когда обсуждали вопрос о праве обжалования в суд действий должностных лиц, противники говорили: «У нас в газеты ежедневно поступает несколько тысяч жалоб. Так вы что, хотите, чтобы это все обрушило на суды?» Когда же отвергли эти «остроумные» доводы, то оказалось, что по Москве и Московской области, где живет 16 миллионов человек, поступило в суд заявлений с жалобами на незаконные действия должностных лиц всего 3—4 сотни. Это за 7 месяцев действия закона!

Я хочу сказать, что вообще наш народ не любит суд, сторонится суда. Сутяжничество не в характере советских граждан, хотя, конечно, есть отдельные случаи. Важно другое. Нужно показывать, что суда бояться не надо, что суд у нас пролетарский. Вот эту ленинскую мысль и надо внедрять. Ведь что происходит? Допущена, скажем, несправедливость. Действительная или предполагаемая. Куда идет пострадавший? В горком партии. Там ему говорят: ты не прав. Почему? Да потому, что вопрос там решают не профессионалы. Тогда он пишет в обком, в ЦК, газету — куда угодно. Проблема обрастает бумагами. Возникают всякие недоразумения. Он получает ответы. Не согласен с ними. Идет к кому-то. Ему говорят: «Да ты что! Мы же тебе ответили!» Затягивается иной раз на десятки лет вопрос, который в суде должен быть решен моментально. Отказали

в ремонте крыши. Да иди же в суд. Ты же платишь деньги за жилье! Значит, из твоих денег тебе обязаны отремонтировать. Пойди в суд, и пусть потом попрыгает управляющий домами. Он на первый раз, может быть, не будет выполнять. За неисполнение решения его оштрафуют, и так далее. Научат уважать суд и закон.

Суд — он действительно может стать защитником прав личности в тех вопросах, с которыми эта личность сталкивается каждый день. А порой мы не знаем, где находится суд. Вы знаете, где находится суд вашего района? Я — нет.

Ю. Стецовский. Первостепенная задача суда — правовая защита личности. И в связи с этим хотел бы вернуться к проблеме состязательности.

Внедрение состязательных начал в стадию расследования предполагает возможность принятия различных решений. Но, во всяком случае, больше нельзя оставлять открытым вопрос об обжаловании в суд незаконных арестов и других принудительных мер до окончания расследования дела.

Вопрос о лишении человека свободы до признания его виновным в совершении преступления приговором суда — один из основных аспектов принципа презумпции невиновности. Конституция СССР закрепляет этот принцип и гарантирует право граждан на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество, указывает, что действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, могут быть в установленном порядке обжалованы в суд. Международный пакт о гражданских и политических правах обязывает государства-участников развивать возможности судебной защиты, и каждому, кто лишен свободы вследствие содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство дела в суде, чтобы этот суд безотлагательно вынес постановление относительно законности его задержания и распорядился о его освобождении, если задержание незаконно. Данное положение имеет несомненное значение в свете добросовестного выполнения международных договоров, уважения прав и свобод человека.

В черновом наброске проекта Конституции СССР 1936 года предусматривалось право граждан требовать привлечения должностных лиц к судебной ответственности за нарушение закона, указывалось, что по истечении определенного срока в суд представляются доказательства необходимости содержания арестованного под стражей, либо он должен быть освобожден. В то время эти положения оказались отвергнутыми. О каких гарантиях прав личности можно было говорить, если спустя полгода после принятия Конституции М. Н. Тухачевского и других крупнейших военачальников арестовали даже без санкции прокурора. Сейчас несанкционированный прокурором арест вряд ли возможен. Но практикуется другое: сначала задержание и арест, а затем сбор доказательств виновности, содержание под стражей без санкции прокурора сверх установленных сроков, обыск без этой санкции.

Лицо, производящее дознание, и следователь наделены широкими властными полномочиями, и это объективно создает возможность для нарушения права на неприкосновенность личности и других ее прав. Что касается прокурора, то он руководит уголовным преследованием, вышестоящий прокурор отвечает за нижестоящего, и от прокурора нельзя ждать той объективности, беспристраст-

ности, что от суда. Незаконные задержания и аресты — результат недостаточной эффективности прокурорского надзора в стадии расследования.

Сейчас в ходе расследования можно обращаться с жалобой к прокурору. Но в этом случае гражданин выступает лишь в роли жалобщика. Иное положение в суде, где стороны процессуально равноправны, где суд оценивает законность решений следователя и прокурора. Само существование судебной формы защиты способно оказать превентивное влияние на деятельность должностных лиц, участвующих в расследовании, требует от них большей внимательности при применении принудительных мер. Заключение под стражу столь существенно затрагивает права личности, что замена усмотрения прокурора коллегиальным рассмотрением вопроса судом может надежнее охранять права граждан и законность в уголовном судопроизводстве.

В контроле суда за санкцией прокурора нет ничего противоречащего конституционным полномочиям прокурора. Напротив, контроль за соблюдением гарантий основных прав граждан в ходе расследования — одна из важнейших задач суда.

Рассматривая различные вопросы при предании обвиняемого суду, суд не предвещает его виновность. Точно так же нет оснований расценивать отклонение жалобы, поступившей в ходе расследования, как сформировавшийся вывод суда о виновности обвиняемого.

Хотя в уголовном процессе суд должен занимать главенствующее положение, значение судебного контроля недооценивается. Многие юристы страны понимают нетерпимость такого положения. Однако мнения здесь различны. Например, председатель Верховного суда СССР В. И. Теребилов полагает, что, если после ареста прошло шесть месяцев и «время содержания под стражей нужно продлить, следствие обращается за разрешением в суд и суд незамедлительно решает этот вопрос» («Литературная газета», 1988, 27 апреля). Но ведь для человека очень важно, чтобы вопрос о правомерности ареста был по его инициативе решен судом безотлагательно, а не через шесть месяцев после утраты свободы и намерения следствия удлинить этот срок.

Наделение судов социалистических государств (ГДР, ПНР, СФРЮ, ЧССР, Республики Куба) контрольными функциями в стадии предварительного расследования не означает отмены или замены прокурорского надзора: суд и прокурор выступают в этих государствах в качестве самостоятельных звеньев механизма контроля за деятельностью органов предварительного расследования. Как и для любой деятельности, в советском уголовном судопроизводстве нужны надежные, автономно действующие страхующие звенья. Таким звеном может стать судебный контроль в ходе расследования.

Закон о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан, не разрешил проблему реального расширения судебной защиты прав граждан. Вопреки принципу гласности проект этого закона не вносился на публичное обсуждение. Рассмотрение, начатое на сессии Верховного Совета СССР, сразу выявило существенные недостатки проекта, его ограниченность и несоответствие Конституции СССР, что повлекло серьезную критику со стороны депутатов. Решительное обновление всех сторон общественной и государственной жизни и приведение законодательства об уголовном судопроизводстве в соответствие с Конституцией СССР и Международным пактом о гражданских и по-

литических правах остается одной из важнейших задач, и ее надо решать.

И. Либус. Плохо, что по поводу действия Конституции СССР до сих пор ведутся дискуссии. Ведь в Конституции четко записано, что обвиняемому обеспечивается право на защиту. А это значит, что фигура защитника появляется одновременно с фигурой обвиняемого. И обвиняемый должен решать: нужен ли защитник или он будет защищать себя сам.

Второй принципиальный вопрос: с какого момента допускать защитника. Юрий Исаакович, безусловно, прав, но хочу еще добавить. Дело в том, что, конечно, защитник должен быть допущен с момента первого вопроса подозреваемого и уж, во всяком случае, с момента ареста. Почему? Да потому, что все беззакония творятся до предъявления обвинения. Могу привести десятки примеров, когда следователи искусственно оттягивают момент предъявления обвинения. И совмещают в один момент предъявление обвинения и объявление об окончании предварительного следствия. Да еще некоторые наши адвокаты помогают следователю: задним числом подписывают эти два документа, в один день разными числами. Порой даже не читая дело.

Э. Мурадян. А что с ними делать, с такими адвокатами?

И. Либус. Гнать их в шею из адвокатуры. Что мы и делаем, когда это обнаруживаем. Исключаем из адвокатуры. Ведь это подлог за спиной несчастного обвиняемого. Они же нередко друзья, адвокат и следователь, бывшие однокашники по институту. Защитник должен быть допущен к участию в деле с момента ареста, с момента первого вопроса подозреваемого. Иначе проблема не будет решена.

Ю. Стецовский. С момента ареста... Это может быть десять дней! Думаю, что с момента возбуждения подозрения.

И. Либус. Я прошу прощения. Хотя бы с момента задержания.

Теперь проблема ареста, проблема санкции на арест. До тех пор, пока арест будет санкционировать прокурор, до тех пор не будет законного, объективного прокурорского надзора. Поэтому, конечно, должна быть введена другая форма надзора за законностью, иначе мы будем иметь те же нарушения.

А. Ларин. В течение трех суток без адвоката могут держать сейчас под стражей даже слепого человека и ребенка, достигшего 14 лет, могут трое суток держать в качестве подозреваемого в камере для задержанных или 10 суток в следственном изоляторе.

М. Гофштейн. Говорят, что до окончания расследования адвокат сможет беседовать с подзащитным только в присутствии следователя. Почему? Эльза Мирановна упомянула принцип ограниченного доверия. Я бы сказал о принципе безграничного недоверия к адвокату.

Адвокату нельзя разговаривать со свидетелем. Почему? Есть где-нибудь законодательный запрет? Да нет его нигде! Вот говорят о состязательности на предварительном следствии. Она необходима. Но ведь состязательность будет пустым словом, если адвоката не наделить необходимыми правами. Следователю беседовать со свидетелем? Пожалуйста. Судье? Конечно же! А адвокату нельзя. Почему? А он, видите ли, совратит! Но позвольте, у нас же установлена уголовная ответственность за склонение к даче ложных показаний! Эта ответственность распространяется в равной степени не только на адвоката, но и на остальных граждан. И на долж-

ностных лиц, между прочим, тоже. Но что-то я не видел, к сожалению, ни одного следователя, которого бы привлекли к уголовной ответственности, когда он заставлял давать заведомо ложные показания. А если и привлекают, то в самых крайних случаях.

Многие из нас начинали работать в пятидесятые годы, в эпоху культуры личности. Но разве мы не добивались оправдательных приговоров? Добивались. Потому что и тогда среди судей были порядочные люди. Не было этой борьбы за показуху, которая возникла в годы застоя, как мы теперь их называем. Не было процентомании и этого термина «стабильность приговоров».

Сейчас мы говорим, что строим социалистическое правовое государство. А это значит, что ориентироваться мы должны не на отдельный случай, не на способность отдельных талантливых или, скажем, добросовестных адвокатов добиться успеха. Мы должны ориентироваться на то, что должен быть создан механизм, который бы исключал произвол. Ведь что бы мы ни говорили о гарантиях для защитника, все равно имеем в виду конечную цель — гарантию прав гражданина. Все хлопоты защитника ради того, чтобы защитник чувствовал себя спокойно, ничего бы не стоили, если бы за спиной защитника не было фигуры человека, которого он защищает. Потому что всякие незаконные либо якобы основанные на законе попытки зажать защитника, запугать его, в конечном счете приводят к срывам в области правосудия.

Ведь что такое защитник? Это страхующее звено нашего правосудия. Это тот человек, который не дает возможности двигаться в сторону произвола. Независимость адвокатов нужна только для того, чтобы обеспечить интересы правосудия. Точно так же, как сам адвокат не имел бы права на существование, если бы не то, что называется правосудием.

Ю. Стецовский. Когда мы говорим о совершенствовании законодательства об адвокатуре, необходимо это законодательство освободить от чрезмерной зарегулированности. Там содержится немало положений, которые не должны относиться к компетенции законодателя, являются внутренним делом общественной организации. Сама организация и должна решать эти вопросы.

В соответствии с Конституцией СССР адвокатура действует для оказания разносторонней юридической помощи гражданам и организациям. По мере повышения правовой культуры и усложнения общественных отношений объем юридической помощи может возрастать. Но здесь необходимо подчеркнуть, что адвокат не представляет парикмахерские или аналогичные услуги. И вряд ли приемлемо одинаковое отношение к адвокатуре и предприятия бытового и тому подобного обслуживания. Сейчас же это понимается не всюду. Хотя Закон об адвокатуре в СССР не разрешает вмешиваться в финансовую деятельность коллегии, по Положению об адвокатуре РСФСР смета доходов и расходов коллегии устанавливается ее общим собранием, а потом утверждается в государственных органах. Думаю, что такое указание следовало бы исключить из Положения об адвокатуре РСФСР. С полным основанием, к примеру, в Положении об адвокатуре Латвийской ССР указывается, что общее собрание членов коллегии адвокатов самостоятельно утверждает смету. Ограничение самостоятельности сопряжено с произвольным завышением планов доходов коллегий, что ставит под угрозу качество юридической помощи и выполнение других задач адвокатуры.

М. Гофштейн. Что же произошло? Минюст вошел в Госплан при формировании программы комплексных услуг и сказал: пишите «правовые услуги». Там за это ухватились. И с тех пор планируют эти правовые услуги в деньгах, хотя значительную часть правовой помощи адвокаты, в соответствии с законом, оказывают бесплатно. Так что рубль здесь еще не показатель. А исполком, который понятия не имеет, из чего складываются поступления в коллегию, планирует «от достигнутого» еще полмиллиона при прежнем числе адвокатов. Это значит снижение качества. Ведь когда завывается валовое поступление, то, естественно, надо расширять число проведенных дел. Но адвокат не может, он физически не в состоянии. Да и такого количества уголовных дел сегодня уже, слава богу, нет.

И. Либус. Ведь, по существу, таким подходом планируется повышение преступности! Планируется нарушение прав граждан. Заранее определяется количество дел о неправильных действиях должностных лиц и так далее. В последнее время в печати много говорится о целесообразности создания кооперативов по оказанию правовой помощи населению. Вопрос очень важный. Но состоит он не в том, что разрешать или не разрешать кооперативы. Он уже решен в Законе о кооперации в СССР. Думать надо о том, разрешать ли кооперативам вести уголовные и гражданские дела в суде или не разрешать. Без изменения законодательства запретить кооперативу вести уголовные дела нельзя, поскольку в УПК записано, что защитником может быть любое лицо.

М. Гофштейн. В Законе записано, что кооперативы могут создаваться для юридической помощи гражданам. Это еще не значит ведение дел. И ссылаться на нынешний УПК совершенно неуместно...

И. Либус. В УПК записано, что в качестве защитника могут быть допущены и «иные лица». То есть в каждом случае требуется определение суда или постановление судьи.

А. Ларин. Мы с вами согласны с формулой, что разрешено все, что не запрещено. Отказать представителю кооператива в участии суд не может просто так, по пустому усмотрению. Отказ должен быть мотивированным. А если мотивов нет, значит, разрешается на тех же правах. Другой вопрос, хорошо ли это. Во всем мире, чтобы заниматься адвокатской деятельностью, надо сдать специальный экзамен и получить лицензию на право этой специальной деятельности. Сегодня адвокатура, конечно, ограничена корпоративно. Потому что принимает в члены коллегии адвокатов президенту. Адвокатура зарежимлена известным образом, она замкнута. Это все верно. Много людей, которые хотели бы оказывать юридическую помощь, не могут попасть в адвокатуру. И наоборот: в адвокатуру много тех, кого бы не следовало туда брать.

Но если у нас будет создана параллельная адвокатура, а ею станут кооперативы по оказанию правовой помощи, если они будут вести уголовные и гражданские дела в суде, это, простите, абсурд.

Реплика. Надо изменить УПК и ГПК с тем, чтобы в них указать, что представители кооперативов не могут вести уголовные и гражданские дела в судах и на предварительном следствии. А пока действующий закон имеет силу, суд не может безмотивно отказать представителю кооператива в допуске к участию в уголовном деле.

М. Гофштейн. Здесь задавался вопрос в отношении кооператива:

нужна ли нам такая конкуренция? Конечно, конкуренция нужна. Но не такая. Она сейчас существует. Ведь труд адвоката индивидуален по своей природе. И конкуренция, в хорошем смысле как соревнование, существует даже не между отдельными юридическими консультациями, а внутри каждой консультации. Это стимулирует лучшую работу. Конечно, общество должно быть озбочено тем, кому доверяется выступать перед судом. И вот эти правовые кооперативы, приравненные к кооперативам по изготовлению губной помады, поставленные с ними в один ряд, они не могут обеспечить такого контроля, который пронизывает адвокатуру.

И. Либус. Может быть, чтобы кооперативы не оставались бесконтрольными, есть смысл создать их при коллегиях адвокатов? Чтобы контролировать не только их деятельность, но подбор кадров, потому что там же могут оказаться и юридически безграмотные и нечестные люди...

Ю. Стецовский. Как медицинскую помощь вправе оказывать лишь врачи, так и юридическую помощь — только лица, имеющие диплом об окончании юридического вуза. И все же необходимо учитывать, что монополия — это застой, полная монополия — абсолютный застой.

В. Сиренко. Согласен с вами. Действительно, что не запрещено законом, то возможно, то разрешается.

Ю. Стецовский. Владимир Михайлович, это все хорошо, пока мы не пришли в уголовный процесс. А в уголовном процессе принцип «Все, что не запрещено, то можно» применим далеко не всегда.

А. Ларин. Наверное, нам стоит обсудить такой вопрос: нужно ли централизовать адвокатуру? Насколько я понял, в Резолюциях XIX партконференции этот вопрос решается положительно. Потому что там в единственном числе сказано слово «ассоциация». Значит, предстоит объединить 160 независимых коллегий. Возможно, кто-то предложит свое толкование.

В. Сиренко. Резолюция призывает к повышению роли адвокатуры как самоуправляющейся ассоциации...

Э. Мурадян. Конечно, идея создания ассоциации адвокатов должна быть поддержана. Осуществить правовую реформу при том положении адвокатуры, в котором она находится, невозможно. Ей предстоит качественный и численный рост, овладение новыми формами деятельности в защиту как личности, так и общественного интереса. Надо преодолеть организационную незавершенность, замкнутость связей адвокатов областным уровнем. Это полезно и для защиты профессиональных интересов самих адвокатов. Конечно, централизация не должна умалить прав коллегий адвокатов или прав адвокатов. Например, адвокаты пользуются особой географической свободой, то есть могут принимать поручение на ведение дел независимо от того, где оно будет рассматриваться. Сам факт появления в глубинке адвоката, известного своей профессиональной квалификацией, настойчивостью, искусством защищать законные права, создает в суде особую атмосферу, настраивает на строгую законность.

С созданием ассоциации адвокатура должна укрепить свою общественную деятельность. В качестве коллективного члена ассоциация адвокатов могла бы войти в Союз советских юристов, идея которого предложена недавно.

Создание ассоциации адвокатов позволит развивать формы и методы адвокатской деятельности, постепенно осуществить прин-

цип: в любом правоприменительном процессе, где рассматривается вопрос о праве гражданина, разрешается участие адвоката.

Социальная задача адвоката состоит в том, чтобы общество не было вынуждено постоянно возвращаться в прошлое, чтобы исключить возможность неправосудных приговоров, репрессий, беззакония. Для этого нужна профессионально сильная адвокатура, но рассчитывать только на законодательные меры явно недостаточно. Нужна перегруппировка финансовых ресурсов. Ведь экономия общества на судебной защите, на оплате труда адвоката в итоге обрывается незащищенностью человека. Центр тяжести надо перенести на воспитание уважения к закону, на основательность работы по предупреждению правонарушений. Пора отказаться от установки на быстродействие и формализм правосудия, последствия которого — эксцессы в исправительно-трудовых колониях, судьбы детей в интернатах для тех, чьи родители лишены родительских прав. Это тяжелые последствия экономии на правосудии, необеспеченности судебной защитой.

Коллегии адвокатов и ассоциация должны приобрести право участия в законотворческом процессе, а также в работе судебных надзорных инстанций. Независимость адвокатуры должна проявляться во многих формах ее взаимодействия с судебной системой, с прокуратурой, с государственными и общественными организациями, с научно-консультативными учреждениями.

Ю. Стецовский. В ряде публикаций для руководства адвокатурой всей страны предлагается создать Союз адвокатов СССР, наделив его значительными организационно-распорядительными и координационными полномочиями. При этом утверждается, что от Союза зависит эффективность всей правовой системы и вообще без него демократизация правовой системы невозможна, что образование Союза усилило бы общественный контроль за законностью. Хотя общественный контроль очень важен, вряд ли Союз адвокатов стал бы той реальной силой общественного контроля за соблюдением и состоянием социалистической законности, который дополнил бы и обогатил возможности прокурорского надзора. Коллегии адвокатов — организации автономные, самостоятельные, функционирующие не для дополнения и обогащения возможностей прокурорского надзора. В прокуратуре, обязанной осуществлять надзор за исполнением законов в масштабе всего Союза ССР, централизация объяснима. Прирост же централизованного платного управления вряд ли улучшит оказание юридической помощи и положение адвокатов. Нельзя забывать и о том, что аппарат управления нередко оказывается механизмом торможения, не свободным от таких явлений, как «дележ пирога», диктат руководителя.

Вмешательство бюрократического централизма, отмечал В. И. Ленин, представляет собой «одно из величайших препятствий экономическому и политическому развитию вообще и в частности одно из препятствий *централизму* в серьезном, в крупном, в основном» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 146). В мае 1988 года на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации говорилось о создании в общественных организациях центральных бюрократических аппаратов, где пошла такая переписка, что снова получилось не то, что задумывалось. «К сожалению, — сказал М. С. Горбачев, — и в эти общественные организации приходят люди со стереотипами и закомплексованностью доперестроечного времени. И первая их забота — правительственный телефонный аппарат,

хорошее помещение для размещения, машина и т. д. Ну и чтобы на местах были работники, чтобы было кому указания давать. На этом нередко и кончается деятельность общественных организаций. Дело доходит до того, что малейшую критику в свой адрес воспринимают как неуважение к тем, кого объединяет эта общественная организация. Это очень распространенное явление. Многие преследуют свои корыстные, эгоистические интересы, а хотят выдать их под благовидным предлогом за заботу о народе, о социализме». И действительно, целям преодоления бюрократического централизма, характерного для административно-командной системы, соответствует ликвидация излишних звеньев и децентрализация, а не создание дополнительных центральных органов управления. «Ассоциация», о которой шла речь, и «централизация» — это не одно и то же. Как известно, у нас имеются не только всесоюзные общественные организации. На уровне союзных республик функционируют республиканские общественные организации, аналогичных которым нет в масштабе Союза ССР. Законодательство предусматривает и создание местных общественных организаций.

Одно из велений нового социального климата — это децентрализация социально-культурной сферы, стимулирование социального творчества. Задача не в том, чтобы нивелировать коллегии адвокатов, а, напротив, в том, чтобы с максимальной полнотой выявить специфические особенности каждой из них и поставить на службу общественному прогрессу. То, что каждая коллегия «сама себе голова» — это только на пользу дела, поскольку все коллегии стремятся к общей цели.

Что даст адвокатам и тем, кому они оказывают юридическую помощь, новый центральный аппарат? Например, Всероссийское общество инвалидов будет решать жизненно важные задачи: трудоустройство, профессиональное обучение инвалидов, их обеспечение лекарствами и т. д. Создание же Союза (ассоциации) адвокатов СССР, по-видимому, лишь удовлетворит стремление некоторых лиц превратить коллегии в легко управляемые учреждения и поставить адвокатов под команду правления этого Союза. Право коллегии вырабатывать самостоятельные решения, независимость адвоката и другие ценности не должны устраняться для создания центрального аппарата управления с его неизбежными тенденциями регулировать все и вся. Более перспективным представляется проведение каждые пять лет всесоюзного, а на уровне союзных республик — республиканских съездов адвокатов. Их проведение целесообразно для совершенствования юридической помощи и поддержания адвокатской независимости, а не для управления коллегиями всей страны или союзной республики. Съезд должен взять на себя только те вопросы, которые коллегии без него решать не могут.

П. Баренбойм. Речь идет не о централизации, а об объединении адвокатуры, что, конечно, не одно и то же. Как автор первого обнародованного в 1987 году и второго обновленного и сейчас активно обсуждаемого во всех коллегиях страны проекта Устава Ассоциации адвокатов СССР, я старался строго придерживаться действующего законодательства об адвокатуре (которое мы не сможем изменить своим односторонним решением) и поэтому предложил в проекте Устава специальный пункт о сотрудничестве Ассоциации адвокатов СССР и Министерства юстиции СССР. Вместе с тем общее руководство Министерства, с которым мы сталкива-

лись последние годы, является, на мой взгляд, неприемлемым и требует коренных преобразований.

Пока адвокатура будет отстранена от законодательного процесса, говорить о ее равноправии с другими правоохранительными органами не приходится. Соответственно нельзя говорить и о радикальной правовой реформе.

Ю. Стецовский. Административно-командная система и процесс огосударствления общественных организаций формировали привычку ждать установок из центра, многолетний страх вырабатывал послушание и «административный восторг». Уверенность в том, что для решения накопившихся проблем достаточно создать в Москве еще одно центральное учреждение, привычка жить по указке, неприятие разногласий приводит к весьма странным выводам, в частности о необходимости единого кодекса адвокатской этики.

Говорят, что правление Союза адвокатов СССР будет заступаться за адвокатов. Вспомним, как «заступался» за своих членов Союз писателей... Участие адвокатов в правотворческом процессе, их приглашение на заседание коллегий правоохранительных органов, включение адвокатов в состав научно-консультативных советов Верховных судов и в ученые советы, создание издательства,— все это имеет немалое значение. Но решение этих вопросов зависит не от создания Союза адвокатов, а от других причин. При отсутствии этого союза Московская коллегия защитников имела свое издательство «Правовая защита», адвокаты входили в состав Ученого совета предшественника ВНИИ советского законодательства.

И последнее. В стране 160 коллегий, в которых работают 25 тысяч адвокатов. И сейчас нет никаких оснований приписывать всем адвокатам и всем коллегиям желание содержать правление Союза адвокатов, увеличивать число платных функционеров.

В. Сиренко. Итак, подведем итоги. Высказались все, кто хотел, сколько хотел и по любому вопросу. Это мы можем констатировать? Безусловно. Все вы откровенно рассказали о тех проблемах, которые касаются не только круга адвокатов, а всей системы советского правосудия, которое призвано защищать интересы каждого советского человека. Думается, большая часть этого будет принята во внимание при проведении судебной реформы и, в частности при совершенствовании законодательства о деятельности адвокатуры.

Мы хотели бы всех вас поблагодарить за то, что нашли возможность прийти к нам. К сожалению, не очень часто ваши выступления появляются на страницах нашего журнала. В этом вы правильно укоряли нас на этой встрече. Но и ваша вина здесь есть: сами мало пишете. И мы всегда готовы предоставлять вам наши страницы, чтобы все читатели журнала знакомились с мнением ведущих ученых и адвокатов-практиков.

От редакции. Закончилась встреча за «круглым столом». Обсуждены важные проблемы. Но, наверно, у многих наших читателей есть немало вопросов и предложений по этой теме. Мы просим вас, дорогие читатели, написать свои предложения по проблемам совершенствования деятельности адвокатуры, усиления ее роли в защите конституционных прав граждан, соблюдении их гарантий и свобод, в укреплении социалистической законности.

ОСТАНОВИТЬСЯ НАД ПРОПАСТЬЮ

«Волге» не удалось. Зависнув на какое-то мгновение двумя колесами, машина качнулась и рухнула вниз. Семнадцатилетний «Петух», которого после удара о бетонную плиту выбросило из кабины, в бессильном отчаянии смотрел, как она уносит с собой в пропасть две самых дорогих для него жизни... На такой трагической ноте завершается художественный фильм «Ночной экипаж», посвященный «трудным» подросткам.

С режиссером-постановщиком «Ночного экипажа» БОРИСОМ ТОКАРЕВЫМ беседует наш специальный корреспондент СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

С. А. Борис Васильевич, вы не слишком сурово обошлись с «ночным экипажем»? Выходя из зала после фильма, я слышал просто-таки негодующие комментарии зрителей, особенно юных: «Петух» с компанией, мол, во многом виноваты, но все же наказание для них выбрано чрезмерно жестокое. Ведь ребята, в сущности, хорошие, симпатичные, а не какие-то заматерелые преступники...

Б. Т. Действительно, герои нашего фильма вполне способны вызвать симпатию. Более того, и сами себя считают людьми вполне симпатичными. Помните, есть в фильме такой эпизод, когда «Петух» говорит про самого юного члена «ночного экипажа» — «Молодого»: «Хорошо, что он с нами ходит, а то мог бы связаться с какими-нибудь подонками»? Так вот, из-за этой самой симпатичности сценарий, написанный А. Усовым, десять лет пролежал на полке. Нам говорили: сделайте этих ребят отталкивающими, вызывающими отвращение — и снимайте. А вызывать симпатии к преступникам по меньшей мере непедагогично!

С. А. Я, пожалуй, готов согласиться с тем, что преступник не должен вызывать зрительских симпатий.

Б. Т. Преступление, а не преступник! Для нас со сценаристом это был принципиальный момент. Можно и типажи подобрать другие, и речь сделать другой и поступки более жестокими, и, главное, все это было бы правдой — к сожалению, хватает и обдуманных, жестких, циничных преступлений, совершаемых подростками. Но мы хотели сделать этот фильм совсем о другом. Об обычных, нормальных ребятах, которые, выходя вечером из дома, вовсе не имеют намерения преступить закон, а через считанные часы набирают целый «букет» статей Уголовного кодекса. О причинах этого явления, об обстоятельствах, ему способствующих.

С. А. Что ж, давайте, помня про поставленную вами задачу, пройдемся по сюжетной канве «Ночного экипажа», посмотрим, как и почему поступки превращаются в проступки, проступки — в преступления. Первый «ход» Петухова «со товарищи»: украли лошадь.

Б. Т. Точнее, увели у ротозея наездника, чтобы въехать на ней на выпускной бал, эпатировать таким образом бывших одноклас-

сников Петухова, бывших учителей. И столкнись они с решительным педагогическим противодействием — на том бы и закончились ночные приключения «экипажа». Подчеркиваю: педагогическим, то есть воспитательным. Но педагоги озабочены не тем, как разрешить щекотливую ситуацию, а тем, как избавиться от нее, вынести за школьные скобки. В результате продолжение следует...

С. А. Забегая чуть вперед, замечу, что есть в фильме и еще один, аналогичный по сути эпизод, когда «Петух» — Петухов оказывается на улице около автобуса, везущего бывших одноклассников на продолжение праздника. Задумайся в этот момент учительница о том, что делает ночью на улице ее — пусть бывший, но ученик, пригласи, позови его в автобус, и опять-таки конец приключениям. Но ее волнует одно лишь — проведение мероприятия, и двери автобуса закрываются, а «экипаж» продолжает путь к пропасти.

Б. Т. Вообще десять лет назад я твердо намеревался показывать членов «ночного экипажа» не преступниками, а жертвами. Жертвами родительского равнодушия, педагогической бездарности, жертвами фальши, расхождения между словом и делом, лозунгом и действительностью, породившего тотальное неверие миру взрослых, декларируемой им системе ценностей. Вспомните общественную атмосферу десятилетней давности...

С. А. Ну а как вписывается в эту схему пропущенная нами сцена с угоном такси? «Молодой» повредил ногу. Нужно в больницу. Ночь, общественный транспорт не работает. Притормозившего таксиста, согласитесь, трудно обвинить в равнодушии и невнимании к нуждам юного поколения: понимая, что денег у ребят нет, он не только подвозит их к больнице, но и ждет, чтобы отвезти обратно домой. А что в ответ на доброту? Угон, насилие...

Б. Т. Да в том-то и дело, что не верят они в доброту. Не приучены. Прецедента не было. Ждет — значит, хочет требовать деньги за проезд, и надо убежать. Догоняют — надо защищаться. А тут еще, как на грех, очередной представитель взрослого мира проявляет постыдное малодушие, и поражение оборачивается вдруг победой — над взрослыми! — а победа придает куражу! И вот уже пошел следующий виток, вот уже сделан следующий шаг за черту закона.

С. А. Все так, но, знаете, Борис Васильевич, мне все-таки кажется, что мы порой допускаем изрядный перегиб, перекаладывая ответственность на одни лишь взрослые плечи. Возьмите, например, проблему «рокеров». Читаешь некоторые публикации, особенно в молодежной печати, и, честное слово, просто зло берет. Возникло явление, несущее в себе существенную социальную опасность. Выводы: райком комсомола виноват — не организовал досуг. Исполком виноват — не выделил помещение под клуб. Милиция виновата — не показывает, как надо правильно ездить на мотоцикле. И в самом деле, нужно организовывать досуг, открывать клубы, учить ездить. Ну сами-то семнадцатилетние детки что, совсем лишены способности отвечать за себя, думать о других?

Б. Т. Вы абсолютно правы. И я не случайно сказал, что некогда намеревался снимать фильм прежде всего о жертвах, а не виновниках, но по ходу работы акценты заметно сместились. Одной из главных тем «Ночного экипажа» стала именно тема социальной ответственности, а точнее, безответственности молодых людей.

С. А. Я бы еще добавил — и правового невежества. Ведь «Петух» и компания, по-моему, даже не отдают себе отчета в том, что совершают преступления. Лошадь не украли, а так, пошутили, машину не

угнали, а взяли покататься, магнитофон у молодого таксиста отняли, — так это не грабеж, послушаем музыку — вернем. Ведь не случайно юный энциклопедист «Молодой» знает, какой длины достигают анаконды в Южной Америке (что само по себе похвально), но не знает, как характеризует Уголовный кодекс действия его друзей.

Б. Т. Думаю, что дело не в знании или незнании уголовных законов. Я не открою Америки, если скажу, что воры-рецидивисты знают уголовное право до тонкостей, лучше иных следователей, что никоим образом не мешает им воровать. Главная проблема в незнании, непонимании, неприятии законов нравственных, в неразвитости чувств. Эмоции, состояние человека, у которого увели лошадь, угнали машину, отняли магнитофон, попросту проходят мимо сознания «ночного экипажа», точно так же, как мимо сознания упомянутых вами «рокеров» проходит то, что в результате их прихоти одни люди не спят по ночам, другие, оказавшиеся в неурочный час в пути, подвергаются опасности. С сожалением должен констатировать, что нравственная глухота «Петуха» и его друзей отразила весьма распространенное явление. Я неоднократно показывал фильм в подростковой аудитории — в школах, ПТУ. Так вот, в дискуссиях, подчас весьма долгих, говорили обо всем и обо всех, кроме жертв «ночного экипажа». Их страдания для многих иных зрителей остались, увы, за кадром.

С. А. Жалуют в основном «Петуха»?

Б. Т. Да. Вопрос, с которого началась наша беседа: не слишком ли мы сурово обошлись с «ночным экипажем» — мне тоже доводилось слышать неоднократно.

С. А. Тем более что гибнут-то невинные: «Молодой», Мадонна, оказавшаяся с «экипажем» лишь затем, чтобы остановить его, гибнут в результате цепи нелепых случайностей...

Б. Т. Ни в коем случае! Я бы сказал — в результате жестокой закономерности. Случайность не в том, что машина «ночного экипажа» попала в аварию, а в том, что этого не произошло раньше. Высшая закономерность заключается в том, что за все в жизни приходится платить, причем платить по самому высокому счету.

С. А. Но вот парадокс: момент расплаты настает для Петухова именно тогда, когда он совершает самый, пожалуй, симпатичный, самый мужской поступок за всю картину — пытается увести милицию от Мадонны и «Молодого», чтобы самому одному ответить за все.

Б. Т. Да нет в этом никакого парадокса. Мужской поступок — прекрасно, в Петухове вообще много привлекательных, симпатичных черт, мы об этом уже говорили. Но кто сказал, что этот поступок со знаком плюс перечеркивает прежние прегрешения, что он отменяет ответственность за них?

В процессе работы над фильмом нам не раз говорили, что гораздо «воспитательнее» было бы завершить его судом над Петуховым, так сказать, свершившимся возмездием. Суд, безусловно, впереди, но его приговор, как бы суров он ни был, несопоставим с тем, который вынесла сама жизнь. Именно так, как расплату за содеянное, а вовсе не роковую случайность восприняли концовку фильма те юные зрители, с которыми мне довелось встречаться. И это вселяет в меня надежду, что наша лента заставит кого-то задуматься, поможет кому-то остановиться, не доходя до края пропасти.

О СУДЕБНЫХ УБЛИЖЕНИЯХ

*А. Я. Вышинский — активный деятель
и теоретик сталинских репрессий*

Сейчас, когда сорвана завеса тайны, окутывавшая преступления периода сталинизма, когда стало ясно, что под видом судебных процессов по контрреволюционным преступлениям (ст. ст. 58¹ — 58¹² УК РСФСР 1926 года) совершались массовые расправы с неугодными, встает вопрос о гарантиях против рецидива культа личности и связанных с ним кровавых злодейств. Задача нелегкая. Решение ее требует не только непреклонности, но и знаний. Надо иметь четкое представление о том, как находило почву, пускало корни, росло и плодоносило это древо, кто находил тень под его ветвями.

Судебные и внесудебные расправы были средством захвата и утверждения единоличной власти. Эта политика проводилась повсеместно на протяжении многих лет. Но неправильно было бы сводить ее к злой воле Сталина или к функционированию некоей обезличенной системы ОГПУ — НКВД — МГБ. У Сталина было немало рьяных подручных на всех ступенях карательной иерархии — от секретного доносчика-клеветника до маршала Берии. Каждое преступление совершал конкретный человек, конкретный преступник.

В то же время в органах государственной безопасности, в прокуратуре, в трибуналах, судах находились и честные коммунисты. Они открыто выступали против преследований или тайно пытались облегчить участь жертв беззакония. У полковника Свешникова из романа В. Дудинцева «Белые одежды» имелись реальные прототипы. Мало кто из них умер своей смертью. Надо знать и помнить и тех, и других.

В ряду таких имен, как Ежов, Ульрих, Берия, не должен быть забыт Андрей Януарьевич Вышинский.

Безымянный любитель черного юмора пустил когда-то по свету шуточку: одна из гениальных идей гениального Сталина — назначение главой прокуратуры бывшего меньшевика Вышинского. Действительно, он пребывал в меньшевиках с 1903 по 1920 год. А ведь одно упоминание о меньшевистском прошлом в 30-х годах могло заменить доказательства обвинения в любом преступлении. Тут уж стараться надо было, можно сказать, не за совесть, а за страх. Впрочем, нельзя утверждать, что судьба Вышинского была определена его прежним меньшевизмом. По сути — он делал то же, что и

названные Ульрих, Ежов с их безукоризненными анкетами. А с другой стороны, немало бывших меньшевиков, эсеров, кадетов, даже монархистов после Октября стали на сторону большевиков, чтобы самоотверженно служить народу. Вышинский же — особый случай. Из меньшевистской партии он перешел в РКП(б) в 1920 году, когда после побед над интервентами и основными силами белогвардейщины стало очевидным, что Советская власть — это прочно, навсегда. «Лучше умереть под красным знаменем, чем под забором», — разъяснял свое кредо приспособленец Моментальников в «Бане» Маяковского. На этой платформе, видимо, стоял и Вышинский. Вступив в правящую партию, он приложил свои недюжинные способности и знания к устройству карьеры. Магистральное направление определилось не сразу. В голодные годы Вышинский служил по продовольственной части. Когда начались преследования провинившихся новых советских чиновников, Вышинского, юриста по образованию, назначают прокурором уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР. Несколько лет он был ректором МГУ, ответственным сотрудником Наркомпроса РСФСР.

В 1931 году Вышинский возвращается на юридическую работу в качестве прокурора РСФСР. Затем его назначают заместителем прокурора Союза, а с 1935 по 1939 год он прокурор СССР. Вышинский приобретает громкую известность как один из выдающихся деятелей сталинского террора, обвинитель в сфальсифицированных политических процессах над прославленными революционерами, соратниками В. И. Ленина.

Почему, однако, эта роль досталась Вышинскому? Поучая своих подчиненных, Вышинский ярко писал о прокурорах, добывающихся осуждения любой ценой, даже вопреки невиновности обвиняемого. Он знал, о чем пишет. Потому что таким прокурором-авантюристом был сам. Когда доказательства обвинения противоречивы, сомнительны, Вышинский оказывался нужным человеком на нужном месте. Свою способность добиваться обвинительного приговора независимо от фактических обстоятельств дела он обнаружил загодя.

Еще в 1924 году Вышинскому довелось поддерживать обвинение по делу ленинградских судебных работников. Фактически в одном производстве были объединены совершенно не связанные между собой материалы о двух преступных сообществах. В результате на скамье подсудимых оказалось 43 человека. Неправильное соединение материалов, образование громоздкого необозримого дела способствовало ошибкам по существу. В частности, только в суде выяснилось, что у подсудимого Левензона надежное алиби: в момент, к которому относилась инкриминированная ему дача взятки, он сидел в тюрьме по другому делу. Казалось бы, прокурору здесь в самый раз отказаться от обвинения. Но не таков был Вышинский. По его мнению, если Левензон не имел возможности дать взятку лично, то вполне мог склонить к этому свою жену. В деле нет ничего, указывающего на переговоры супругов Левензон об этом. Ну и что! «Ведь каждому известно, — рассуждал прокурор, — что и тюремные нравы, и тюремная почта дают широкие возможности сговора. В этом отношении очень характерен эпизод с Боннель, получившей в тюрьму капот. В капоте был карман. В карман вшивается письмо. Письмо получается и идет обратно такой же почтой в другом капоте, который изображает почтовый баул, и переписка осуществляется самым энергичным образом. Очевидно, у Левензона тоже был «капот», был там карман, в котором было шито

письмо. При таких условиях подготовка могла идти путем переписки».

Этим остроумным рассуждениям присущ один, впрочем, существенный недостаток: подмена логики софистикой. Ведь из того, что заключенная Боннель вела переписку с помощью капота, отнюдь не следует, что подобную переписку вел и Левензон, ничего общего с Боннель не имевший. Ни перехваченных писем Левензона, ни показаний на сей счет в деле не было. Тем не менее Вышинский потребовал признать Левензона виновным в даче взятки и приговорить его к расстрелу.

Спустя много лет Вышинский привел свое выступление против Левензона как поучительный пример «применения индукции в практике советского процесса». При этом он умолчал, что в 1924 году Верховный суд РСФСР пренебрег этой мудреной «индукцией», оправдал Левензона, признав его невиновным.

В 30-х годах, когда страна осваивала Северный морской путь, на полярном острове Врангеля разыгралась драма. 26 декабря 1934 года с зимовки, расположенной на мысе Роджерса, выехали на двух нартах врач Николай Вульфсон и каюр Степан Старцев. 31 декабря Старцев вернулся и сказал, что в пурге потерял Вульфсона, пытался искать и не нашел. Были предприняты розыски. Вскоре нашли застопоренные нарты, собак, а через несколько дней и труп Вульфсона с обезображенным лицом. Эти события взволновали советскую общественность, особенно полярников. Откликнулась на них и зарубежная печать. Вышинский поручил расследование состоящему при нем следователю по важнейшим делам Л. Шейнину (известному впоследствии автору детективных сочинений). А затем сам выступил в качестве обвинителя в Верховном Суде РСФСР. Не так давно это дело приводилось в печати в подтверждение того, что Вышинский, если хотел, мог «исполнять на хорошем уровне свой прокурорский долг». Пример, по-моему, неудачный. Более того, на этом деле можно учиться, как не следует производить расследование и поддерживать обвинение. Так, Шейнин, занятый в то время политическими процессами, на остров Врангеля не выезжал. Следственный осмотр места происшествия и трупа не производился. Эскимосы-охотники, которые участвовали в розыске Вульфсона, об обстоятельствах его исчезновения и обнаружения трупа, о следах, о состоянии упряжки и прочем опрошены не были. Труп Вульфсона, его одежда, оружие, как и предполагаемое орудие преступления (ружье, принадлежащее подозреваемому Старцеву), не были предъявлены экспертам. Судебно-медицинский эксперт дал заключение о причинах смерти, не видя трупа, причем, переступив границы своей компетенции, сделал вывод, что имело место убийство. По вопросам о климате на острове Врангеля, об особенностях быта, ведения промысла, управления собачьими упряжками и т. п. вопреки закону экспертом был назначен непосредственный начальник одного из обвиняемых, к тому же допрошенный по данному делу в качестве свидетеля. Шейнин, а затем и Вышинский ограничились единственной версией, согласно которой в гибели Вульфсона виновны Семенчук и Старцев, хотя эта версия не объясняет некоторые существенные, бесспорно установленные обстоятельства. В то же время не были исследованы другие версии, которые находили основания в материалах дела: о совершении убийства биологом Вакуленко или местным шаманом, о гибели в схватке с белым медведем и др. Для обоснования обвинения Вышинский широко использовал

показания свидетелей, сообщавших не фактические данные, а свои предположения, подозрения. При явном дефиците доказательств Вышинский объявил Семенчука и Старцева виновными в убийстве Вульфсона и потребовал для них смертной казни. И суд приговорил подсудимых к расстрелу.

В этих процессах Вышинский оттачивал свое искусство софиста, способного без доказательств и вопреки доказательствам отстаивать любой заданный тезис, отработывал технологию судебных убийств.

А тем временем готовились казни, знаменующие собой пик террористической деятельности Сталина и его клики. Чтобы обеспечить единоличную диктаторскую власть над страной, было задумано истребление партийной интеллигенции, прежде всего ее выдающихся представителей, способных на политическое мышление и политическое действие. Основная черная работа—аресты, пытки, расстрелы — возлагалась на органы государственной безопасности. Но чтобы ввести в заблуждение общественное мнение в стране и за рубежом, было решено придать расправам внешнюю респектабельность. Этой цели служила инсценировка гласных судебных процессов. И лучшего режиссера, чем Вышинский, для таких спектаклей не нашлось.

Одним из этих процессов было «дело троцкистско-зиновьевского террористического центра», рассмотренное Военной коллегией Верховного Суда СССР 19—24 августа 1936 года. Среди шестнадцати подсудимых находились известные деятели партии, государства, международного коммунистического движения: первый председатель ВЦИК РСФСР, сменивший Ленина на посту председателя Совета Труда и Оборона, Л. Б. Каменев; бывший председатель Исполкома Коммунистического Интернационала, бывший руководитель ленинградских коммунистов Г. Е. Зиновьев. Последние несколько лет они были отстранены от политической жизни, подвергались незаконным арестам, ссылкам. В январе 1935 года Зиновьев и Каменев были преданы суду в связи с убийством С. М. Кирова. Тогда согласие подсудимых или какие-либо указания по террористическому акту против Кирова Военная коллегия признала неустановленными. Но было сочтено, что они знали о террористических настроениях ленинградской группы и сами разжигали эти настроения. За это Зиновьев был осужден к десяти, а Каменев — к пяти годам лишения свободы.

В августе 1936 года ставилась задача полного их уничтожения: и физического, и морального. Не только лишить жизни, но и оклеветать казненных, забросать грязью их доблестное революционное прошлое, их выдающиеся заслуги перед партией и народом. Дело опять рассматривала Военная коллегия под председательством Ульриха. Обвинение поддерживал Вышинский. На этот раз Зиновьев, Каменев и другие, преданные суду по этому делу, были обвинены в убийстве Кирова, а также в подготовке покушений на Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе. Это при том, что полтора года назад та же Военная коллегия с тем же Ульрихом во главе признала, что Зиновьев и Каменев согласны на убийство Кирова или каких-либо указаний в связи с убийством не давали.

Никаких новых доказательств причастности подсудимых к убийству Кирова не было и быть не могло. Осужденные за это преступление Л. Николаев и другие поспешно были расстреляны еще в декабре 1934 года. И Вышинскому на этот раз не оставалось ничего иного, как оперировать признаниями, выколоченными из обвиняе-

мых на предварительном следствии. Концы с концами не сходились. Так, подсудимый И. Н. Смирнов (по версии обвинения одна из главных фигур «объединенного центра») обратил внимание Военной коллегии, что находился непрерывно под стражей с января 1932 года, а потому физически не мог участвовать в инкриминированных ему подготовке убийства Кирова 1 декабря 1934 года и последующей террористической деятельности. Алиби, казалось бы, беспорочное. Но не для Вышинского. Он прибегает к приему, уже известному нам по делу Левензона и других: если Смирнов находился под стражей, значит, «организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами». Но как это могло быть при строжайшем контроле за политическими заключенными? Если налаживалась связь, то почему в деле нет перехваченных писем или хотя бы свидетелей, видевших эти письма? Ввиду явного неправдоподобия такой конструкции у Вышинского нашелся резервный вариант: «Но и это не решает вопроса, ибо в конце концов для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев и Каменев, ответственны за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе... Это элементарно, и на этом подробно, я думаю, можно и не останавливаться».

В действительности элементарно в этих путаных рассуждениях только грубое нарушение принципа виновной ответственности, одного из основных положений уголовного права. Согласно этому принципу, никто не должен отвечать за действия других лиц, если не знал о них, не желал и не мог их предвидеть. Тем не менее подсудимым было вменено в вину убийство Кирова, о котором они узнали только после его совершения.

Факты жизни и деятельности подсудимых, противоречащие обвинению, Вышинский переворачивал с ног на голову. Так, проникнутая скорбью неопубликованная статья Зиновьева о смерти Кирова истолкована в обвинительной речи как доказательство коварства подсудимого. Предисловие Каменева к переводу написанного в XVI веке трактата Никколо Макиавелли «Государь», по утверждению Вышинского, обличало подсудимых в приверженности макиавеллизму. И едва ли не решающим доводом обвинителя была брань. «Взбесившиеся псы капитализма», «лгуны и шуты, ничтожнейшие пигмеи, моськи и шавки», «подлейшие выродки», «притворщик в ослиной шкуре» — так изгалялся недавний меньшевик над соратниками Ленина.

По требованию Вышинского 24 августа все подсудимые — шестнадцать человек — были приговорены к расстрелу. На следующий день приговор приведен в исполнение в присутствии прокурора. Впоследствии все они были посмертно реабилитированы.

Январь 1937 года. Вышинский поддерживает обвинение по делу «параллельного антисоветского блока». На скамье подсудимых 17 человек. Среди них — руководители советской экономики Ю. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков, Я. А. Лившиц, Н. И. Муралов, ответственный сотрудник Коминтерна К. Б. Радек. На этот раз спектр обвинений шире, многообразнее. На первом плане — необходимые и достаточные для физического уничтожения подсудимых обвинения в подготовке террористических актов против Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Берии. Как о чем-то общеизвестном, не очень существенном, Вышинский вскользь упомянул, что Пятаков убил Кирова. Но даже

на этом фоне не меркли другие обвинения: во вредительстве, диверсиях, а кроме того, в шпионаже, в изменническом сговоре о территориальных уступках с известным Рудольфом Гессом и таинственным японским резидентом господином Х.

Но чем же можно подтвердить эти страшные обвинения?

Вышинский подобрал и представил суду речи Пятакова, Радека, Сокольников на партийных съездах, их статьи в печати за несколько лет, когда их позиция не получала поддержку большинства партийного руководства, не совпадала с генеральной линией. Так вот эти открытые, честные выступления прокурор использовал для изобличения подсудимых в «многолетней борьбе против СССР, против советского народа». В то же время статьи Радека и Пятакова, направленные против троцкизма, против Зиновьева, Каменева, Вышинский, прибегая к уже опробованному приему, цитирует как доказательство коварства, двурушничества авторов.

Исторгнутые путем физического и психического принуждения признания обвиняемых притягивали к реальным авариям на новых предприятиях, железнодорожным крушениям. Это не только придавало видимость правдоподобия, но и помогало списывать на вредительство и диверсии несчастные случаи в промышленности, на транспорте, участвовавшие из-за массовых арестов технической интеллигенции.

Невероятные же признания подсудимых в шпионаже, в изменническом сговоре с империалистами, в подготовке террористических актов не находили и тени подтверждения. Почему? Подобные вопросы неоднократно возникали в мировой печати по поводу уже прошедших процессов. На этот раз Вышинский решил ответить «по-научному». Чтобы облегчить задачу, он прежде всего шаржировал, оглупил известное требование о том, что признание обвиняемого, не получившее объективного подтверждения, утрачивает значение доказательства. «Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя. Нельзя требовать, чтобы к делам о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с требованием — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинение на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик».

Единственный документ, названный Вышинским в данной связи, — это программа, опубликованная за рубежом Троцким в его «Бюллетене». Но никаких упоминаний о подсудимых в этом «Бюллетене», естественно, и быть не могло. Рассуждая о силе, убедительности косвенных улик, Вышинский ссылается не на конкретные данные дела, а... на книгу английского юриста Уилза, написанную в прошлом веке. Единственный упоминаемый в речи «свидетель» — Логинов, представленный Вышинским как член «террористической группы Пятакова», заключенный под стражу по другому делу, то есть фактически обвиняемый, находившийся в руках истязателей.

Из дальнейшего, однако, выясняется, что можно обойтись и без улик, без свидетельских показаний и документов. Главное — были

бы признания подсудимых, а чтобы «отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судебного опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые провели не один десяток процессов, знают, когда обвиняемый говорит правду, а когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях».

Вышинскому и Ульриху их специфический опыт подсказывал одно и то же: признания в самых абсурдных обвинениях должны приниматься за истину.

Кокетливо имитируя объективность, Вышинский позволял себе и такие пассажи: «А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т. д.». Хитрое «и т. д.» здесь понадобилось, чтобы не называть принуждение, психическое и физическое насилие — причину ложных признаний, хорошо известную Вышинскому. Выяснение этой причины в его планы не входило.

Под отмеченные в стенограмме долго не смолкавшие аплодисменты всего зала Вышинский потребовал для всех подсудимых только одной меры наказания — расстрела, смерти. Суд приговорил к высшей мере наказания тринадцать человек. В тот же день Президиум ЦИК торопливо отклонил их ходатайства о помиловании, и приговор был приведен в исполнение. Четверых Военная коллегия осудила к лишению свободы на сроки от 8 до 10 лет. Все осужденные реабилитированы посмертно.

Март 1938 года. Военная коллегия рассматривает дело «антисоветского право-троцкистского блока». На скамье подсудимых 21 человек. Среди них сменивший В. И. Ленина на посту главы Советского правительства бывший председатель Совета Народных Комиссаров СССР А. И. Рыков, бывший член Политбюро ЦК ВКП(б) редактор «Правды» и «Известий» Н. И. Бухарин. Обвинения фантастические, чудовищные: заговор с целью ареста и убийства В. И. Ленина в 1918 году, когда шли переговоры о Брестском мире; организация посягательства на жизнь В. И. Ленина, совершенного эсеровской террористкой Ф. Каплан; убийство В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького и его сына М. А. Пешкова. Подсудимым вменялось также убийство С. М. Кирова, за которое к тому времени уже были расстреляны осужденные в процессах по делам «группы Николаева — Каталымова» (1934 г.), «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (1936 г.), «параллельного центра» (1937 г.). А кроме того, сотрудничество с английской, японской, германской, польской разведками, заговор с целью восстановления власти капиталистов и отторжения в пользу иностранных держав Украины, Белоруссии, Средней Азии, Дальнего Востока. И, конечно, вредительство. В частности, бывшего народного комиссара финансов Г. Ф. Гринько обвиняли в том, что, выполняя директиву Бухарина и Рыкова, с целью подрыва финансовой системы он поставил дело так, что вкладчикам в сберкассах «нужно было тратить массу времени, наталкиваться на всякого рода бесконечные неприятности и дерзость, грубость и невниманье...».

Есть в криминалистике понятие, называемое *modus operandi* — способ преступления. Давно уже замечено, что порой преступники вырабатывают некоторый набор индивидуальных, повторяемых от случая к случаю приемов, уловок. Эта эмпирическая закономерность используется для раскрытия преступлений. Такого рода

«почерк» Вышинского и его подручных все более и более отчетливо проступает от процесса к процессу. Так и на этот раз общеизвестные факты политических биографий Бухарина и Рыкова преподнесены Вышинским как «объективные» доказательства их преступной деятельности. Опубликованные в газетах воспоминания лечащего врача Л. Г. Левина о болезни и смерти А. М. Горького произвольно истолкованы как улики, якобы подтверждающие его вину в убийстве. Как и в предыдущих процессах, основной капитал обвинения составляли вырванные под пытками признания обвиняемых. Но возникали опасения, что этот «источник доказательств» ненадежен. Отчасти они подтвердились. Так, подсудимый Н. Н. Крестинский, большевик, дипломат ленинской школы, на предварительном следствии подписал показания с признанием в том, что продал за 250 тысяч золотых марок в год шпионские сведения германскому генеральному штабу. В суде же он заявил, что шпионажем не занимался, а показания подписал по принуждению. Вышинский назвал это заявление «троцкистской провокацией». Судебное заседание было прервано. А на следующий день Крестинский после соответствующей «обработки» подтвердил свои связи с германским генштабом.

Предвидя такие эксцессы, Вышинский позаботился обзавестись свидетелями обвинения. В этом качестве перед Военной коллегией предстали истерзанные многолетними преследованиями, морально раздавленные, питающие зыбкую надежду сохранить собственную жизнь бывшие левые коммунисты, левые эсеры В. Н. Яковлева, В. В. Осинцев, В. Н. Манцев, Б. Д. Камков, В. Д. Карелин. Они-то и говорили в суде о том, как вместе с Бухариным сговаривались арестовать и убить В. И. Ленина.

В. Р. Менжинский, В. В. Куйбышев, А. М. Горький и М. А. Пешков умерли каждый в своей постели после продолжительных тяжелых болезней. Не пытаюсь опровергнуть эти всем известные факты, Вышинский вплел их в свою обвинительную версию: дескать, смертельные исходы наступили в результате преднамеренного неправильного лечения, которое и явилось способом убийства. Так появились в деле «врачи-убийцы»: домашний врач А. М. Горького доктор медицинских наук Л. Г. Левин, профессора Д. Д. Плетнев, И. Н. Казаков.

Неприглядную роль сыграли в этом процессе назначенные экспертами Д. А. Бурмин, В. Д. Зипалов, В. Н. Виноградов, Н. А. Шерешевский, Д. М. Российский, по отзыву Вышинского, «выдающиеся деятели советской и мировой науки». Не поиск истины, а страх за собственную жизнь двигал ими. Но много от них и не ожидали.

— Можно ли считать установленным, что метод лечения был заведомо вредительским? — спрашивал Вышинский.

— Да, безусловно, можно считать, — покорно отвечали эксперты, забыв с перепугу, что их специальность — медицина, а не вопросы юридической квалификации действий своих бывших коллег.

Наряду с другими подсудимыми в обвинительной речи названы Казаков, Крючков, Максимов-Диковский. Но в чем они обвиняются, какие конкретные действия им приписывают, об этом Вышинский не обмолвился ни единым словом. Тем не менее и их он потребовал расстрелять. Военная коллегия поддержала прокурора. Через день после постановления приговора, 15 марта 1938 года, были казнены восемнадцать осужденных. Трое — Д. Д. Плетнев, Х. Г. Раковский, С. А. Бессонов — были приговорены к длительному лише-

нию свободы. Но это было не спасением, а лишь продолжением мук: в сентябре 1941 года и эти трое были расстреляны.

Двадцать осужденных из двадцати одного (т. е. за исключением Г. Ягоды, в отношении которого дело не пересматривалось) посмертно реабилитированы.

Шагая вверх по костям своих жертв, Вышинский делает головокружительную карьеру. В 1939 году он становится действительным членом Академии наук СССР, членом ЦК ВКП(б) и, наконец, заместителем председателя Совнаркома СССР. В этой должности он остается и после того, как в мае 1941 года председателем Совнаркома становится Сталин.

Избрание в Академию придавало практике судебных убийств некоторый теоретический ореол. Новому академику не хватало, однако, научного багажа. Кроме порядка уже устаревшего учебного курса по уголовному процессу, написанного во время университетской профессуры, отдельных статей в журналах и сборниках да пресловутых судебных речей, предъявить по этой части было нечего. Новому же научному сану приличествовали бы фундаментальные труды, монографии. Впрочем, за этим дело не стало.

В 1941 году появилась книга Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве». Особого внимания она не привлекла. В год начала Отечественной войны хватало дел и поважнее. А ведь произведение годилось не только для укрепления академического престижа. Оно содержало еще немало практических наставлений по судебной софистике, по фабрикации и обоснованию фальшивых обвинений.

Победа в Отечественной войне вызвала рост гражданского самосознания советских людей, обострение чувства социальной справедливости. Сталинский карательный аппарат реагировал на это новой волной репрессий. Забытая было книга вновь оказалась чрезвычайно кстати. Второе издание, предпринятое в 1946 году, исправленное и дополненное, было отмечено сталинской премией первой степени. Это означало одобрение, освещение, канонизацию идей автора, признание их незыблемости, неоспоримости. Интересная книга. Познакомимся с ней.

Вот передо мною третье издание 1950 года, самое исправленное, самое дополненное. Твердый темно-красный колленкоровый переплет с тиснением. Отличная плотная бумага. Ну а что же на этой бумаге под переплетом? Прежде всего трудно не заметить, что академик некоторым образом схалтурил. Вопреки названию монографии три ее главы из четырех посвящены не советской, а феодальной и капиталистической правовым системам. Только четвертая глава — «Советское доказательственное право» — хотя бы по названию соответствует титулу. Но и в ней еще страниц тридцать о буржуазной школе позитивного права.

Значительную часть книги заняли выдержки и комментарии из учебников Фойницкого, Владимирова, Демченко, Розина, Случевского, Тальберга и др., по которым до революции учился Вышинский в Киевском университете. И вперемежку — долженствующие придать сочинению современное звучание цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина, множество ссылок на «гениальный анализ процесса возникновения новых общественных идей», который «дал товарищ Сталин в своем замечательном труде «О диалектическом и историческом материализме».

Все это однако, относится к трем первым главам. Иной, дело-

вой, прикладной, можно сказать, характер носит заключительная глава. В этой части книга представляет собой самобытный труд.

Вот Вышинский затрагивает проблему объективной истины в судопроизводстве, лежащую на стыке философской гносеологии (теории познания) и теории доказательств. Прогрессивные советские и зарубежные ученые в решении данной проблемы исходили и исходят из диалектико-материалистического положения о принципиальной познаваемости любых явлений природы и общества. Из этого следует однозначный вывод о возможности и необходимости достижения истины, достоверного знания о преступлении и преступнике по любому делу.

У Вышинского, призванного к руководству прокуратурой для проведения политики массовых незаконных репрессий, такая теоретическая установка вызывала внутреннее сопротивление. Принципу достижения объективной истины в уголовном процессе он противопоставил свою концепцию, сводящуюся к тому, что «судебный приговор... является выражением максимальной вероятности». А что такое вероятность применительно к совершению преступления, к событию прошлого? Вероятность как максимальная, так и минимальная означает, что достоверного знания о данном преступлении у нас нет, и мы не можем точно сказать, совершено оно или нет и кем — обвиняемым или другим лицом. Установка на постановление обвинительного приговора, являющаяся «выражением вероятности» (все равно максимальной или минимальной, тем более, что и способов измерения нет), — это не иначе как теоретическое оправдание осуждения невиновных.

В монографии прямолинейно проводить эту установку Вышинский не решился, а расстаться не захотел. Поэтому он сначала заявляет о несогласии с буржуазными теоретиками, которые «исходят из признания, что судебные доказательства дают только *вероятность*, а не достоверность». На этот раз он как будто на стороне тех, кто требует установления в суде «абсолютной истины, т. е. истины, в точности соответствующей действительным фактам, действительности».

Что же это, новый Вышинский, осознавший прежние заблуждения? Да нет, через несколько страниц все становится на прежнее место: «В 1937 году в статье «Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе» я защищал позицию, отрицавшую целесообразность и возможность предъявлять суду требование установления абсолютной истины, потому что «условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос не с точки зрения абсолютной истины, а с точки зрения максимальной вероятности (правильнее было бы сказать: с точки зрения достоверности. — А. В.) тех или иных факторов, подлежащих судебной оценке. Я и сейчас держусь этой же точки зрения». Таким образом, коренной вопрос теории доказательств получил несколько логически несовместимых решений и в результате запутан совершенно. Но задача выполнена: достоверность противопоставлена истине, смазано качественное различие между достоверностью и вероятностью. Ничего опаснее для судопроизводства не придумать.

Одно из фундаментальных положений советского уголовного процесса состоит в том, что обвиняемый не несет бремени (обязанности) доказывания своей невиновности. Следовательно, прокурор, суд не должны делать против обвиняемого какие-либо выводы, основанные на том, что он не доказал то или иное обстоятельство в свою

защиту. Это, восходящее к нормам античного права, мудрое, гуманное правило закреплено в законе (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Отступая от него, суд может осудить и покарать гражданина не потому, что его вина объективно установлена, а потому, что он не смог или не захотел доказать свою невиновность.

С характерным для него двуличием решает этот вопрос Вышинский. Он пишет: «Решительно противоречит советскому принципу о бремени доказывания попытка подменить обязанность обвинителя доказать вину обвиняемого обязанностью последнего доказывать свою невиновность. Такие попытки явно извращают природу советского процессуального права...» Прекрасно. Но наряду с этим в той же книге сформулировано и запальчиво аргументируется совсем иное правило: «доказывание обстоятельств, опровергающих обвинение, входит в обязанность обвиняемого».

Последняя установка, конечно, облегчает жизнь следователей, прокуроров, судей, подверженных обвинительному уклону. Но она совершенно чужда принципам достижения объективной истины, обеспечения обвиняемому права на защиту. И явная логическая неувязка: по Вышинскому, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, но обязан опровергать обвинение. Абсурд. Ведь опровергать обвинение — это и есть доказывать невиновность.

В том же ключе решается Вышинским вопрос о доказательственном значении показаний обвиняемого. Он воспроизводит классическую критику феодального процесса, в котором признание обвиняемого считалось решающим доказательством — «царицей доказательств», одобряет следствие, которому «удается свести объяснения обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства». Но как же эти благочестивые пожелания соотносятся с личной практикой Вышинского, который в делах о пресловутых «центрах», «блоках» требовал и добивался расстрела десятков обвиняемых, не располагая никакими доказательствами, кроме их объяснений? Это, с точки зрения Вышинского, случаи, когда, как говорится, по нужде и закону перемена бывает. Для «дел об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах» он формулирует противоположное правило: «объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств».

Таким образом, бесчеловечная практика манипулирования исторгнутыми пыткой признаниями была возведена в ранг последнего слова науки.

Возникает вопрос: надо ли вспоминать об этом сейчас, когда Вышинского давно уже нет на свете? Надо.

В период сталинизма Вышинский твердо занимал пост юриста № 1, вождя юридической науки. Используя свое высокое служебное положение и незаурядные способности, он очень много сделал, чтобы извратить советскую правовую теорию, советское законодательство, приспособив их к антинародной репрессивной политике Сталина. Приказами, инструкциями, псевдонаучными трудами, личным примером Вышинский насаждал пренебрежение истинной и правами личности, бесчеловечность, презрение к закону, вульгаризацию и извращение марксистско-ленинской философии. Десятки лет это распространялось на следственную и судебную практику, на научную, методическую и учебную литературу, пускало глубокие корни в сознании не одного поколения юристов. Отростки

от этих корней время от времени по сей день выходят на поверхность. И тогда мы обнаруживаем произвольные привлечения к уголовной ответственности, применение незаконных приемов допроса, осуждение невиновных, игнорирование их жалоб вышестоящими судами.

Забыть об этом нельзя. Искоренение подобных реликтов — одна из задач правовой реформы, к проведению которой нас призвала XIX Всесоюзная конференция КПСС.

А. ЛАРИН,
доктор юридических наук

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В издательстве «Международные отношения» вышел в свет Сборник международных договоров о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам.

Взаимовыгодные связи между государствами с каждым годом становятся все шире. Важным элементом добрососедских отношений является надлежащее урегулирование личных и имущественных правоотношений, возникающих между гражданами и юридическими лицами разных государств. Это необходимо для того, чтобы каждый гражданин, находясь на территории любого государства, вступая в определенные правоотношения с гражданами и организациями другого государства или приобретая какие-либо права за границей (например, право на наследство), мог руководствоваться определенными, согласованными между государствами правилами реализации и защиты своих прав и законных интересов. Ведь многие вопросы, в частности, такие, как правоспособность и дееспособность граждан и юридических лиц на территории иностранного государства, заключение и расторжение браков между гражданами различных государств, определение личных и имущественных правоотношений супругов, родителей и детей в смешанных браках, права наследования и распоряжение наследственным имуществом на территории другого государства и многие другие вопросы в разных странах решаются неодинаково.

Именно поэтому между государствами заключаются двусторонние и многосторонние договоры об оказании взаимной правовой помощи. Их задача — единообразное регулирование правоотношений, возникающих между гражданами и организациями договаривающихся государств, установление наиболее приемлемого для участников каждого договора порядка разрешения гражданско-правовых споров и иных правовых вопросов, а также определение органов, компетентных рассматривать спор.

Предлагаемый сборник содержит тексты всех действующих в настоящее время двусторонних договоров о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, заключенных СССР с социалистическими и другими государствами, правовых актов, регулирующих порядок исполнения этих договоров на территории СССР, а также образцы документов, составляемых судами и другими правоохранительными учреждениями при выполнении поручений и обязательств.

Пунктирная линия

ПОВЕСТЬ*

— Мне сказали, что Дмитрия Алексеевича теперь отпустят? — спросила Яковлева, когда полковник усадил ее в кресло и сам сел напротив. Была она миловидна и женственна. Но в годах. «Лет сорок, не меньше, — подумал Корнилов. — И за собой следит. Молодец».

— Да. Сегодня же. Принесем извинения и отпустим.

— Никакими извинениями не залечишь обиду. Когда арестовывают невинного человека — это трагедия.

— Бабушкина не арестовывали, а задержали.

— Какая разница! Эти юридические тонкости понятны только юристам.

— Александра Васильевна, поставьте себя на наше место: рядом с квартирой Бабушкина находят труп, в квартире — почти сто тысяч рублей, принадлежащих убитому. И нам становится известно, что у Дмитрия Алексеевича были серьезные причины ненавидеть убитого!

— Какие?

— Вам ничего не рассказал капитан Филин?

— Капитан? — Она улыбнулась. — Этот рыжий юноша капитан? Он ничего не сказал. Значит, Дима знал убитого?

— Да. — Корнилов рассказал ей о Романычеве. Он и пригласил Яковлеву к себе ради этого. Надеялся, что от Александры Васильевны узнает какие-нибудь подробности о судьбе Бабушкина-старшего.

— Дима говорил о любознательном деде, который ездит с ним на экскурсии... — Она замолчала, вспоминая, что еще слышала от Бабушкина. — Но он ни разу не связал этого деда с отцом. Убеждена, даже имени его не знал. Правда. У нас друг от друга сек-

* Продолжение. Начало в №№ 9, 10.

ретов нет. Но, если бы Дима понимал, кто перед ним, он никогда бы не стал марать руки. А взять деньги? Вы его совсем не знаете!

— Откуда же, только вчера познакомились.

Женщине почудилась в его словах насмешка, и она посмотрела на полковника с укоризной.

— Не сердитесь,— виновато улыбнулся Игорь Васильевич,— нет, да и прорвется милицейский юмор.

— Что вы, что вы! — горячо, даже слишком горячо, запротестовала Александра Васильевна.— У вас, и правда, не было времени поближе познакомиться с Димой.

— Вы уверены, что Дмитрий Алексеевич не стал бы мстить? Наверное, я не то слово употребил, слишком старомодное? Но ведь это по-человечески так понятно! — Заметив, что Яковлева собирается возразить, полковник уточнил:— Я не про убийство говорю, но уж пощечину-то публичную заслужил этот подонок! — Он досадливо поморщился: «Какая пощечина! Капитон погубил невинного!»

Женщина молчала.

— Бабушкин ведь писал в прокуратуру, в Верховный суд? Значит, ему не безразлично доброе имя отца!

— Писал... Диме ответили: оснований для пересмотра нет. Что же делать?! Самое страшное — заикнуться. Можно убить на поиски правды все силы. Жизнь. У меня тяжело болен папа...

— Да, я слышал.

— Много лет назад папу незаконно уволили из научно-исследовательского института. Он был хороший специалист по гидротехнике — его приглашали на работу в другие места. Уговаривали. Но папа сказал: правда на моей стороне, я им докажу! Восемь лет он воевал. Его то восстанавливали, то снова увольняли. Искли любой повод. В конце концов он добился своего, но стал инвалидом. Последние годы уже не встает с постели. Нет! Я не хочу для Димы такой судьбы.

«Может быть, им так проще? — подумал Корнилов, когда женщина ушла.— Одно дело — воевать за живого человека, другое — за доброе имя погибшего. Самого человека не вернешь, а доброе имя... Уйдут эти люди — уйдет и всякая память о Бабушкине. Останутся несколько десятков страниц судебного дела. Кстати, кем-то уже разоренного».

Может быть, напрасно терял он время на долгие разговоры с родными Бабушкина, с отцом Никифором? Никто, оказывается, не горит желанием восстановить истину! Ну что ж, его обязанность — найти убийцу. Он и будет этим заниматься. И здесь уже не имеет значения, хорошего или плохого человека убили.

Дверь в кабинет осторожно приоткрылась — заглянул Бугаев.

— Входи, Семен,— пригласил Корнилов и показал на кресло.

Майор был непривычно тих и молчалив.

— Чем порадуешь?

— «Ходить бывает склизко по камешкам иным»,— продекламировал вместо ответа майор.— Филин мне рассказал про алиби Бабушкина.

— А как твои поиски? Узнал, где отдыхала Мария Гавриловна Савина?

— В поселке Сива Пермской губернии. Я отыскал двух свидетельниц.

— И что же они сообщили?

— Теперь это мало что значит.

— Ты докладывай! Оценивать будем потом.

— Баул...— Бугаев вспомнил препирательства с Бабушкиным и пожалел, что так и не заглянул в энциклопедию, чтобы выяснить разницу между баулом и саквояжем.— Саквояж пермячки у старика видели. Обращался дедушка с ним довольно небрежно — даже на полку забросил. Факта передачи саквояжа экскурсоводу девчата не зафиксировали. Шофер, кроме дороги и автоинспекторов, вообще ничего не видел. Так что хлопоты мои оказались напрасными.

Игорь Васильевич нахмурился.

— Легкомысленный ты человек, Сеня. Не обижайся. Не слишком утруждаешь себя раздумьями, голову жалеешь. Если Романович в субботу с саквояжем по экскурсиям разъезжал, а вечером его уже убили, то вывод можно сделать только один: в отношении этих денег у него был какой-то план. То ли он хотел перепрятать их, то ли кому-то передать.

— Бабушкину? — с ехидцей спросил майор.— В качестве компенсации?

— А почему бы и нет? — серьезно ответил Корнилов.— Только теперь мы этого никогда не узнаем.

— Может быть, Медников прав? — сказал Семен.— Убийство совершил человек, ничем не связанный со стариком, не подозревавший о деньгах. Затащил труп в разрушенный дом, осмотрел карманы, нашел ключи...

— А ты придерживаешься взглядов своего непосредственного начальства? — подозрительно спросил Корнилов.— Что-то раньше я не замечал за тобой такой привычки.

— У меня своя версия была. Была да смыла. Будем Бабушкина отпускать?

— И приносить извинения. Сейчас позвоню Медникову. Надо у него согласие получить. Да неплохо бы и извинение вместе принести. Ответственность пополам.

17

Дмитрий Алексеевич Бабушкин выглядел утомленным. Больше всего Корнилова поразило, что он небрит. Светлая с сединой щетина росла в разные стороны. А головы седина еще не коснулась.

— Что же вы, Дмитрий Алексеевич, дали себе слабину? — спросил полковник.— Или нечем бриться?

Бабушкин не ответил.

Здесь, на стуле, перед Корниловым сидели разные люди, нередко доставленные, как и Бабушкин, из внутренней тюрьмы. Опустившиеся и несломленные, заискивающие и готовые броситься на хозяина кабинета с кулаками, безразличные ко всему на свете и педантично заботящиеся о своей внешности. По тому, как они выглядели, можно было судить о многом. Корнилов всегда был предельно внимателен к эмоциональному состоянию посетителей кабинета — порой это давало поразительные результаты. Но интерес полковника к Бабушкину выходил за рамки служебного. Несложившаяся, судя по всему, судьба этого сорокапятилетнего экскурсовода из Бюро путешествий была, по его мнению, как-то связана с трагедией

старшего Бабушкина, с трагедией, к которой Игорю Васильевичу пришлось прикоснуться.

— Следователь вынес постановление об освобождении вас из-под стражи...

Апатия на лице Бабушкина сменилась радостной улыбкой. Так улыбается мальчишка, когда мать наконец разрешает ему пойти погулять на улицу, куда его давно уже высвистывают приятели.

— Следствие по делу об убийстве Романычева еще не закончено. Поэтому вам не разрешается покидать город,— добавил Корнилов.

Улыбка угасла и обернулась разочарованной гримасой. Нет, Бабушкин совсем не умел скрывать свои эмоции.

— Значит, я по-прежнему на подозрении?

— Подозреваемых в таком тяжком преступлении мы не отпускаем. Сейчас вы вернетесь в камеру, возьмете свои вещи и можете ехать домой. К вам на службу я позвоню. Только, Дмитрий Алексеевич, мне хотелось поговорить с вами... на другую тему.

— Пожалуйста!

— Что вы знаете о судьбе своего отца?

— Наверное, все,— вопрос Корнилова не вызвал у него никаких эмоций.— Мама до сих пор скрывает от меня правду, но когда я поступал в институт, тетка мне все рассказала. Надо же заполнять анкеты, писать автобиографию. Тетка сказала— хуже будет, если тебя уличат во вранье. Никому не докажешь, что ты ничего не знал. Она права.

— Это не помешало вам поступить в институт?

— А я выбрал педагогический,— Бабушкин усмехнулся.— Парни там были в почете. А потом, в деле папы не было никакой политики, да и времена изменились.

— Вам никогда не приходила мысль о судебной ошибке?

— Приходила. Мы все уверены, что произошла ошибка. Я писал прокурору Союза, ответили, что оснований к пересмотру дела нет.

— Елизавета Станиславовна рассказала мне, что вы ходили и к прокурору города.— Корнилов решил не скрывать своего посещения Бабушкиных. Все равно Дмитрию Алексеевичу об этом расскажут.

Бабушкин вздохнул, и лицо его исказила болезненная гримаса.

— Мне не хотелось бы говорить об этом...— Он дернулся и неожиданно повысил голос,— скажите, а к чему все эти вопросы?! Прошло столько лет!

— Может быть, действительно произошла судебная ошибка,— сказал Корнилов.

— Разве можно теперь что-нибудь поправить? Тетка мне все время твердит: «Надо добиваться!» «Надо ходить!» «Надо писать!» Куда писать? Прокуратура СССР мне уже ответила! В Верховный Совет? В ООН? — он помолчал и добавил: — Я пообещал тетке сходить в городскую прокуратуру, побеседовать с начальством. Поймите же — тетя очень больна. Неизлечимо. Это чудо, что она еще живет, не хотелось ее огорчать. Для нас отец навсегда останется честным. Но что же делать, раз обстоятельства так сложились?

— Недавно я встретил человека, который оклеветал вашего отца,— сказал полковник.

— И он готов это подтвердить?

— Был готов. Но его убили на Каменном острове, рядом с вашим домом.

Лицо Бабушкина окаменело. Он долго молчал, глядя на полковника невидящими глазами. Потом легонько встряхнул головой, словно помогая себе вернуться откуда-то издалека в кабинет, сказал:

— И это все... весь разговор об отце для того, чтобы обвинить меня в убийстве?

Игорю Васильевичу стало не по себе. Бабушкин ему не верил.

— Дмитрий Алексеевич, вы освобождены из-под стражи. Да, у нас были подозрения. Согласитесь сами — саквояж старика Романычева...

— Ах, да! Эта куча денег... Вот уж не предполагал, что с миллионом ездят на экскурсии!

— Девяносто три тысячи. Но дело в другом...

— Конечно, конечно,— закивал Бабушкин.— Дело в том, что вы знали, где искать! Сразу пришли ко мне.

— За два дня до убийства старик признался, что оклеветал вашего отца...

— Скажите, я могу сейчас уйти и поехать домой?

— Можете, вы свободны.

— И за мной не будут следить, не арестуют снова?

— Дмитрий Алексеевич!

— Это я на всякий случай,— он встал.— В камере я ничего нужного не оставил, возвращаться туда не буду. Я пойду?

Корнилов тоже поднялся.

— Еще один вопрос... Ваша тетушка сказала, что в Бюро путешествий крупные злоупотребления. И вы писали письмо директору, а вам стали грозить...

— Простите,— прервал полковника Бабушкин.— Эту тему я не хочу обсуждать. Тетушка просто не в курсе дела.

— Мы можем проверить все и без вашего участия,— полковник подумал, что экскурсовод боится.

— Нет, нет и нет! Пожалуйста, не принимайте всерьез слова Елизаветы Станиславовны.

— Смотрите сами,— с сомнением произнес Корнилов.— Сейчас я попрошу оформить документы.— Он позвонил Бугаеву, попросил сделать все немедленно.

Бабушкин, несмотря на приглашение, больше не сел. Стоял посередине кабинета, внимательно прислушиваясь к разговору Корнилова по телефону. Положив трубку, Игорь Васильевич спросил:

— Может быть, вы знаете кого-то из сотрудников отца?

— Слава богу, никого не знаю. И знать не хочу! — Дмитрий Алексеевич выжидательно посмотрел на Корнилова. Как будто хотел сказать: «Ну, какие еще будут вопросы?»

Но у полковника пропала охота спрашивать. Он только написал на листке бумаги свой телефон.

Когда Бугаев, оформив пропуск, пришел, чтобы проводить Дмитрия Алексеевича, полковник подал Бабушкину бумажку:

— Будет нужда, позвоните.

Он позвонил через полчаса, наверное, еще не доехав до дома. Может быть, звонил от своей приятельницы Александры Васильевны.

— Это ваш подследственный Бабушкин. Не узнали? — сказал он, явно бравируя. Голос его по телефону звучал звонко.— Я не ответил на вопрос о махинаторах из Бюро путешествий. Помните?

— Помню.

— Это вас действительно интересует? — И, не дождавшись ответа, продолжал: — Вы только на меня не сердитесь, я иногда бываю

злым. Так вот — никаких писем на наших жуликов я не писал. Рассказал как-то тетушке, так она мне месяц покоя не давала. Все требовала вывести их на чистую воду. Я ей и соврал. Сказал, что написал письмо. Но какой толк был бы от него? Бросили бы в корзину и забыли. Без толку это все! Без тол-ку! И к прокурору города я не ходил. По отцовскому делу. Вы только тетушке не говорите, ладно? А то она расстроится.— И Бабушкин повесил трубку.

18

Рано утром Корнилова разбудил телефонный звонок. Он привык к звонкам в любое время суток. Даже спал теперь один, в кабинете, чтобы не тревожить среди ночи жену. Телефонный аппарат ставил всегда на полу, рядом с диваном: удобно — протянул руку и поднял трубку...

Дежурный по Управлению доложил, что во дворе дома на улице Гоголя обнаружен тяжело раненный журналист Лежнев.

— Выезжаю,— сказал Корнилов, и спазм сдавил ему горло. Он положил трубку и несколько секунд сидел не двигаясь. И в эти секунды пронзительно, до боли пронзительно ощутил собственную малость, горькое чувство оттого, что не может предугадать, предотвратить событий, касающихся его так прямо, так непосредственно.

Пока он одевался, снова зазвонил телефон.

— Игорь Васильевич, с Борей несчастье! — Голос звонившей женщины он узнал сразу.

— Верочка, ты где? — спросил Корнилов. Наверное, Лежнева не расслышала его вопроса.

— Его нашли на улице Гоголя,— продолжала она, всхлипывая.— Два ранения. В грудь и живот. В больнице говорят: потерял много крови. Как он попал на улицу Гоголя?! Он же поехал в Гатчину, по вашему делу...

— Материал для очерка?

— Ну да! Обещал быть к десяти. И не пришел. Мы с мамой не спали всю ночь, звонили в милицию, в больницы. Сейчас его привезли в Военно-медицинскую академию...

— Как он?

— Сказали, надежды мало.— Она снова заплакала.

— Где тебя найти? — спросил Корнилов.— Я подъеду через пятнадцать минут.— Он перезвонил дежурному. Сказал, что едет в Военно-медицинскую академию. Посмотрел на часы: половина шестого. Минут через семь он был уже у хирургического отделения.

Вера Лежнева стояла у окна, одна в пустом вестибюле. Услышав шаги, она обернулась, прошептала:

— Игорь Васильевич...— И беззвучно заплакала.

— На каком этаже? — спросил Корнилов нарочито по-деловому.

— На третьем. Пять минут назад приходил хирург. Все без изменений...

— Подожди меня. Может быть, сумею пройти к Борису...

Он направился к старику, дремавшему на контроле. Когда Корнилов подошел, старик открыл глаза и почему-то встал.

— Халат найдется? — спросил Игорь Васильевич.

— Гардеробщица еще не пришла,— ответил старик.— Вам в отделении дадут.

— Хирурга зовут Юрий Алексеевич! — крикнула Вера Михайловна, и ее голос звонко разнесся по пустому вестибюлю.

Дежурный укоризненно покачал головой.

Оказалось, что Юрий Алексеевич, пожилой, усталый человек — дежурный врач, лишь принимал Лежнева и вызывал на операцию бригаду хирургов. Операция началась час назад. Когда она закончится, сказать трудно. Еще труднее предсказать результат. Особенно опасна рана в живот. И еще большая потеря крови.

— Вы внимательно осмотрели Лежнева?

Врач взглянул на Корнилова с удивлением.

— Меня тревожит вопрос, не было ли у него на теле следов борьбы, ударов, царапин.

Юрий Алексеевич задумался. Наконец сказал не особенно уверенно:

— Меня волновало, как вы понимаете, другое... Но сейчас вспоминаю — ничего подобного на теле раненого я не заметил. Впрочем, это лишь мое первое впечатление.

— А судмедэксперт не сможет осмотреть Бориса Андреевича?

— Поговорите с начальником отделения. Только у нас есть и свои специалисты,— сказал врач холодно, но, неожиданно сменив тон, заинтересовался: — Игорь Васильевич, а вы здесь только по долгу службы?..

— Лежнев мой старый товарищ. И еще у меня такое предчувствие...— Он хотел сказать, что считает себя виновником случившегося, но передумал.

— Понятно...— машинально отозвался врач, но по его лицу было видно, что вопросы у него остались.— Вы запишите мой телефон, часа через два позвоните. Я здесь до шестнадцати. И еще телефон начальника отделения. Его зовут Аркадий Степанович...

Корнилов спросил, где находится одежда Лежнева.

— Вы хотите посмотреть?

— Да.

Юрий Алексеевич помолчал в нерешительности.

— Это вам необходимо по службе?

— Необходимо по службе.— Игорю Васильевичу не хотелось вдаваться в подробности.

— Марина! — позвал дежурный сестру, читавшую книгу за столом, на котором уютно горела настольная лампа. Девушка отодвинула книгу, посмотрела в их сторону.— Проводите, пожалуйста, товарища полковника в приемное отделение. Пускай покажут ему одежду Лежнева. А я пока посижу за вашим столом. Что вы читаете?

— Курс гистологии.

По лицу дежурного пробежала легкая гримаса разочарования. Ему-то, наверное, хотелось, чтобы это был роман.

— Мне можно будет задержать Марину минут на десять? — спросил Корнилов.— При осмотре одежды потребуются понятия.

Врач взглянул на Марину. Похоже, любой вопрос приводил его в замешательство.

— Мы там найдем вам понятий сколько угодно,— сказала Марина.— Не беспокойтесь.

На большом служебном лифте они спустились на первый этаж. Потом прошли по широкому гулкому коридору до стеклянных дверей с надписью «Приемное отделение». В большой комнате, за столом, сидел черноволосый молодой мужчина в белом халате и что-то быстро писал. Две медсестры тихо разговаривали.

— Грант Александрович, товарищу из милиции нужно показать одежду Лежнева,— сказала Марина.

Не отрываясь от своих записей, черноволосый окликнул одну из разговаривающих медсестер:

— Елена Ивановна, помогите найти одежду.

С горьким чувством Корнилов взял легкую кожаную курточку Бориса. Одна пола ее заскорузла от крови. Отверстия от пуль были только на спине. Выходные. Значит, в момент выстрела куртка на груди была распахнута.

Медсестра положила на стол перед полковником журналистский билет Лежнева, немного денег, водительские права и техпаспорт на машину, японские часы. Часы как ни в чем не бывало продолжали ходить.

«Интересно, где Борина машина?» — подумал Корнилов и спросил у медсестры:

— Ключей в карманах не нашли? Записную книжку?

— Может быть, в брюках? Я сейчас проверю.

Записная книжка оказалась в брючном кармане. «Тоже мне сыщики,— неодобрительно подумал полковник о тех, кто первым прибыл на место происшествия.— Уж записную книжку должны были найти!»

Ключей ни от машины, ни от дома в карманах брюк не оказалось.

За легкой перегородкой кто-то застонал.

— Ничего, больной, потерпите,— уговаривал мягкий мужской голос.— Сейчас станет легче. Еще один укольчик...

Медсестра принесла Корнилову несколько листов бумаги. Пишущей машинки в приемном покое не оказалось, и полковнику пришлось писать протокол осмотра одежды Лежнева и изъятия вещей авторучкой. Он дал Елене Ивановне расписаться и оглянулся, ища глазами вторую сестру. Ее не было, но в это время опять вошла Марина.

— Товарищ Корнилов,— сказала она,— операция прошла хорошо. Теперь вся надежда на вашего друга. Так сказал Вознесенский.

Эту фамилию Игорь Васильевич знал. Вознесенский был одним из лучших хирургов города.

— Спасибо, Марина. Вы не подпишете протокол?

— Я подпишу,— подал голос Грант Александрович, все еще продолжавший писать за своим столом. Он встал, распрямил плечи.— Чертова писанина! Скоро схлопочу геморрой!

Он подошел к Корнилову, протянул руку:

— Капитан Мирзоян. Давайте ваш протокол. Я хоть и не поднимал головы, но все слышал. И пациента при мне привезли,— Мирзоян лихо вывел похожую на китайский иероглиф подпись. Корнилов обратил внимание на то, что у капитана золотой «паркер».— Будет чудо, если этот человек выкарабкается. Но мы в эпоху чудес и живем,— он с усмешкой покосился на свой стол, где лежали несколько историй болезней, исписанных быстрым, летучим почерком.— Елена Ивановна, не выпить ли нам кофе с коньячком? А товарищ полковник составит нам компанию.

— Грант Александрович, не доведут вас до добра разговоры про коньячок,— сказала медсестра и включила самовар, стоявший на отдельном столике.

— Пить нельзя, так хоть поговорить всласть! — засмеялся капи-

тан. И, увидев все еще стоящую у дверей Марину, спросил: — А ты, красавица, не выпьешь с нами?

— Выпила бы! И кофе, и коньяку, да надо на этаж.

— И я спешу, — сказал Корнилов. — Спасибо за приглашение.

— Вы, товарищ полковник, не пугайтесь, у нас никакого коньяка нет. Даже спирта не нюхаем. Это я так — какой армянин откажет себе в удовольствии поговорить о коньяке? Вот «Двин», например...

— Прекрасный коньяк, — улыбнулся Игорь Васильевич и протянул руку капитану. — Выздоровеет мой друг — обязательно приеду к вам с «Двином».

Потом они опять шли с Мариной по коридору, но теперь он уже не был таким пустынным и гулким — двое солдат в белых халатах вытирали швабрами кафельный пол, у раскрытых дверей одной из палат стояла группа врачей.

— Вы не будете подниматься вверх? — спросила Марина.

— Нет. В вестибюле меня ждет жена Лежнева.

— Тогда вам сюда, — девушка показала на маленькую дверь. — У вас есть телефон отделения? Запишите, — она продиктовала номер.

Корнилов записал его на обороте только что составленного протокола.

— Потеряете, — сказала девушка.

— Не потеряю, Марина. Спасибо вам за помощь.

«Может быть, следовало бы дать ей свой телефон? — подумал полковник по дороге к выходу. — Она бы звонила, сообщала о состоянии Бориса. Да нет, сам буду справляться, сестры ведь дежурят раз в трое суток».

Вера уже знала, что операция прошла хорошо — к ней спускался один из ассистентов хирурга. Он тоже повторил ей слова шефа: «Теперь надежда только на вашего мужа».

Корнилов предложил довести ее до дома. Но Лежнева отказалась.

— Пройдусь до метро.

— Борис уехал вчера на машине? — спросил Корнилов.

— Да, на машине. Я про нее и забыла. Она цела?

— Сейчас приеду на службу, выясню. Но ключей у него в карманах не было никаких.

— Может быть, выронил, пока везли на «скорой»?

— Может быть, — согласился Игорь Васильевич. — Я уточню. — Он отдал Вере часы и деньги мужа.

— Придет в себя, принесешь ему часы, — улыбнулся он. — А записную книжку и права я пока оставляю. Да, еще хотел тебя спросить: когда Борис собирал материалы для своих очерков, где он вел записи?

— Он брал с собой диктофон. Потом я должна была с него печатать. Такая морока... — Она улыбнулась грустной улыбкой.

— И вчера уехал с магнитофоном?

— Да, японский, совсем маленький. Помещается в кармане. А что, его тоже нет?

— Пока не знаю. Позвоню тебе позже, все, что узнаю, расскажу.

Корнилов сел в машину и резко рванул с места. «Чертов старик!» — подумал он о Капитоне. И повторил вслух: — Чертов старик!

Из госпиталя Игорь Васильевич приехал на Литейный. Сварил кофе, побрился. Если была нужда, он спал на диване, в рабочем кабинете. Для таких случаев он специально держал в шкафу электробритву, кофеварку, легкое шерстяное одеяло, подушку и еще много различных необходимых предметов.

Только сейчас он почувствовал, что напряжение, овладевшее им после звонка Лежневой, начинает понемногу ослабевать. Горькое чувство беспомощности, заглушенное на время необходимостью действовать, снова овладело им. Корнилов не мог отделаться от ощущения утраты. Две пули — в легкое и в живот — он знал, чем это кончается.

Дежурный по управлению доложил, что на место происшествия выезжали сотрудники Октябрьского райотдела.

— Я сейчас тоже туда подъеду, — сказал Корнилов. — Попроси, чтобы сотрудник угро, выезжавший ночью, ждал меня около дома.

— Оперативка как всегда?

Корнилов посмотрел на часы — без четверти восемь. Он решил, что двух часов ему вполне хватит.

— Да, как всегда. Если меня не будет, пусть проводит Драницын.

Подполковник Драницын был его замом.

Как только машина — теперь уже служебная «Волга» — притормозила у дома семнадцать по улице Гоголя, из людского потока навстречу Корнилову шагнул высокий молодой человек.

Поздоровался негромко и как-то очень буднично:

— Здравствуйте, Игорь Васильевич! — Будто бы знал, что Корнилов не терпит при выезде на место происшествия формальных церемоний.

Пожимая протянутую руку, он тихо добавил:

— Лейтенант Дашков из Октябрьского отдела.

Полковник с одобрением отметил, что парень ничем не выделяется среди прохожих — ни своей одеждой, ни манерой поведения.

— Никаких новостей? — спросил он.

— Есть новости, Игорь Васильевич. Час назад нам позвонила женщина. Сказала, что ночью встала принять лекарство и обратила внимание, что в доме семнадцать, напротив, на четвертом этаже светятся несколько окон...

Корнилов осторожно, чтобы не привлекать внимания, окинул взглядом фасад. Окна в доме были большие, красивые, без переплетов. Четвертый и пятый этажи когда-то надстраивали — между ними и третьим этажом тянулся узкий карниз.

— ...И в этот момент в окно вылез мужчина, пошел по карнизу, — продолжал Дашков. — Он останавливался у каждого окна и пробовал открыть. Одно — свидетельница не запомнила какое — оказалось не заперто. Мужчина залез в него. Света не зажигал и минут через пять появился с портфелем. Вернулся тем же путем, и сразу в окнах погас свет.

— Лежнева нашли здесь?

— Нет. Во дворе. Там есть лестница черного хода.

— Дом жилой?

— Все этажи, кроме пятого, занимает научно-исследовательский институт «Геологоразведка», на пятом — две квартиры.

— Почему эта женщина не позвонила в милицию сразу?

— У нее нет телефона. А утром пошла в магазин и в очереди узнала, что в доме семнадцать убили человека. Сейчас женщина у нас. Дает показания.

— Она могла бы узнать этого «верхолаза»?

— Игорь Васильевич, я с ней не встречался. Позвонили с Лейтеного, что вы едете...

— Понятно...— сказал Корнилов, думая о том, что Лежнев не стал бы путешествовать по карнизам, не стал бы залезать в чужую квартиру, тем более в учреждение. Склонностью к такому авантюризму Борис Андреевич никогда не отличался.

— Жильцов опросили?— спросил он, внимательно разглядывая автомобили, припаркованные вдоль улицы. Некоторые из них стояли прямо на тротуаре.

— Никто ничего не слышал и не видел, кроме той женщины. На пятом этаже, где стреляли в Лежнева, никаких следов, кроме пятен крови.— Похоже, лейтенант и сам знал, что от него требуется.— Вы не хотите подняться?

— Поднимемся. Но прежде поищем его машину.

— Лежнев был в машине?— удивился Дашков.

Корнилов подумал, что сотрудник, разговаривавший с Верой Михайловной, мог бы быть более внимательным.

Они медленно пошли по тротуару, рассматривая пеструю вереницу автомобилей. Поблизости с домом семнадцать яркой оранжевой машины Лежнева не было. Игорь Васильевич решил, что вечером здесь могло не оказаться свободного места и Борис поставил машину в отдалении. Так и оказалось: едва они свернули за угол, на Гороховую, Корнилов увидел «Жигули» со знакомым номером.

— Вот она, голубушка,— прошептал он.

На первый взгляд с машиной все было в порядке. Но когда Корнилов стал ее осматривать, оказалось, что дверца рядом с водителем сиденьем не закрыта.

— Смотрите, лейтенант...— показал он Дашкову на поднятую кнопку замка.

— Да... И никто не залез!— удивился лейтенант.

— А может быть, как раз залезли?— сказал Корнилов.— Или открыли ключом, взятым у Лежнева?

Дашков смутился, не найдя что ответить.

— Покарауйте машину,— сказал полковник.— А я вызову по рации экспертов.

Прошло не менее получаса, прежде чем они вошли в подворотню дома, где произошло несчастье. Это был типичный петербургский двор-колодец, и Корнилов сразу вспомнил двор в доме старика Капитона. Только здесь не было ни одного кустика. Стены, асфальт и квадрат голубого неба, если взглянуть наверх.

Рядом с подъездом асфальт был присыпан все еще сырым песком, сквозь него проступала кровь.

— Здесь его и нашли,— сказал лейтенант,— Лежнев долго пролежал на лестничной площадке— там тоже кровь... Потом, наверное, пришел в себя и выполз во двор.

Корнилов взглянул вверх. На пятом этаже было распахнуто лестничное окно.

«Чертов старик!»— уже в который раз подумал Корнилов. Капитон заслуживал самых крепких эпитетов, но в ранении Лежнева

вины его не было. Полковник понимал это, однако почему-то старика все равно хотелось ругать.

Несмотря на солнечный день, в окнах дома горел свет. На втором этаже, сидя на подоконнике, курили две молодые женщины. Они с любопытством разглядывали пришельцев.

— Рядом с пострадавшим ничего не нашли? — спросил Дашкова Корнилов.

— Нет. Я осмотрел весь двор. А вы, товарищ полковник, имеете в виду что-то конкретное?

— У Лежнева был с собой диктофон. В тот вечер он собирался встретиться с одним из свидетелей по старому уголовному делу.

Наверное, у лейтенанта возникло немало вопросов, но он сдерживался, не задал ни одного. Корнилов подумал: «Что же он ничем не поинтересовался? Не хочет беспокоить начальство или просто равнодушен?» И то и другое было ему неприятно.

— Нет, ничего во дворе я не нашел, — повторил Дашков. — Нескольо окурков, коробку из-под сигарет. На лестничной площадке у окна тоже подобрал окурочек. Все это сейчас на экспертизе.

Лифта в подъезде не было — на пятый этаж пришлось подниматься пешком по крутой лестнице. Она производила мрачное впечатление. Узкая — двоим не разойтись, грязная. И главное — до пятого этажа — ни одной двери. Случись что, кричи — не докричишься.

«Что же привело сюда Лежнева? — подумал Игорь Васильевич. — В это идеальное для расправы место?»

— Кто живет в этих квартирах? — спросил Корнилов, когда они с лейтенантом остановились на площадке пятого этажа.

— В шестнадцатой семья Прухно. Живут они здесь недавно. Он — капитан Балтийского пароходства, жена — дежурная по этажу в гостинице «Астория». Двое детей. Квартира стоит на охране. А в пятнадцатой — одни женщины. Старухи.

— Правильно! — Игорь Васильевич оглянулся на крутой марш лестницы. — Старухи у нас выносливые. Им лифт ни к чему. Пусть шагают по ступеням!

— Три старухи, — продолжал лейтенант. — В каждой комнате по бабушке — квартира коммунальная. Одна из них — Гунда Францевна Плуме, уже год как не выходит из дома. Ей девяносто. Соседки приглядывают, приносят продукты. Они помоложе — одна еще работает корректором в издательстве — Мария Федоровна Усольцева. Другая — пенсионерка, тоже Мария Федоровна. Только Смирнова. На пенсию вышла в прошлом году.

— Не такие уж и старые эти старухи? — усмехнулся Корнилов. — К ним, может быть, знакомые мужчины заходят?

— Ну... Может быть, — с сомнением сказал лейтенант. — Только пенсионерки все-таки...

— Я шучу, — Корнилов покосился на Дашкова. — А память у вас завидная! Имена помните прекрасно.

Дашков слегка пожал плечами, словно бы хотел сказать: «Какие пустяки! Обычное дело...»

Когда они спустились вниз и вышли на улицу, Корнилов попросил:

— Выясните с пенсионерками все до конца — кто у них бывает, есть ли среди родственников или знакомых мужчины? Не заходил ли кто вчера вечером? Человек, заманивший Лежнева в эту западню, наверняка хорошо здесь ориентируется. И даже знал о том, что

жильцы соседней квартиры в отпуске. А старухи вечером сидят дома.

— Слушаюсь, товарищ полковник,— сказал Дашков и неожиданно спросил:— Извините, Игорь Васильевич, мне сказали, что вы знаете Лежнева?

— Знаю.

— У вас уже есть какая-то версия? Мы у себя головы ломали...— Лейтенант чуть сконфуженно улыбнулся.— На ограбление не похоже.

— Нет у меня версии,— сердито ответил Корнилов.— Знаю, что Лежнев взял диктофон и поехал в Гатчину. С кем-то встретиться. А оказался на улице Гоголя!

— Может, тут замешана женщина?

— Из пятнадцатой квартиры?

Лейтенант промолчал.

Уже садясь в машину, полковник подумал о том, что было бы неплохо узнать, кто жил в шестнадцатой квартире до капитана дальнего плавания. И попросил Дашкова навести справки.

— Да заодно уж и про пятнадцатую выясните. И побыстрее.

Первое, что сделал Корнилов, возвратившись на Литейный,— внимательно перелистал записную книжку Лежнева. Ни одного гатчинского адреса в ней не значилось. Не было фамилий Поляков и Климачев. «Да и не могло быть здесь!»— подумал Корнилов. Он помнил, что Борис Андреевич, собирая для очерка материал, каждый раз заводил особый блокнот. Мягкий, без обложки, чтобы удобно было носить в кармане. Но такого блокнота не нашли ни в его одежде, ни в машине.

Отложив записную книжку, Корнилов раскрыл потрепанные водительские права Бориса. На талоне предупреждений он с удивлением обнаружил просечку, сделанную инспектором ГАИ. Лежнев всегда гордился тем, что за всю свою многолетнюю практику не получил ни одной «дырки». «Я законопослушный автомобилист,— говорил он.— В конфликты с ГАИ не вступаю». А просечка была. К тому же совсем свежая. Надев очки, Корнилов с трудом разобрал каракули инспектора рядом с «дыркой»: 23.06.87. Превыш. ск. инсп. Иванов».

«Если он совершил нарушение по трассе Ленинград — Гатчина,— волнуясь, подумал Игорь Васильевич,— это будет подтверждением его поездки».

Он тут же набрал номер заместителя начальника ГАИ...

А через час перед ним сидел автоинспектор Иванов, большой, как шкаф, загорелый и встревоженный.

— Помните? — спросил Корнилов и положил перед ним водительские права и талон предупреждений Лежнева.

— Помню, товарищ полковник. Я за вчерашнее дежурство всего одну просечку и сделал. Можно сказать, что недели две никого не наказывал так строго. Теперь в газетах только и чешут нашего брата. Инспектор такой, инспектор сякой!

— К вам претензий нет,— остановил его Корнилов.— Давайте о деле. Когда это произошло и где?

— В Пулкове! Там мой пост. А время? — Он на секунду задумался.— Точно скажу — в двадцать пятьдесят. Несся со скоростью больше ста... Я засвистел. Думаю, не остановится! Побежал к своей машине, а он тормозит. Сдал назад. Смотрю — человек серьезный,

запаха не чувствуется. Спрашиваю: вам жить надоело? Гоните как на пожар!

— Он выглядел взволнованным?

— Нет, товарищ полковник.— Похоже, это обстоятельство особенно удивило инспектора.— Улыбался. Сказал: «Спешу. Согласен на любое наказание». Я и сделал ему просечку. И предупредил, что позвоню по трассе. Если будет так же гнать — приедет на свидание без водительских прав.— Иванов вздохнул, кресло под ним жалобно простонало.— Сгоряча я, товарищ полковник, просечку сделал. Талон-то у него девственный, опытный водитель. Но ведь сто двадцать гнал! В пору его на экспертизу отправить.

Корнилов усмехнулся — в начале разговора лейтенант говорил о ста километрах. Да и был ли еще у него прибор для определения скорости? И еще он подумал: отправить инспектор Лежнева на экспертизу, не случилось бы несчастья.

Он встал. Вскочил и инспектор. Удивительно проворно для своей комплекции. Корнилов протянул ему руку:

— Все, лейтенант, спасибо за информацию. Помог ты нам очень.

Пожимая полковнику руку, Иванов спросил растерянно:

— Может быть, я что-то не так сделал? — И вдруг радостно воскликнул: — Это был ваш сотрудник?! На задании? А я его тор-мознул.

— Все в порядке, лейтенант,— невольно улыбнулся Игорь Васильевич.— Любых лихачей держи в строгости!

«Откуда они такие здоровые? — подумал Корнилов, провожая инспектора взглядом.— От свежего воздуха? И только?» Он давно заметил, что особенно много крупных инспекторов ГАИ на московских улицах. И все они казались полковнику очень похожими друг на друга.

Вечером к Корнилову зашел Филин. Сказал, удобно усаживаясь в кресле:

— Нашли мы «верхолаза». Ну и фрукт!

— А если без эмоций?

— Я без эмоций не могу, товарищ полковник,— Филин улыбнулся виноватой подкупающей улыбкой.— Такая зануда этот «верхолаз»! А ведь работает заместителем директора. Увидел, как наш эксперт следы в приемной на подоконнике фотографирует, зазвал меня в кабинет и ну крутить вокруг да около!

— Насколько я понимаю, признания не последовало?

— Частичное,— с несвойственным ему смущением сказал капитан.— Он признает, что в два часа ночи лазал по карнизу, но причину скрывает. Истинную причину,— капитан положил на стол толстую переплетенную рукопись. Игорь Васильевич взял ее, прочитал название: «Данные сейсмической разведки Кустанайской области. 1972 год».

— Заместитель директора института,— продолжил Филин,— Тихон Владимирович Гаранин. Заладил одно: ночью ему срочно потребовался этот документ! За два часа мы не продвинулись ни на йоту. Может быть, вы с ним поговорите?

— Ты что, задержал его? — с тревогой спросил Корнилов.

— Нет. Просто привез его в Управление. Ненадолго.

Корнилов хотел возмутиться, но капитан, почувствовав надвигающуюся грозу, быстро сказал:

— Товарищ полковник, Тихон Владимирович заявил, что будет на

меня жаловаться, я и предложил сделать это не откладывая. Он сейчас в приемной.

— Ну, Геннадий! Если что не так...— пообещал Корнилов.— Зови Гаранина. И дождайся у себя.

Тихон Владимирович оказался краснощеким крепышом со шкиперской бородкой и оттопыренными ушами. Во всем его облике было что-то петушиное, задиристое, и Корнилов весело подумал: «Занятный, наверное, у них с капитаном получился разговор».

— Садитесь, пожалуйста, товарищ Гаранин,— показал он на стул.— Капитан Филин доложил мне, что вы хотите заявить жалобу на его действия.

Тихон Владимирович, судя по всему, не ожидал такого поворота. Он внимательно посмотрел на Корнилова — не шутит ли? Потом так же молча обвел взглядом кабинет. Казенная обстановка «Большого дома», как называли в народе здание на Литейном, четыре, действовала на заместителя директора не лучшим образом.

— Дело не в жалобе, товарищ...— произнес он миролюбиво.

— Игорь Васильевич Корнилов,— представился полковник.

— Я считаю ниже своего достоинства жаловаться, товарищ Корнилов.— Гаранин нахмурился.— В этом есть что-то унижительное. Но нельзя же и так, как ваш капитан! И давит, и давит на меня! Я ему все объяснил...— Тут посетитель заметил на столе свою папку с «Данными сейсмической разведки», и уши у него стали малиновыми.

— В конце концов я имею право не отвечать на вопросы! — с вызовом сказал он.— Насколько мне известно, закон предоставляет право. В газетах сейчас об этом много пишут.

— Имеете такое право,— согласился Корнилов, уже предчувствуя, что сейчас услышит от Гаранина всю правду.— Но в том случае, когда речь идет о преступлении, свидетелем которого является гражданин, он обязан давать показания.

— Значит, я сейчас даю показания?

— Нет, Тихон Владимирович, мы с вами просто беседуем. Вот капитан Филин проводил предварительное расследование, и по поручению следователя прокуратуры официально допрашивал вас. И, судя по всему, превысил свои полномочия.

— Можете, и не превысил! — сказал Гаранин. Вид у него был крайне озабоченный.— Вы меня простите — у меня плохая память на имена...

— Игорь Васильевич...

— Игорь Васильевич, я могу говорить с вами конфиденциально? Нет, нет, вы не подумайте плохого — никакого преступления я не совершал и ничего подозрительного в ту ночь не видел. Так что я даже не свидетель. Мое хождение по карнизу — дело сугубо личное. Но я хотел бы...— Его уши из малиновых превратились в багровые.— Я хотел бы, чтобы о причине хождения не знали в институте.

— Если это действительно личное дело...— осторожно сказал Корнилов.

— Действительно, действительно! — закивал заместитель директора.— Слово даю! Так вот...— начал он и неожиданно замолк.— А капитану вашему не скажете?

— Скажу,— Корнилов начал сердиться. Разговор принимал какой-то комический оборот.

— Понимаю,— согласился Гаранин.— Капитан ведет расследование. Но пусть уж он не выдаст меня, а? — Заместитель директора вздохнул и решил: — Ко мне вчера товарищ приехал. Из Сибири.

Мы с ним в горном институте учились. Приехал без предупреждения, поздно вечером. Еда кой-какая у меня была, а с выпивкой — труба. Ни грамма. А на работе, в сейфе, бутылка коньяка с незапамятных времен осталась. Ну вот...

Он посмотрел на Корнилова наивными глазами. Слишком наивными, чтобы им верить.

— А почему вы не вошли в дверь? Кабинет-то ваш!

— Дурацкая история. Сломался замок. Я месяц напоминал завхозу, чтобы поставил новый. Месяц! — вспоминая о сломанном замке, Гаранин просто кипел от ярости, и Корнилов почувствовал, что ярость у него не показная. Неисполнительность завхоза допекла его всерьез. — И надо же! Когда пришел за коньяком — в дверях стоял новый замок!

— И не страшно было идти по карнизу?

— Страшно! Но не уходить же с пустыми руками!

— А почему вы так боитесь огласки, Тихон Владимирович?

— Вы что, не понимаете? Замдиректора лезет в окно за коньяком! В другие-то времена коллеги посмеялись бы, и все. В геологических партиях легенды бы ходили! А теперь? Да я еще и председатель районного комитета трезвости.

— Да-а. Ситуация, — сочувственно сказал Корнилов. — Но из общества-то трезвости я бы на вашем месте вышел. Раз употребляете. Неудобно как-то. Раздвоение личности!

— Неудобно, — согласился Гаранин. — Да ведь заставили. Вызвали в райком, поинтересовались здоровьем. А меня полгода назад инфаркт хватил. Они потому меня и вызвали. Говорят: «Вы после такой тяжелой болезни, конечно, капли в рот не берете? Вам и карты в руки — будете председателем общества трезвости». Это, дескать, и вам полезно. Как ни отнекивался — дожали.

Провожая Гаранина до дверей, Игорь Васильевич спросил:

— А у вас в институте ночью кто-нибудь дежурит?

— Нет. Когда мы сокращение штатов проводили, перво-наперво четыре единицы — ночных дежурных — сократили, нечего у нас караулить...

20

Узнав, по какой причине замдиректора ходил по карнизу, Филин рассмеялся:

— Вот это похоже на правду! А то схватил со стола первую попавшуюся папку и сунул мне. Так я и поверил, что ему ночью эти сейсмические данные понадобились! — и добавил с ноткой ревности: — Быстро он вам все выложил, товарищ полковник...

— Это, капитан, он не мне выложил. Кабинету.

Филин посмотрел на Корнилова с недоумением.

— Что ж тут непонятного!? Ты с ним разговаривал в его кабинете. Там он хозяин. Сила. А привезли в эти казенные стены — заместитель директора и сник. У нас только рецидивист уверенно держится. А честный человек может и напугаться. Тихон Владимирович даже жаловаться на тебя не стал.

«Вот еще один подозреваемый отпал», — подумал Игорь Васильевич. С того дня, как Романычев подошел к нему в зале Дома культуры, прошла всего неделя, а полковнику казалось, что минула целая вечность. Он засыпал и просыпался с мыслью о том, какие еще неожиданности всплывут в этом расплзающемся, как пере-

стоявшееся тесто, деле. Смерть Капитона Григорьевича, погром в его квартире, подозрение, павшее на Дмитрия Бабушкина, покушение на Лежнева... В каком горячечном мозгу могла зародиться мысль об убийстве с одной-единственной целью — скрыть преступление, погашенное сроком давности?

Помощник прокурора Кулешов, любивший щеголять своей эрудицией, сказал Игорю Васильевичу: «Неадекватные действия. Психически здоровый человек никогда не пойдет на это». Может быть, он и прав. А если этот человек владеет большими ценностями, нагребленными в годы блокады? Сохранит ли он самообладание, когда эти ценности окажутся под угрозой?

«Лежнев начал собирать материалы для очерка, героев которого уже нет на этом свете,— рассуждал Корнилов.— Казалось бы, что может быть безобиднее? А его попытались убить. Кто? Мертвецы не стреляют».

Что сумел разузнать журналист за сутки, прошедшие с того момента, как он познакомился с делом? С чего он начал? С поиска родственников Климачева и Полякова? Что могут они рассказать о прошлом этих людей, даже если захотят?

«Я смотрю на дело слишком профессионально,— остановил себя полковник.— Журналисту, наверное, интересно было узнать, кем стали дети преступников, как они живут?»

Он пометил на листке: «1. Родственники» и подумал о том, что Борису Андреевичу, наверное, мало показалось папки с делом Бабушкина. Были в годы блокады и другие процессы, на которых судили настоящих жуликов и расхитителей. У Лежнева могло появиться желание посмотреть на явление пошире. Года два назад Корнилов уже листал похожие синие папки.

Полковник записал: «2. Архивы».

Потом он позвонил Вере Михайловне Лежневой — узнать, не брал ли ее муж от редакции письмо в архив. Но телефон не отвечал. Наверное, Лежнева была в больнице.

Корнилов достал из сейфа папку с делом Бабушкина. Исходные данные для поисков и у Лежнева, и у него были одни и те же — хранящиеся в этой папке документы. «Так и не выяснил я, куда пропали материалы предварительного расследования!» — с неудовольствием подумал полковник и подчеркнул в своей записке слово «архивы» тремя жирными линиями.

Снова и снова он листал дело. Для того чтобы восстановить картину суда, Лежнев мог попытаться разыскать его участников. Заместителя начальника управления Наркомюста по Ленинграду Соколова, заместителя прокурора Исаенко. Судью Толя. Если они еще живы.

Полковник переписал все фамилии на листок. Недоставало только фамилии следователя. «Завтра затребую еще раз материалы предварительного расследования и выясню,— подумал Игорь Васильевич.— У Бори не было времени меня опередить».

И еще одна строка появилась на листке: «3. Судебное дело Климачева».

Последние дни забот у Бугаева было по горло. Белянчиков в таких случаях говорил: «Напряженка». Майору это слово не нрави-

лось. Резало слух. Так же как «замот» и «заморочка». Он приходил домой усталый, с гудящей от курева и кофе головой, принимал теплый душ и засыпал, едва голова касалась подушки. Ни кофеин, ни никотин еще не могли совладать с его здоровым организмом. Но каждый раз он просыпался с каким-то мучительным чувством неудовлетворенности. Так бывает, когда человеку приснится сон, но какой — не вспомнить. Остается лишь ощущение значительности приснившегося. Спал Семен последнее время без сновидений и совершенно справедливо рассудил, что его неясная тревога имеет вполне реальную основу. Что-то в эти дни он упустил очень важное.

В то время, когда шеф листал синюю папку с делом Бабушкина и методично расписывал свои действия на завтра, майор ходил взад и вперед по кабинету и лихорадочно вспоминал людей, с которыми встречался в последние дни.

Первый день — выезд на Каменный остров, осмотр места происшествия, всего парка, разговоры с жильцами немногочисленных домов и с многочисленной охраной государственных дач, с отдыхающими из санатория, с матерью Бабушкина. Надо же, еще в первый свой приход в их квартиру он мог споткнуться об этот проклятый саквояж с деньгами!

Шаг за шагом Бугаев вспоминал подробности увиденного, лица людей, их реплики, их реакцию на вопросы.

За первым днем следовал второй, третий... Загорелая, будто подвяленная на солнце, Агния Петровна Зеленкова. Стоп! Она же сказала о поздравительных открытках от Полякова! Как же я не уловил такую важную информацию сразу? Осел!

Торопясь, он начал листать записную книжку, нашел домашний телефон секретарши и, уже набирая номер, подумал с тревогой: «А ведь я даже не сообщил ей о смерти старика!»

— Слушаю вас, — ласково откликнулась Зеленкова.

— Агния Петровна, здравствуйте. Вас беспокоит майор Бугаев из милиции. Помните, мы недавно беседовали с вами о Капитоне Григорьевиче?

— Что с ним? Он нашелся? — с тревогой спросила Зеленкова. — Я вам много раз звонила, телефон не отвечал. Мне уже бог знает что в голову полезло...

— Простите. Я был все время в разъездах. Завтра утром приеду к вам, все объясню. А сейчас напомните мне, пожалуйста, когда Капитону Григорьевичу пришла последняя открытка от Полякова? Та, что вы из почтового ящика вынимали.

— Господи, да что вы об открытках! Капитона Григорьевича все нет и нет! И квартира опечатана! Что случилось?

— Я вам потом объясню, Агния Петровна. Сейчас важно, чтобы вы вспомнили...

— Про открытку от Полякова? К майским праздникам она пришла! День я не помню. Самый конец апреля.

— Спасибо, — сказал майор. — Большое спасибо. Завтра я у вас буду.

— Получается, что Поляков жив? — удивился Корнилов, выслушав покаянную исповедь майора. — А как же некролог, вырезанный Романычевым из газеты?

— Ошибся дедушка, — сказал Бугаев. — И как мне кажется, ошибка эта стоила ему жизни...

— Только не увлекайся! — остановил его полковник.

— Я думаю, Лежнев поехал к родственникам того Полякова, чей

некролог лежал у Романычева в тетради. Решил порасспросить их об усопшем, о его характере, привычках — ему ведь для очерка психология нужна, яркие детали, — продолжал Бугаев, и полковник отметил, что ход рассуждений майора совпадает с его мыслями. — Так выяснилась ошибка. Остальное — дело техники. Разыскал журналист настоящего Полякова и...

— Счастливый ты человек, Бугаев, — вздохнул полковник. — Все умеешь объяснить. Скажи мне: почему вдова и сын расстрелянного Бабушкина не хотят добиваться его реабилитации? Не верят?

— Игорь Васильевич, вы же видели мамашу! В чем только душа теплится? Ей волноваться нельзя. Отдаст богу душу. Жалеют ее, наверное? Только и всего.

Корнилов промолчал. Он словно увидел весельчака Бугаева новыми глазами.

21

Последние годы Корнилов спал плохо. Привыкать к снотворному ему не хотелось, и он перепробовал массу безвредных и, как оказалось, бесполезных средств от бессонницы. Глотал перед сном ложку меда, запивая его теплой водой, пил часто валериановый корень, ел размоченную курагу. После теплого душа, не вытираясь, ложился в постель. Гулял перед сном по часу или не выходил на прогулки вовсе... Не помогало ничего. Даже чтение скучных книг. Советы врачи давали противоречивые. А его старый друг, доктор Козлов, как-то сказал Корнилову:

— Ну чего ты меня выспрашиваешь? Я и сам не могу заснуть, пока не глотну димедролу и запью бутылкой пива.

Идея с пивом пришла Игорю Васильевичу по душе. Он попробовал пиво без димедрола. И быстро заснул. С тех пор, ложась спать, он ставил на ночной столик бутылку пива. Действовало неплохо. Получасовое чтение «под пивко» помогало заснуть. Но появились новые неприятности. Стала сниться всякая чертовщина...

В ту ночь Игорь Васильевич вообще не сомкнул глаз. Не помогли ни пиво, ни снотворное. Утром жена спросила с тревогой:

— Ты когда уснул?

— Около двух, — соврал Корнилов. Жена с сомнением посмотрела на него.

— Ты же почернел, Игорь. В гроб краше кладут.

— Сегодня магнитная буря, — попробовал отшутиться он.

Горячий душ и крепкий кофе помогли ему обрести форму. Приехав на службу, Корнилов снова сварил себе кофе.

Сводка за сутки была на удивление спокойной, и Корнилов отменил оперативку. Ему не хотелось сегодня терять время.

В девять тридцать Игорь Васильевич уже знакомился со списком двенадцати Поляковых, проживавших в Гатчине. Среди них был и Поляков Петр Михайлович, 1917 года рождения, проживавший на Парковой улице в доме № 14.

— Здорово все сошло на Гатчине! — радовался Бугаев.

Как он умудрился в такую рань установить всех гатчинских Поляковых, полковник спрашивать не стал. Отметил только, что майор сегодня тоже подрастерял свой франтоватый лоск. Может, и впрямь магнитные бури на них стали действовать? И смех и грех с этими прогнозами!

— Дедушка в Гатчину ездил? — Семен упорно называл покой-

ного Капитона Григорьевича «дедушкой». — Лежнев с Гатчины начал?! И там же, оказывается, Поляков живет! Есть повод задуматься?

— Поляков на пенсии?

— Как бы не так! Работает главным специалистом гатчинского Гипромеза. И тоже кандидат технических наук. Надо ехать в Гатчину, товарищ полковник!

— Успеем. Скажи мне лучше — ты можешь себе представить ученого, главного специалиста института, стерегущего свою жертву с куском трубы в руке?

— Очень даже могу.

— Семидесятилетнего деда?

— Могу! — упрямо повторил Бугаев.

— Ладно. Свяжись со следователем. Доложи ему о Полякове.

Когда майор ушел, Игорь Васильевич попросил секретаря соединить его с начальником жилотдела того района, где жили Бабушкины. Начальника звали Олег Павлович Зорин. Корнилов коротко рассказал ему о неудобной и холодной квартире Бабушкиных.

— Я знаю эту квартиру, — вспомнил Зорин. — Она не такая уж и неудобная. В парке. Прекрасное место! Но все это лирика, Игорь Васильевич. А сермяжная правда состоит в том, что депутатская комиссия трехкомнатную им не дает. А без нее я ни шагу, так зажали.

Полковник слушал Зорина с неприязнью. Уже месяц, как ОБХСС занимался этим делом: взятки, кумовство, злоупотребления квартирами старого фонда — чего только не числилось за этим человеком!

— Олег Павлович, одна из проживающих в этой квартире женщина больна раком. И мать с взрослым сыном имеют право на отдельные комнаты.

— Имеют, — согласился Олег Павлович. — Но вы же знаете, Игорь Васильевич, между законом и действительностью дистанция огромного размера. — Понабывав себе цену и решив, что полковник не за чужих людей хлопочет, Зорин добавил: — Я на этих днях пошлю туда инспектора, и будем готовить новые материалы на депутатскую комиссию. Напомните координаты...

Корнилов продиктовал адрес Бабушкиных и положил трубку.

Через несколько минут позвонила директор областного архива: судя по архивной описи, следственное производство по делу Бабушкина должно было находиться в синей папке, что лежала у Корнилова в сейфе. А дело Климачева в архив вообще не поступало.

— Где же можно еще искать? — спросил полковник, уже предчувствуя ответ.

— Больше нигде, Игорь Васильевич. Наверное, дело пропало в годы блокады. Или кто-то допустил небрежность при сдаче архива.

— А вы не могли бы назвать мне людей, которые работали последнее время с судебными делами времен блокады? — спросил Корнилов.

— Конечно. Подождите немного...

Прошло не более пяти минут, как полковник уже записывал фамилии интересующих его лиц.

А еще через полчаса Филин привез ему из прокуратуры сведения о тех ветеранах, которые работали в осажденном городе. Их осталось совсем немного — девятнадцать человек. Все давно на пенсии. Ни заместителя начальника управления Наркомюста Соколова, ни заместителя прокурора Исаенко, ни судьи Толя среди них

не было. Соколов погиб на фронте, Исаенко и Толь умерли еще в шестидесятые годы.

Из девятнадцати оставшихся в живых некоторых Корнилов хорошо помнил. Заслуженные люди, они пытались пережить старость: работали в Совете ветеранов, выступали с лекциями.

Уже дважды заглядывал в кабинет Бугаев, но полковник предостерегающе поднимал ладонь, показывая, что занят.

Лейтенант Дашков из Октябрьского райотдела влетел с опозданием на пятнадцать минут.

«Рано я его в службисты зачислил,— рассердился Корнилов.— Он, оказывается, обыкновенный разгильдяй!»

— Извините, товарищ полковник, машинистка подвела. Трижды перепечатывала. Что ни фраза, то ошибка! — Лейтенант выглядел огорченным.

— Да какие тут фразы! — сказал Корнилов, живо представив себе, как Дашков стоял у машинистки «над душой» и как она нервничала и лепила ошибку за ошибкой.— Мне и черновика бы хватило.

— Жильцов, товарищ полковник, в этих квартирах перебивало уйма. Много лет квартиры служили резервным фондом.— Дашков положил перед Корниловым две страницы текста. Бумага была мелованная. Наверху первой страницы значилось: «Начальнику отдела Управления уголовного розыска Главного управления внутренних дел Леноблгорисполкомов, полковнику Корнилову И. В.».

«Ничего себе! — подивился Корнилов.— Надо будет порекомендовать лейтенанта полковнику Набережных. Вдруг ему зав. канцелярией понадобится?» Полковник Набережных был начальником хозяйственного управления.

— Ладно, лейтенант. Победителей не судят. За сведения спасибо. Но учтите на будущее: бис дат, кви цито дат. Вы латынь еще помните?

Дашков слегка побледнел.

— Нет, товарищ полковник. У нас латынь не преподавали. Я высшую школу милиции заканчивал.

— Ну, не беда! — ободрил его Корнилов.— Это значит: «вдвойне дает тот, кто дает скоро». А в нашем деле быстрота — главное. И поменьше обращайтесь внимания на бумажки, на форму.

«Кажется, я дал ему не самый полезный совет для жизни», — усмехнулся полковник, когда Дашков вышел из кабинета.

Он снова набрал номер телефона Лежневых...

22

— Дело, которым ты сейчас займешься, трудное,— сказал полковник Бугаеву.

— В Гатчине?

— В Гатчину поеду я. Разговаривать с главными специалистами должны полковники, а не майоры. Запиши: Звонарев Юрий Кононович. Васильевский остров, 5-я линия, дом 39, квартира 42, пенсионер. С этого момента каждый шаг Юрия Кононовича должен быть нам известен. В помощники возьми Филина. И больше никого. Участкового инспектора не привлекай. Ты его знаешь?

— Нет.

— Все равно! Он тебя может знать. Поэтому на глаза ему не попадайся. Звонарев — человек опытный. Очень опытный. Так что

сидения в скверике или в машине с газетой и всякие такие штучки отменяются. Он все это лучше нас с тобой знает...

Майор, собравшийся было протестовать — очень уж ему хотелось поехать к Полякову,— по тону шефа понял, что дело, действительно, предстоит непростое. Значит, обычного сотрудника наружной службы не пошлешь.

— Человек этот вооружен. Скорее всего, пистолетом. В двадцать часов или ты, или Филин позвоните мне. Нет, лучше дежурному. Он меня найдет и в Гатчине. Вдруг случится что-то непредвиденное... Следующий звонок в двадцать два. Мне.

— Домой.

— На службу.

— Ночью тоже звонить?

— Думаю, что ночью не понадобится. И христом-богом прошу — постарайтесь не вспугнуть.

— А если намылятся из города?

— Задерживать только перед самой посадкой в поезд или самолет.

— Фото?

— Будут через час.

— Живет в квартире один?

— Знаю только, что квартира отдельная.

— Ну и задачка! Со всеми неизвестными.

— Не набивай себе цену. Рядовое задание,— без улыбки сказал Корнилов, противореча самому себе.— У тебя, конечно, сигареты не найдется?

Бугаев достал пачку «Кента».

— Извини! Как же я упустил — ты у нас всегда против течения идешь! Все бросают, а ты закурил.

— Работа нервная, товарищ полковник,— смиренно ответил Бугаев. Но Игорь Васильевич на это его ерничество не отозвался. Молча прикурил от протянутой майором зажигалки.

Он сделал всего несколько затяжек, и чуть ли не с ненавистью раздавил почти целую сигарету в пепельнице:

— Сеня, ты меня вовремя поправил.

Бугаев удивленно посмотрел на шефа. Он ни словом не возразил полковнику. Только слушал.

— Не все я продумал со Звонаревым. Лучше будет, если он забеспокоится. Когда человек беспокоится, он ошибается чаще. Зайди в жилконтору, наведи справки. Отыщи участкового. Правда, участковый вряд ли знает, что за тип Юрий Кононович!

— Так ведь и я не знаю! — упрекнул шефа майор.

— Давай действуй. Сегодня все узнаешь. Пусть Филин позвонит к нему в квартиру, задаст какой-нибудь пустяковый вопрос. Но учти: потом ведите себя так, чтобы даже я вашего присутствия обнаружить не смог.— Он помолчал, задумчиво разглядывая майора, и Семену показалось, что шефа одолевают сомнения. Что он не уверен, правильный ли дал совет. Таким майор видел Корнилова впервые.

— Этот человек меня очень интересует. Очень. Но что-то я все же недодумал.— Полковник встал, подошел к окну, посмотрел на унылое здание артиллерийского училища. Потом обернулся к Бугаеву и неожиданно сказал:

— Лежнев ночью умер...

Некоторое время они молчали. Первым нарушил молчание майор:

— Когда похороны?

— Послезавтра. Только я не пойду. Не хочу увидеть Бориса в гробу...

Если уж быть откровенным до конца, то Корнилову следовало бы сказать, что он просто боялся, можно даже сказать, панически боялся похоронных церемоний. И жена, зная об этом, сказала после того, как стало известно о смерти Лежнева: «Не ходи на похороны. Пускай он останется для тебя таким, каким ты видел его последний раз. А Вере я все объясню. Она поймет. Помоги лучше оформить всю эту похоронную канитель».

23

Когда Бугаев ушел, полковник подумал: «Вот и все... Если птичка еще не улетела, можно подводить итоги.— Мысль о птичке заставила его невесело усмехнуться.— Хороша птичка! Орел-стервятник». Корнилова уже не очень интересовала поездка в Гатчину, разговор с Поляковым. «Что нового я узнаю от этого прохвоста? В лучшем случае — выслушаю покаяние, вроде того, что уже слышал от старика Капитона. Покаяние под надежным щитом срока давности. А скорее всего и покаяния не будет».

В этом зыбком деле, протянувшемся пунктиром из прошлого,— сплошные потери. Опоздания и потери. Игорь Васильевич подумал о том, что люди, с которыми ему пришлось встречаться в последние дни, совершали нелогичные поступки. Все Бабушкины, эта милая подруга Дмитрия Алексеевича... Он вспомнил доктора-коллекционера, ограбленного собственным учеником. Вот еще один чудак — кто-то обманул его, всучил вместо подлинников копии картин, а ему не хочется рушить иллюзии.

Всю дорогу до Гатчины Корнилов дремал. Медников не донимал его разговорами, ни о чем не расспрашивал. Он знал, что Игорь Васильевич был дружен с Лежневым.

В Гатчине у подъезда районной прокуратуры их ждал высокий молодой парень. Он сел в машину, представился:

— Зорий Александрович Мирзоев, следователь районной прокуратуры.— И добавил: — Поляков дома, два дня назад взял больничный лист. Со вчерашнего вечера никуда не отлучался.

— Он живет один? — спросил Медников.

— С женой. Сейчас у них гостит внучка, девочка лет двенадцати.

— Если жена и внучка дома, придется Полякова везти на допрос в прокуратуру,— сказал Медников и вопросительно посмотрел на Корнилова. Полковник пожал плечами:

— Ладно. На месте все станет ясно.— И спросил: — Зорий Александрович, вам не удалось выяснить, чем занимался Поляков прошлую неделю?

— Удалось. Он так провел эти семь дней, как будто знал, что мы начнем выяснять его алиби!

— Конечно, знал! — сказал Корнилов.— С таким прошлым дожить до семидесяти лет без пятнышка на мундире?! Голова должна быть у человека в порядке!

— Догадывался, что убийства произойдут? — с сомнением спросил Медников.

— Догадывался, что к нему могут быть вопросы.

— Притормозите,— Мирзоев тронул шофера за плечо и обернулся к Медникову:— В этом доме ваш оперативник...— Он улыбнулся.— «Шефствует» над Петром Михайловичем. Я только узнаю, все ли спокойно? А вилла Полякова за углом.

Помощник прокурора скрылся в подъезде новенького пятиэтажного дома из белого кирпича. Домик был неплохой, чистенький, портили его только безвкусные орнаменты под крышей да вразнобой застекленные лоджии.

Он отсутствовал минуты три, не больше. Вернувшись, сказал с удовлетворением:

— Хорошо все складывается! Поляков дома один. Жена с внучкой уехали в город.

Дом Полякова утопал в зарослях сирени и чем-то отдаленно смахивал на старинные постройки Каменного острова. Запущенный, неухоженный сад наводил на мысль, что у хозяев нет ни времени, ни сил содержать его в порядке. Но в дверях приехавших встретил плотный загорелый мужчина с бритой головой, в синем спортивном костюме, рекламной маркой которого служила всемирно известная лилия.

— Сколько гостей! — сказал он спокойно.— Смотрю в окно — машина остановилась. Не каждый день ко мне черные «Волги» подкатывают. Подумал — надо встретить.

Пожалуй, только многословие выдавало его тревогу. «А, может быть, он прирожденный болтун?» — подумал Корнилов. Но тут же отогнал эту мысль. Болтуны быстро попадаются.

— Я следователь ленинградской прокуратуры Медников,— представился Михаил Павлович. Он достал удостоверение, но Поляков даже не взглянул в него.

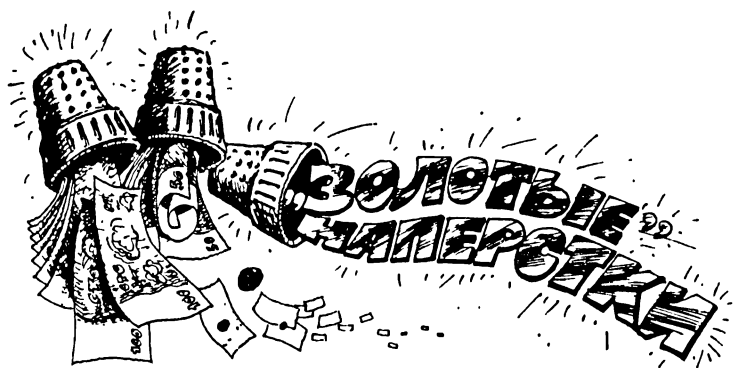
— Товарища Мирзоева я знаю,— сказал он.— У нас в институте с докладом выступал. О борьбе с самогонщиками. Я подумал, уж не самогонный ли аппарат вы хотите у меня найти?

— Нет, Петр Михайлович. Я должен вас допросить по делу об убийстве.

Поляков озадаченно присвистнул.

— Ну, что ж, допросите. Милости прошу в дом.

(Окончание следует.)

Свердловский рынок Иркутска в воскресный день словно муравейник. Неподалеку звонкий голос выводит незатейливый речитатив:

— Кручу, верчу, обмануть вас хочу! Игра простая: это Марадончик, а это Блохин и Касатончик!

Легкими перстами зазывала накрыл шарик золоченым «Марадончиком», и три наперстка забегали по дощечке. Толпа в раздумье, ставка в полусотенную «кусается». Некто усатый тычет четвертными билетами в наперсток...

— Ай-ай,— фальшиво причитает иллюзионист-балагур.— Угадал, глазастый. Не буду с тобой больше играть.

Прямо не толкучка, а церковная паперть, где от простака можно получить увесистую милостыню. Э-эх! Всяк свят, когда черти спят! У подошедшего парня загораются глаза:

— Я буду ставить.

Снова раздается звонкое:

— Кручу, верчу, обмануть вас хочу! Угадаешь — с женой в кино пойдешь, не угадаешь — без штанов уйдешь.

Парень нервно указывает зеленой бумажной трубочкой на один наперсток — под ним пусто. Затем (ставка удваивается) — на другой... Отдыхай, бедолага, ты не создан для форта! Тут только до парня доходит, что он за считанные секунды утратил полтора ста целковых. Слово отработанный шлак из мартеновской печи, толпа выбрасывает неудачника за пределы круга.

Зато усатый, усатый-то каков! Снова угадывает «Марадончик» и срывает куш. Видно, всерьез решил «скоротать вечерок» с женой в кино. Но через мгновение уже другой околпаченный чешет в затылке рядом с первым. Невдомек им, что «счастливец» неспроста подставляет свои бока под локти и колени копошащейся публики, для ловкого малого он обыкновенный напарник, и роль его — быть как бы наживкой при ужении простаков.

Обнаружить черный шарик шансов у простака не больше, чем выиграть в лотерею «Волгу». Тщетно следит он за перстами, легкими, как сон: глазу не заметить, как ловко переходит в них мягкий катыш из-под наперстка, для иных поистине золотого. Зряшное это дело. Достаточно заглянуть в очи рыцарю сегодняшних толку-

чек, вокзалов и аэропортов. Тогда непременно обнаружишь, говоря словами поэта Роберта Бернса:

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец плут.

Между прочим, занятие у плутов не столь безнаказанное, как это со стороны может показаться. Граждане, утратившие юридическую невинность, в полдень того же дня были транспортированы из толкучки в местечко поспокойнее. В Свердловский РОВД. Вместе с «налапниками» (по-нашему — компаньонами), числом 21 человек. За наказуемое пристрастие к азартным играм.

Прослышав об экспроприации экспроприаторов, в РОВД потянулись потерпевшие. Проигравшийся парень расположился у входа в кабинет замначальника В. Домогацкого. Всяк выходящего оттуда милицейского чина он дергал за рукав:

— Начальник, деньги давай!

Не столь явная, но все же надежда таилась на лицах других облапошенных. Ангарчанка Ася приехала на иркутскую толкучку за сапожками и стала неплатежеспособной, подпав под чары своего земляка Помялкова. Иркутянин Алексей, в будни — шофер, перечислил в «фонд» узбека Ахметова свою месячную зарплату...

Ох, и богатенькие же мы с вами, читатель! Оказывается, в город на Ангаре можно запросто заглянуть на выходные — из Харькова, Ташкента, Баку... Неблизкую дорогу окупят «варягу» сибиряки, да еще и отстегнут ему на разживу тыщонку-другую. Что, одному ему несподручно гонять пустые наперстки на доске? Ну так пусть захватывает с собой «налапников», им тоже кое-что перепадет. Услышав этот молчаливый зов, порадовал иркутян своим посещением некий харьковчанин Плевако с верной дружиной из двух детинушек, молодых да могучих. И, между прочим, стали лагерем не где-нибудь на вокзале, а в заоблачном «Интуристе», куда нас с вами, читатель, на пушечный выстрел не пустят. Их капиталец за часок другой составил восемьсот целковых плюс билеты на обратную дорогу.

Можно согласиться с Плевако, сказавшим:

— Не жалейте околпаченных. Они сами хотели пожить за наш счет.

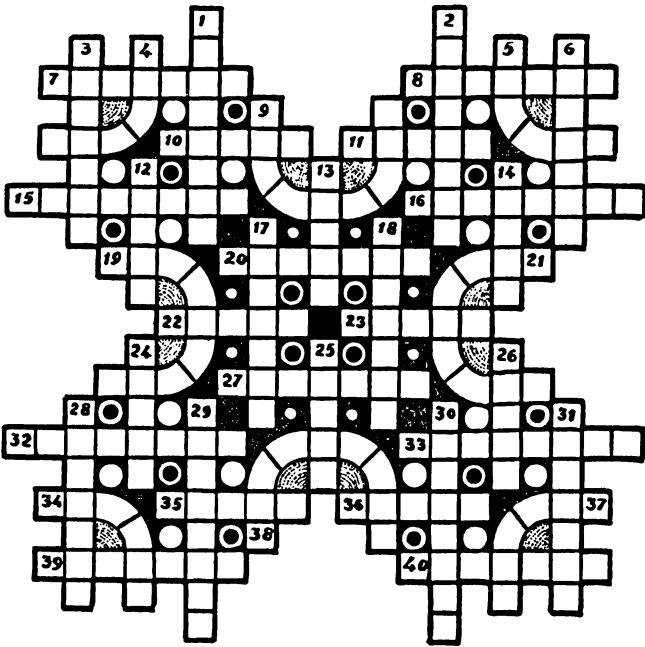
Посему справедливо, что вся изъятая у игроков наличность в размере трех тысяч рублей пошла не куда-нибудь, а в бюджет державы. Темные личности — зазывалы, доставленные в РОВД, получили административные взыскания, а еще более темные, неустановленные, переехали на койко-места в приемник-распределитель.

С шулерами ясно. Давайте теперь, доверчивые граждане, с собой разберемся. Стоит ли обращаться к услугам нечистых посредников? Не лучше ли, раз уж завелись шальные деньжата, сразу перечислить их в какой-нибудь благотворительный фонд? Почета все-таки больше.

С. КРЕДОВ

г. ИРКУТСК

Знаете ли вы право?

По горизонтали: 7. Запрет, наложенный государством на ввоз или вывоз другими странами отдельных видов товаров, золота или иностранной валюты. 8. Краткое сообщение министра по вопросам текущей политики в парламенте. 10. Массовая гибель рыбы вследствие загрязнения водоемов промышленными отходами. 11. Свидетель по древнерусскому праву. 15. Правило поведения, вежливость, благопристойность. 16. Итальянский композитор, автор оперы «Тайный брак». 20. Советский ученый в области государства и права, председатель юридической комиссии при Совете Министров СССР (1956—1962 гг.). 22. Часть города, в котором селятся дискриминированные национальные меньшинства. 23. Плата, деньги. 27. Внешнее проявление уважения, почтения. 32. Имущество, которое дают родители дочери при ее выходе замуж. 33. Частный сыщик, ведущий расследование уголовного дела. 35. Советский писатель, автор романа «Две жизни». 36. Киноактриса, снимавшаяся в фильме «Мы, нижеподписавшиеся». 39. Уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности. 40. Часть Кодификации Юстиниана.

По вертикали: 1. Перемещение, переселение. 2. Торгово-снабженческий и заготовительный пункт в отдаленных промысловых районах. 3. Выпуск в обращение банковских и казначейских билетов, бу-

мажных денег и ценных бумаг. 6. Поворот, извилина, изгиб (перен.: уловки, увертки). 12. Глава, руководитель политической партии. 13. В ряде стран должностное лицо, выполняющее в своем округе определенные административные функции. 14. Киноактер, народный артист СССР. Снимался в фильме «Депутат Балтики». 17. До 1982 года — название профсоюзного органа. 18. Возможный мотив преступления, состоящий в стремлении к наживе, обогащению. 24. Морской разбойник. 25. Русский писатель, автор рассказа «Палата № 6». 26. Американский режиссер, постановщик фильма «Убийцы». 28. Один из основоположников отечественной судебной медицины. 29. Деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны. 30. Акт монарха в форме конкретного предписания министру. 31. Немецкий кинорежиссер, постановщик фильма «Розы для господина прокурора».

По дугам: 4. Странник теории господства «высших» рас над «низшими». 5. В международном праве — выбор лицом гражданства. 9. Одно из названий международного договора. 19. Наказание, карательная мера. 21. Преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения. 34. В России до 1917 года помещение для нарушителей установленного порядка в тюрьмах, армии, учебных заведениях. 37. Глава дипломатического корпуса. 38. Совещание по какому-либо научному вопросу (часто международное).

Составитель И. ЧЕЛЕДИНОВ

Винницкая область

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 10 за 1988 год.

По горизонтали: 1. Папирус. 6. Кредит. 8. Ликтор. 10. Санкция. 11. Судно. 12. Сила. 13. Клуб. 15. Ранг. 17. Пика. 19. Прим. 21. Спор. 22. Арест. 24. Мера. 25. Арго. 26. Каин. 27. Веста. 28. Афера. 29. Кони. 31. Андо. 33. Виза. 34. Триба. 35. Такт. 37. ОРУД. 38. Тест. 39. Тиун. 41. «Заяц». 43. Наказ. 46. Курия. 47. Саботаж. 49. Новруз. 50. Надзор. 51. Яхтсмен.

По вертикали: 1. Полис. 2. Ищейка. 3. Сирия. 4. Кредо. 5. Нотис. 6. Кодекс. 7. Табу. 8. Лига. 9. Рапира. 13. Кара. 14. Бюро. 15. Риск. 16. Гимн. 17. Плевако. 18. Апатрид. 19. Префект. 20. Мегалит. 22. Агент. 23. Тайна. 29. Кант. 30. Иран. 31. Абаз. 32. Отец. 33. Вулкан. 36. Террор. 40. Указ. 42. Ажан. 44. Завет. 45. Допрос. 46. Казнь. 47. Судья. 48. Жакан.

Сдано в набор 26.08.88. Подписано к печати 21.09.88. А 02817.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Тираж 10 300 000 экз. (1-й завод: 2 600 000 экз.)
Заказ № 3032.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП,
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рис. В. Хозина

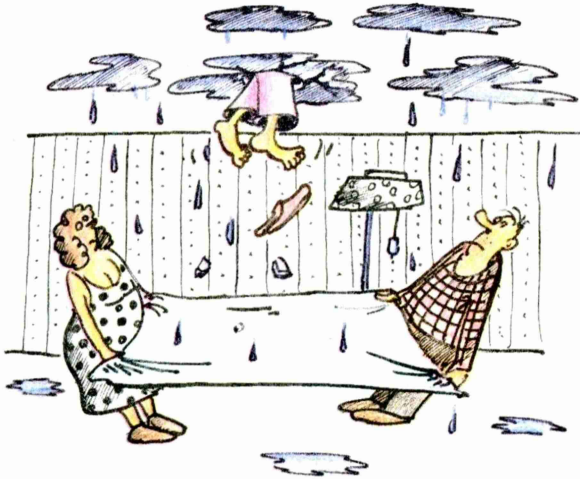

Рис. В. Луговкина

Цена 60 коп.

Индекс 71075

«Человек и закон»
1988, № 11, 1—128

